

ПОЭТЫ
«САТИРИ-
КОНА»

ПОЭТЫ
«САТИРИКОНА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЭЗИЯ

Советской
песенки

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,*

С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ПОЭТЫ «САТИРИКОНА»

*Предисловие Г. Е. Рыклина
Вступительная статья,
биографические справки,
подготовка текста и примечания
Л. А. Евстигнеевой*

Произведения, помещенные в этом издании, принадлежат перу даровитых поэтов — сатириков и юмористов, сотрудников популярных в свое время журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» (1908—1918). Не выходя за рамки буржуазно-либеральной идеологии, поэты-сатириконцы тем не менее умело нападали на политику самодержавия, остроумно высмеивали крупных чиновников — бюрократов, лидеров правых партий, реакционную прессу, развенчивали нравы и вкусы обывательской публики. Творчество П. Потемкина, В. Горянского, В. Князева, Е. Венского и др. ведущих поэтов «Сатирикона» представлено в этой книге разнообразными жанрами: стихотворными шаржами, памфлетами, юморесками, пародиями, баснями, эпиграммами и др. Такой сборник издается впервые.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «САТИРИКОНЕ»

Дождь лениво и небрежно смывал пыль с могильных плит и крестов. Мы, группа советских туристов, ходим по длинным улицам и укромным переулкам Ольшанского кладбища в окрестностях Праги. Читаем надписи.

Хорошо помню, как я был поражен, очутившись перед одной запущенной могилой. Как?! Неужели это он? Неужели он здесь, на окраине чехословацкой столицы?

Сомнений быть не может. На пожелтевшей, слегка треснувшей мраморной доске буквы, которые когда-то были похожи на золотые, рассказывают коротко и ясно:

«Здесь покоится русский писатель А. Т. Аверченко».

Аркадий Аверченко! Редактор «Сатирикона». Автор многих сборников юмористических, по-настоящему смешных рассказов...

Советские туристы, бывшие со мной в одной группе, смотрели на треснувшую мраморную доску — одни равнодушно, другие с недоумением. Аверченко . . Кто он такой? . .

Потом кто-то вспомнил. Ах, да это тот самый. Написал за рубежом книгу антисоветских рассказов. И какое придумал лихое название — «Дюжина ножей в спину революции».

Вспомнили, как Владимир Ильич Ленин зло посмеялся над этими «ножами», написав в 1921 году для «Правды» иронический отзыв. «Некоторые рассказы, по-моему, — говорится там, — заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять».¹

Мало кто знает сейчас о жалких «ножах» Аверченко, об его наивной попытке «зацепить» советскую власть.

¹ В. И. Ленин, Талантливая книжка. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 250.

Мало кто сейчас помнит главаря сатириконцев. Мало кто сейчас помнит веселых, задорных, даровитых, своеобразных поэтов и прозаиков некогда весьма шумного, остроумного «Сатирикона». Ничего удивительного нет в том, что один литературный критик в беседе со мной, желая показать свою эрудицию, спросил:

— А как Тэффи? *Он* еще жив?

И Тэффи, и Потемкин, и Евгений Венский, и И. Прутков, и Сергей Горный — это дела минувших дней. Но разве мы полностью отрешиваемся от давно минувших дней?

Нам надо *все* знать — и настоящее, и прошлое. Не все принимать, но все знать.

Разве можно выбросить за борт весь «Сатирикон», всех поэтов-сатириконцев? Ведь в свое время (хотя бы с позиций либеральных) они выступали против царского режима, против полицейщины, против затхлой обывательщины, против черносотенцев.

Повторяю: все это надо знать. Это — часть нашей литературы.

Мы сейчас настолько сильны, что можем разрешить себе перепечатать стихи даже тех сатириконцев, которые впоследствии оказались во враждебном нам стане, позволяли себе злобные выпады против Советской России. Отделяя в их творчестве подлинно талантливое от литературного балласта, мы уверенно включаем их лучшие стихи в сборник.

Среди сатириконцев были люди, которые порвали со своим прошлым. Например, В. Князев, А. Бухов, В. Воинов, И. Прутков работали (и неплохо работали) в советской печати. Я много лет встречался с Аркадием Буховым в «Крокодиле» — и могу сказать, что он был неплохим «крокодилцем», неплохим советским юмористом и сатириком. Он очень остроумно в прозе и стихах выступал против империалистов, против буржуазии.

Как-то он мне прочел свое старое стихотворение (1913 года) — «Трагедия кубизма». Ей-ей, его можно и сейчас читать с эстрады. Я записал его. Вот начало:

Рыдала девушка о брате.

.

Ты понял миг и воплотил:

Поставил окуня в квадрате

И кубом бок ему закрыл.

Замазал небо острым клином,

Вбил абажур от лампы в нос

И, сделав подпись гуталином,

К друзьям на выставку повез.

Пришел туда же критик строгий,
Угрюм, начитан и сердит.
Порывшись в новом каталоге,
Нашел он: «Женщина грустит».
«Грустит. . . — подумал он, — однако
Зачем же зонтик вместо глаз?
А на бровях сидит собака
И ест отточенный алмаз?»

Еще одна цитата — и на этом закончу. Это старое стихотворение В. Воинова показывает стиль, манеру и тематику многих и многих поэтов-сатириков.

Из стихотворения «Эхо» (1911 год):

«Почему мы о реформах
Годы без толку мечтаем
И торчим, как пень, на месте?»
Отвечает эхо: «. . .таем!»
«Почему, скажи, надежды
„Обстоятельства“ разбили?
Почему мы слабы духом?»
Эхо стонет где-то: «. . .били!»
«Разве мы перед невзгодой
Малодушно отступали?
Или нет „людей“ в России?»
Эхо тихо плачет: «. . .пали!»
«Ну, а Дума? Что же смотрят
Прогрессивные гучковцы?»
Рассмеялось звонко эхо
И затем вздохнуло: «. . .овцы!»

П. Потемкин, В. Горянский, А. Бухов, В. Воинов, В. Князев, И. Прутков — это талантливые представители сатирической поэзии. Познакомиться с ними не мешает. Более того, — надо познакомиться.

Г. Рыклин

ПОЭТЫ-САТИРИКОНЦЫ

Осенью 1907 года в редакцию петербургского сатирического журнала «Стрекоза» явился молодой человек в цилиндре, по виду провинциал. Он отрекомендовался конторщиком с горного завода, Аркадием Тимофеевичем Аверченко, и оставил рукопись юмористического рассказа. Издателем «Стрекозы» был в то время молодой М. Г. Корнфельд, только что унаследовавший от отца совершенно бесцветный и бездоходный журнал. Он лихорадочно пытался спасти «Стрекозу» и поэтому охотно принял в редакционную семью полного энтузиазма Аверченко. Первый рассказ Аверченко был вскоре напечатан, а через неделю он уже работал секретарем «Стрекозы», но посоветовал закрыть ее «за ветхостью и ненадобностью». ¹ Совет поддержали работавшие тогда в журнале художники А. Радаков и Н. Ремизов (Васильев, псевдоним: Ре-ми). В конце концов издатель согласился. Вместо «Стрекозы» с первого апреля 1908 года стал выходить другой еженедельный журнал — «Сатирикон», своим названием напоминая об известном произведении древнеримского писателя Петрония.

1

«Сатирикон» в основном делался руками талантливой литературной молодежи — писателями, в большинстве своем превосходно владевшими даром комического. Это были прежде всего редактор

¹ П. Потемкин, Аркадий Аверченко. — «Последние новости», 1925, 15 марта.

журнала Аверченко,¹ Саша Черный (А. М. Гликберг), П. Потемкин, В. Горянский (В. И. Иванов), Тэффи (Н. А. Бучинская) и другие. Интересный материал давали в еженедельник также его сотрудники, как В. Князев, В. Воинов, А. Бухов, О. Л. д'Ор (И. Л. Оршер), С. Горный (А. А. Оцуп), Н. Агнiewicz и прочие поэты и прозаики. К участию в журнале были привлечены некоторые видные, уже получившие признание писатели вроде Леонида Андреева и А. Куприна. В нем печатался Алексей Толстой. Номера «Сатирикона», помимо постоянных карикатуристов — Н. Ремизова, А. Радакова, А. Яковлева, А. Юнгера, часто иллюстрировались прославленными мастерами: Б. Кустодиевым, К. Коровиным, А. Бенуа, М. Добужинским.

Благодаря чрезвычайно счастливому подбору сотрудников и умелому руководству новый журнал быстро завоевал симпатии многочисленных читателей и стал заметным событием в литературной жизни России тех лет.

Поэзия и проза «Сатирикона» — один из интересных моментов в истории русской сатиры. Как известно, она достигла блистательных результатов в творчестве Некрасова, Салтыкова-Щедрина, поэтов «Искры», Козьмы Пруtkова, Чехова и других писателей. Но в последние десятилетия XIX века возникла и широко распространилась чисто буржуазная юмористика и «сатира», ориентированная на вкусы и потребности мещанской публики. Типичными органами такой «литературы» были «Стрекоза», «Будильник», «Осколки» и «Шут». Эти ветераны развлекательной журналистики 1880—1890-х годов дожили до начала XX столетия. Из года в год они неутомимо высмеивали пресловутую тещу, дачного мужа, мошенника-купца.

В годы первой русской революции подобного рода журналы потеряли былой кредит. Широкие круги читателей не могли в боевое время удовлетвориться мелкотемной будуарно-альковной юмористикой. Огромным спросом стала пользоваться сатира политически злободневная, карающая, восстающая. Возник новый тип летучего сатирического журнала или листка, возродивший революционно-демократические традиции прошлого. Сатира стала действенным средством в борьбе нового со старым. Но небывалый расцвет сатирической печати в 1905—1906 годах вскоре был насильственно приостановлен. Лучшие журналы — «Зритель», «Сигнал», «Жало», «Пуле-

¹ Официальным и бессменным редактором «Сатирикона» Аверченко стал с девятого номера; первые восемь номеров вышли под редакцией А. Радакова.

мет» и другие — оказались однодневками. Не успев развернуться, они погибли под непосильным гнетом цензурных репрессий.

В результате поражения революции 1905 года духовная жизнь так называемого образованного общества катастрофически оскудела, а его нравственный облик сильно понизился. Многочисленные круги обывательской публики, буржуазной интеллигенции, еще недавно переживавшие время величайшего общественного возбуждения и «свободы слова», покупавшие из-под полы запрещенные номера «Зрителя» или «Пулемета», в эпоху торжества реакции и столыпинских виселиц быстро отреклись от своих либеральных увлечений. Проявив глубочайшее равнодушие к великому делу освобождения народа, идеологи буржуазной интеллигенции стали цинично превозносить «философию» эгоистического наслаждения жизнью, проповедовать культ животных инстинктов, презрение к общечеловеческим духовным ценностям. Обывательская стихия в это время захлестнула очень широкий участок русской культуры, искусства, литературы.

В сумерках столыпинского времени, после жестокой расправы с революцией, многим стало казаться, что тусклые будни подневольного существования никогда больше не превратятся в праздник свободы. Как результат духовного кризиса, у определенной части интеллигенции появилось стремление идеологически оправдать «вечный понедельник» и даже опозэтизировать его. Поэтому в буржуазной литературе тех лет развенчание революции и ее деятелей шло параллельно с попыткой возвеличить обывателя, доказать, что в своем существе все люди — мещане, а значит, не может быть иной жизни, кроме обывательской. Появилось даже целое течение, избравшее своим девизом «вечный понедельник», и специальная «понедельничная пресса» («Свободные мысли», «Понедельник», «Медный всадник» и другие).

Цель этой литературы была одна — отвлечь читателя от важнейших социальных проблем жизни и как-то скрасить серенькие «будни». В понедельник, когда не выходили прочие газеты и журналы, на читателя обрушивался целый каскад эксцентрических статей, более или менее остроумных эпиграмм, пародий, юмористических рассказов, фельетонов. Характеризуя их, критик-большевик В. В. Воронский писал: «И, как бы символизируя свою роль похмелья после тяжелого пира, это течение приурочило свою деятельность к понедельнику, ко дню, когда «полощут зубы», очищаются от угара предыдущего дня. Разухабистая, крикливая, наглая, с синяком под глазом, в заломленном на затылок помятом цилиндре, шла «понедельничная» пресса, разрешая развязным жестом вопросы политики,

социального быта, этики, литературы, искусства, — и все это с кондачка, все с апломбом, не допускающим возражений». ¹

Порой буржуазная пресса пыталась присвоить себе исключительную миссию истолкователя происходящих событий. Так, М. А. Энгельгардт в статье «Без выхода» провозгласил символом веры русской интеллигенции «максимализм отчаяния». Причина поражения революции, по его мнению, одна: «бессилие, дряблость и мелкота народа, масс, большинства нации, о которые разбились усилия лиц и энергия партий». ² Наиболее концентрированным выражением подобных настроений явился сборник «Вехи», который В. И. Ленин назвал «энциклопедией либерального ренегатства». ³

Авторы этого сборника отрекались от революционно-освободительных традиций и обливали грязью недавнее прошлое. Временное торжество «понедельника» казалось им фатальной неизбежностью, а отсюда следовал вывод о незыблемости существующего режима.

В годы столыпинской реакции методами цензурного террора была начисто сметена сатирическая пресса прогрессивного направления. Как писал в те годы В. В. Воровский, «к сожалению, авторы комичного в жизни обладали волшебной силой недопускания комичного в литературу». ⁴ На литературном рынке свирепствовали журналы черносотенцев «Жгут», «Кнут», «Вече» и другие. Уже сами их названия говорили за себя. В этих «истинно русских» изданиях откровенно проповедовался шовинизм и антисемитизм, причем погромные призывы прикрывались высокими словами любви к родине. «Жгучая сатира», которую обещали они читателю, на деле вылилась в неуклюжие потуги на остроумие и злобную клевету на народ и революционные партии.

Вместе с тем в литературу снова хлынул нескончаемый поток увеселительного чтива. В прессе того времени появилась бесчисленная орава «смешающих» литераторов, «смехунов»-профессионалов. Почти каждая газета завела у себя раздел юмористики — «маленький фельетон», возникла специальная «сатирическая» бульварная периодика, типа «Газеты-копейки». Содержание этой бульварной «сатиры» сводилось к пустому зубоскальству. Для нее не было ни-

¹ В. Воровский, В кривом зеркале. — «Литературно-критические статьи», М., 1956, с. 407.

² М. А. Энгельгардт, Без выхода. — «Свободные мысли», 1908, 7 января.

³ В. И. Ленин. О «Вехах». — Полн. собр. соч., т. 19, с. 168.

⁴ В. Воровский, Scalvus saltans. — «Литературно-критические статьи», М., 1956, с. 417.

чего святого: над всеми человеческими идеалами она весело гоготала. Жирный «утробный» смех звучал в русской литературе зловеще.

Плоская уличная юмористика потакала вкусам своих потребителей. «Рынок тре-бу-ет сме-ха!!!» — горько иронизировал Саша Черный. Вся эта литературная продукция была рассчитана на читателя, психологическую настроенность и положение которого удачно обрисовал А. Аверченко в предисловии к одной из книг. Своего современника, только что пережившего разочарование в революции, Аверченко сравнил с человеком, выздоравливающим после тяжелой болезни. По его словам, тот обычно хочет «много есть, много пить, слушать много музыки и много смеяться. Рожденный снова на свет со свежими обостренными чувствами, он жадно и весело впитывает в себя, как губка, все, что окружает его». И если он захочет читать, книга должна быть соответствующая: в ней он тоже ищет «много шума, веселья, беззаботности, бодрости и молодой дерзновенной силы». ¹

В обстановке перехода от «политической весны» к сумеркам столыпинской реакции возник «Сатирикон» и сатириконская поэзия. Вот как описывал время рождения журнала один из левых его со-трудников В. Войнов:

То было в пору Николая —
В году царственных затей —
В эпоху виселиц, плетей,
Когда от края и до края
Тупых холопов злая стая
Душила старцев и детей.
То было здесь, у нас в столице,
Где щели дьявольски тесны,
Где стынут каменные сны,
Где, худосочны, бледнолицы,
Интеллигентные мокрицы
Желали радостей денницы
И политической весны.

(«На грани»)

В редакции «Сатирикона» встретились люди, за плечами которых был богатый опыт сотрудничества в прогрессивной прессе 1905—1906 годов. Тэффи помещала стихи в первой большевистской газете «Новая жизнь», П. Потемкин работал в хлестком петербургском

¹ А. Аверченко, Рассказы для выздоравливающих, СПб., 1913, с. 56.

журнале «Сигнал», запрещенном правительством, В. Князев принимал участие в доброй половине выходявших тогда фрондерских журнальчиков и даже в большевистских изданиях. Пародии Сергея Горного печатались в журналах «Серый волк», «Свобода и жизнь», «Сегодня», «Сказки», «Момент» и других, Евгения Венского — в знаменитом «Зрителе». Там же появилась «Чепуха» Саши Черного, прогремевшая на всю Россию, а его первый сборник «Разные мотивы» был запрещен царской цензурой.

Как мы видим, «Сатирикон» имел некоторые основания считать себя непосредственным преемником боевой сатиры предыдущих лет. Уже в первом номере журнала редакция заявила: «Мы будем хлестко и безжалостно бичевать все беззакония, ложь и пошлость, которые царят в нашей политической и общественной жизни... Смех, ужасный ядовитый смех, подобный жалам скорпионов, будет нашим оружием».¹

Просматривая номера еженедельника первых лет издания, нетрудно убедиться, что редакция «Сатирикона» в известной мере выполнила обещанную программу.

Русский читатель находил на его страницах завуалированные намеки на царских сановников, меткую характеристику современного положения в стране, остроумные шаржи и пародии. Журнал нападал на крупных бюрократов, разоблачал колониальную политику царизма, бичевал черносотенцев и облеченных властью «усмирителей» России. Первые номера «Сатирикона» полны злободневных намеков на события столыпинского времени. Так, в № 6 за 1908 год напечатан следующий разговор обывателей:

Счастливец

Извините, я без галстука.

— Ну, и благодарите Создателя.

Как известно, «столыпинскими галстуками» в России тогда именовались виселицы, покрывшие всю страну.

Одно из главных мест занимало в «Сатириконе» разоблачение черносотенных и правых партий. Погромщики из «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела», крайние правые в Думе, октябристы, партия «прогресса» — постоянная мишень сатириков (хотя сатира на них часто принимала форму памфлета и не поднималась до осуждения всей правительственной системы в целом).

¹ Вместо предисловия (Диалог). — «Сатирикон», 1908, № 1, с. 2.

Так, на одной из обложек «Сатирикона» красовался портрет вождя черносотенцев — доктора Дубровина. Взявшись на американскую статую Свободы, он усердно пытается отпилить ей руку со светочем. В газетах незадолго до этого рассказывалось о поездке Дубровина в Америку. Рисунок не требовал пояснений: русские черносотенцы не могли примириться даже с той относительной «свободой» в Америке, которая на все лады расхваливалась буржуазно-либеральной печатью.

Не меньше сил отдавали сатириконицы борьбе с реакционной прессой. «Первый приз» за клевету на передовую Россию они присудили публицисту М. О. Меньшикову. За ним следовали рептильные журналисты В. П. Буренин и А. С. Суворин. В 1909 году «Сатирикон» издевательски отметил 75-летний юбилей Суворина, посвятив ему специальный номер. Большое значение имели в свое время специальные выпуски «Сатирикона»: «О пошлости», «Бюрократический», «Еврейский», «Восточный».

«Сатирикон» объединял вокруг себя людей действительно талантливых, с живой творческой жилкой, неприязненно относившихся к самодержавию и сложившемуся общественному порядку. Но следует подчеркнуть, что оппозиционность большинства сотрудников журнала ничего общего не имела с революционным мировоззрением и была явно окрашена в тона буржуазно-либеральной идеологии.

Победа реакции лишила сатириконцев сколько-нибудь ясных социальных ориентиров. И конечно, не случайно они объявили свой журнал «беспартийным», а себя — сторонними наблюдателями, стоящими «над схваткой» борющихся политических партий в России.

Редакция «Сатирикона», а впоследствии и «Нового Сатирикона» всегда подчеркивала свою политическую индифферентность. Она безоговорочно принимала девиз: «В политике — вне партий, в литературе — вне кружков, в искусстве — вне направлений».¹

Уже современникам было ясно, что смех сатириконцев лишен созидательной силы. Так, оценивая в 1910 году сборник стихов Саши Черного «Сатиры», Л. Войтоловский не без оснований заметил о поэте: «Он никуда не зовет, ничего не обещает. Он лишь резюмирует собою все ничтожество своего времени».² На этом основании некоторые из критиков вообще склонны были брать под сомнение литературное значение творчества сатириконцев. В 1913 году талантливый художник Дени (В. Денисов) опубликовал статью, в которой

¹ Под этим девизом выходил журнал «Весна» (1908).

² Л. Войтоловский, Литературные силуэты. — «Киевская мысль», 1910, 30 мая.

доказывал, что сатириконские рисовальщики не создали самостоятельной школы, потому что им не хватало главного — передового миросозерцания. «Смех сатиры только тогда значителен, — писал Дени, — когда за ним стоят невидимые миру слезы чуткой души и большого культурного ума. У Гойи и Домье он достигал размеров подлинно жуткого трагизма. Сатириконцы же добродушные, хотя и талантливые люди, весело проводящие время и доставляющие приятное послеобеденное развлечение „веселым устрицам“». ¹

В словах Дени многое схвачено верно. То, что он говорил о художниках, приложимо ко многим сатириконским литераторам.

Глубочайший социальный скепсис, которым были заражены сатириконцы, мешал им увидеть здоровые прогрессивные силы в своем отечестве, познать их в истинной сущности, открыть широкий фронт борьбы с несправедливым общественным строем. Все это крайне обедняло и принижало искусство писателей «Сатирикона».

Однако свести значение журнала к тому, что он был лишь щедрым поставщиком послеобеденного чтения, было бы неверно.

Известно, что к «Сатирикону» обращались не только «веселые устрицы», но и передовая общественность, и прежде всего образованная, ищущая молодежь: студенты, курсистки, гимназисты. Критическое отношение к современному политическому режиму после поражения революции 1905 года у большинства сатириконских писателей быстро переросло в чувство неполноценности и деградации всего человеческого рода. Такое мироощущение предельно обострило у многих сатириконцев восприимчивость к малейшей дисгармонии, ко всякого рода искажениям и уродствам в человеческих отношениях, в психологии и поведении людей. Вот почему бичи «Сатирикона» очень часто попадали в цель, т. е. поражали действительно болезненные, уродливые явления русской жизни, служившие опорой реакции и тормозом общественного прогресса.

После подавления революции 1905 года духовное мещанство на какой-то период стало одним из серьезных социальных бедствий. Во мраке столыпинской реакции могло показаться, что обывательщина неистребима и всесильна. Многие русские писатели в те годы испытывали глубокое отвращение к мещанству. Но, не видя выхода, они, в сущности, капитулировали перед ним. Поэтому выступление «Сатирикона» против обывательщины было своего рода политическим актом. Проклиная «будни», заслонившие мечту о «событии», сатириконцы в лучших своих произведениях шли в русле демократических традиций прошлого.

¹ В. Денисов, Сатириконцы. — «День», 1913, 8 декабря.

«Сатирикон» дал точный, скрупулезный анализ болезни, которой заболела значительная часть русского образованного общества в тот период. Одним из главных объектов сатиры в журнале стал либеральный интеллигент, измельчавший и растерянный, отказавшийся от революционных надежд. Художник Ре-ми изобразил его в ядовитой карикатуре «Русский гражданин»: *1905 год* — интеллигент с вдохновенным лицом идет за Свободой; *1908 год* — Свобода изображена на картине, а под ней интеллигент с женой пьют чай из самовара.¹ Другой сатириконец, А. Радаков, иронизировал над эволюцией «мякотелого» русского интеллигента, скатившегося в 1909 году до проповеди «веховства»:

Здесь погребен интеллигента прах,
 Был тощ он телом, слаб был духом.
 Пусть будут бедному, увязшему в словах,
 «Вехи» пухом.

На рисунке Радаков изобразил тщедушного интеллигента, придавленного увесистым томом веховского сборника.

Сатириконцы срывали с либерального интеллигента покров внешней порядочности, раскрывая пустоту его внутреннего мира. Духовное ренегатство, моральная опустошенность, безверие и пессимизм — вот характерные признаки той омерзительной фигуры, которая возникает перед читателем в произведениях сатириконцев.

Разоблачение либерального интеллигента в журнале велось с помощью сатирической маски. Многие произведения Саши Черного, Потемкина, Горянского, Аверченко, Тэффи написаны от имени подставного героя, за которым стоит автор. Раскрывая внутренний мир «нищего духом» интеллигента, сатириконцы часто говорят от первого лица, и вначале может показаться, что неприглядная фигура, возникшая перед читателем, равнозначна их лирическому «я». Но, присмотревшись, читатель мог заметить, что поэтические образы, ставшие постоянными, устойчивыми в их творчестве, — это сатирические маски, своего рода Козьма Прутков, размноженный в различных вариантах на страницах «Сатирикона» силой таланта его сотрудников. Один — в сатирах Саши Черного, другой — в изящных стихах П. Потемкина, третий — в «лиро-сатирах» В. Горянского.

¹ В настоящем издании карикатура воспроизведена между с. 208 и 209.

Каждый из сатириков создает своего неповторимого и своеобразного «героя». Вот первый из них — интеллигент Саши Черного:

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
И беспомощно свесив усталый язык,
Не раздевшись, он спит в европейской одежде
И храпит, как больной паровик.
Истомила Идея бесплодем интрижек,
По углам паутина ленивой тоски,
На полу вороха неразрезанных книжек
И разбитых скрижалей куски.

Возникает тусклая и унылая фигура «мыслящего» обывателя, растерявшего после поражения революции все идеалы. Примирившись с торжеством реакции, он принял позу «мученика», уставшего от разочарований и рухнувших надежд. Герой сатирических циклов Саши Черного — пессимист и скептик. И поэт в специальном стихотворном предисловии к сборнику предостерегает читателя, чтобы он не принял «героя» книги за личность самого автора (стихотворение «Критику»).

У Потемкина в сборнике «Смешная любовь» (1908) также есть шутовское предисловие:

Жили-были два горбуна.
Он любил, и любила она.
Были длинны их цепкие руки,
Но смешны их любовные муки,
Потому что никто никому,
Ни он ей, ни она ему,
Поцелуя не мог подарить —
Им горбы мешали любить.

Герои Потемкина — духовные горбуны, а это гораздо страшнее физического уродства. Гнет мещанских или буржуазных предрассудков, как горб, калечит их душу, мешает стать обладателями чистого и большого чувства.

Лучшие стихи Потемкина из собранных в книге «Смешная любовь» — горькие сатиры, высмеивающие нравы современного поэту мира. Пародируя никчемные декадентские произведения, Потемкин пишет об игрушечной любви обитателей «светских салонов». Его герои — не люди, а манерные изломанные «парикмахерские куклы». «Он» — «напудрен, напوماжен, чисто-начисто обрит». «Она» — фар-

форовая «царица кукол», разукрашенный манекен в окне сверкающего магазина. «Мы — две куклы из жести», а «любовь — тугая пружина», — заявляют другие «персонажи» Потемкина. Их страсти тоже кукольны, в их душах не осталось ничего, кроме мелочной ревности, пошлости и показной красоты. Да и что с них спрашивать: ведь они только куклы, только механически движущиеся силуэты на красиво затемненном окне.

Главная мысль книги Потемкина грустна: прекрасная Любовь обернулась «прекрасным» уродством в мире корысти и расчета. Поэт пишет о разных проявлениях любви, но она одинаково «смешна» ему: салонная любовь-игрушка, эстетская погоня за недостижимой Прекрасной Дамой или уличный дешевый фарс.

Название сборника — «Смешная любовь» — иронично. Потемкин мог бы назвать свою книгу не смешной, а страшной: жутко жить в мире, где даже любовь — пошлая забава. Сквозь весь сборник проходит, нарастая к концу, тема безысходности. Он кончает «Смешную любовь» щемящей безответной нотой (стихотворение «Нет»). Здесь слышится и голос самого поэта. В цикле «Моя печаль» маска как будто слетает с Потемкина. Он мечется в припадке острой тоски. И становится ясно, что игрушечный мирок «парикмахерских кукол», «жестяных любовников» и «смешных горбунов» — это мираж, за которым угадываются реальные очертания тогдашнего петербургского общества.

В стихах Валентина Горянского выступает герой рангом пониже. Если под сатирическое перо Потемкина попала столичная богема, а в стихах Саши Черного оживал типичный петербургский интеллигент средней руки, то Горянский обычно не выходил за рамки изображения провинциального болота. Центральное лицо книги стихов Горянского «Мои дураки» (1915) — добродушный провинциальный мещанин. Поэт разоблачает пошлость в ее первоначальном виде: душевную лень, карьеризм, мелочность, зависть, жестокость, раздутые претензии. Герой Горянского примитивнее, грубее, а потому и откровеннее героев Саши Черного и Потемкина. Вот как он рекомендует себя:

А наше дело — властям предрержащим
Угодать и потихоньку себе служить...
Ну и угождаем, ну и служим понемногу.

В стихах Горянского нет желчи и сарказма, присущих Саше Черному, нет нарочитой красоты потемкинских стихотворений. Будничная прозаическая жизнь — и соответственно неторопливый

мещанский говорок, ворчливо-самодовольное чревоущание, прекрасно передающее упрощенный душевный обиход героев Горянского:

Я только что приехал с женой моей
Из маленького города Луги...
Комната в месяц — шестнадцать рублей,
Семнадцатый рубль — для прислуги.

«Лиро-сатиры» Горянского — это насмешливо-иронические миниатюры о жизни провинциального мещанства. Поэт добросовестно описывает его быт, его убогие радости и похожие на фарс «трагедии». С помощью шаржа или иронической интонации он раскрывает «философию» своего героя. Горянский называет его по-разному: «предусмотрительный», «деловой», «политик», «мыслитель», «свободомыслящий» и т. д. — в зависимости от того, каким боком он поворачивается к читателю. Но все это, в сущности, грани сквозного сатирического образа — дремучего провинциального обывателя.

Три разные маски ведущих сатириконских поэтов — Саша Черного, Потемкина и Горянского — были тремя разными способами разоблачения единого в своей сути духовного мещанства.

Творчество других сатириконцев шло в том же русле. Так, А. Аверченко создал сатирическую маску октябриста Симеона Плюмажева — обывателя в политике. Многие рассказы Тэффи написаны от имени петербургского махрового мещанина, которого она иронически называет «сокровищем земли». Опустившийся, духовно обнищавший интеллигент — постоянная мишень в сатирических рассказах О. Л. д'Ора, А. Бухова, И. Гуревича, Г. Ландау и других. Страстный обвинительный приговор мещанству выносит В. Князев в цикле «К позорному столбу».

Из всех сатириконцев у него, пожалуй, наиболее отчетливо выражены социальные мотивы. Князев с омерзением рисует портреты «истинно русских» черносотенцев: дяди Сарая, приятеля Казимира, Вавилы Утробина, Ферапонта Ильича. Поэт дивится, какую силу забрал в России черносотенный «патриот-губошлеп». В других сатирах он высмеивает вечно брюзжащего, недовольного миром интеллигента или хохотуна-оптимиста, которому все на свете «трын-трава». Раскрывая эволюцию русского либерального интеллигента, бросившегося от «солнца свободы» в «дымный вертеп», «к пьянящему блюду в объятья», Князев резко сатиричен. Он создает многозначительный образ «модного нищего», на долгие годы застывшего в позе разочарованного неудачника:

Подайте калеке на хлеб!
Он в лучшие, светлые годы
От солнца желанной свободы,
От близкого солнца ослеп!

Через все творчество Князева проходит тема разоблачения российского либерализма («Либерал перед зеркалом», «Либерал средней руки перед банкетом»). Поэт высмеивает несоответствие слов и дел у лидеров буржуазно-либеральных партий: их выпренные слова о любви к народу, о свободе и равноправии. Собираясь на банкет, его герой репетирует перед зеркалом трескучую «вольнолюбивую» речь, не замечая, что рядом с ним другое «зеркало» — лакей, подающий перчатки, пальто, цилиндр. В этом «зеркале» либерал выглядит очень неприглядно:

На этом кончу я... Итак —
Ура-а! да канут в Лету
Прогнивший строй, прогнивший мрак...
Пальто!.. не то!.. молчи, дурак!
Вели подать карету!

Князев хорошо знает цену «народолюбию» российской буржуазной интеллигенции. В его сатирическую галерею попадают и либералы, рассуждающие о страдающем «меньшом брате» после сытного обеда («Ну и повар у Володи!»), и супруги Митины, для которых народ — «кумир»:

Он часто говорит: «Вот если б воедино
Нам удалось сплотить голодный, бедный люд —
Настал бы Судный день!..»
Но что у них за вина!
И где берут?..

Повествование все время ведется в двух планах: слова и реальность. Ирония Князева прячется за восторженными репликами одного из друзей Митиных: «Ах, что за дом!», «Но что там за индейка!», «Ах, что за гусь!». Вместе с этим персонажем автор как будто искренне восхищается милой семейкой Митиных, а на деле — при помощи ядовитой иронии дает ее уничтожающий портрет.

Совершенно иным приемом — лобового разоблачения — пользуется Князев в стихах о реакционной прессе. Стихотворение «Маски прочь» он посвящает продажным «Тартюфам российской печат-

ти». Ироническое повествование сменяется страстной ораторской речью и при разоблачении торжествующего мещанства:

Привет победителям жизни!
Упитанным, трезвым и сытым,
Над полным житейским корытом
Лежащим! —
В навозе, на брюхе!

Князев бичует буржуазную публику за увлечение порнографией, путаными сомнительными теориями, за откровенное тяготение к пошлости. Он высмеивает модернистов, подчинивших свое творчество погоне за рифмой:

Для новой рифмы
Готовы тиф мы
В стихах воспеть,
И с ним возиться,
И заразиться,
И умереть!

В 1913 году Князев создает цикл стихотворений, в которых освещает положение, сложившееся в стане русского освободительного движения («Нищий», Requiem», «Мы и они», «Родные мотивы», «Со сторожевой вышки»). Он убедительно доказывает, что русская либеральная интеллигенция не может даже претендовать на роль вождя в революции. Народ, по его выражению, сместил «весь корпус былого начальства». После 1905 года создан мощный народный лагерь, и туда нет пути интеллигенту, желающему по-прежнему командовать:

Мы дорогою одною
Шли доныне, но теперь —
Проходи, брат, стороною,
Не мешай таранить двери!

Князев сочувственно пишет о народном великане, под тяжелой стопой которого скоро «рассыпятся стены твердынь». При этом он оправдывает законную ненависть народных масс к современному «цивилизованному» обществу:

Мольбы о пощаде? Напрасные звуки!
Щадить? Но скажите, во имя чего?

Во имя веков униженья и муки!
Щадить, ну а вы-то... щадили его?!

Революция представляется Князеву справедливым актом возмездия, но в то же время пугает его, ибо кажется стихийной, необузданной силой. Стихотворение, в котором говорится о народном великаны, называется «Со сторожевой вышки» и написано в 1913 году. Таким образом, уже до 1917 года в творчестве Князева появился образ поэта-сторожевого, смотрящего с набатной вышки в лицо надвигающейся грозе. Существенно видоизменившись, этот образ развился в «Набатных звонах» Князева, созданных уже после Октября («Песни набата», «Друзьям моей колокольни», «Красный петух» и другие). Вместе с тем дореволюционная лирика Князева во многом была легковесна и противоречива. Порой он чрезмерно увлекался «поденной» работой, отдавая дань ремесленничеству и пустому зубокальству.

Наиболее радикальным из сатириконских поэтов был, пожалуй, К. М. Антипов. Выразителен его псевдоним — Красный. Он начал печататься в революционных журналах 1905—1906 годов, что было характерно и для других сатириконцев. Но в годы реакции Красный меньше других поддался упадническим настроениям. В своих стихах он резко нападал на державных палачей России, высмеивал правительственную игру в законодательство, разоблачал думских «деятели». Подобно Князеву, Красный чувствовал себя чужим в сатириконской редакции. Ему, например, принадлежит пародия на цикл Потемкина «Парикмахерская кукла», где поэт утрированно подчеркивает мелкотемье сатириконской поэзии.

Как мы видим, в редакции «Сатирикона» объединялись далеко не одинаковые по своим вкусам и общественным симпатиям люди, иной раз даже враждовавшие друг с другом. При всем том есть достаточные основания рассматривать поэзию «Сатирикона» как целостное явление литературной жизни начала 1900-х и 1910-х годов.

3

Вопрос о характерных особенностях творчества сатириконцев обсуждался еще при жизни журнала. Один из критиков того времени уверял, что заслуга этого органа заключалась в возрождении подлинно веселого, беззаботного смеха, для которого в России продолжительное время вообще не было условий. «Душили последний сотни лет кряду, — писал он, — те, которым дана власть. Погубили

веселый гений смеха. . . Был смех ядовитый, саркастический, которым убивали людей, мстили врагам. . . Добролюбов и Щедрин были великими мастерами этого смеха. Горечью и ядом хохотали они, и за их смехом виднелись избитые мужички, изуверы-помещики, взяточники-чиновники и самодуры-отцы. . . В революционные годы смеялись кровавыми слезами. Была сатира, но не было смеха. Появление «Сатирикона» означало рождение смеха. Наряду с сатирой политической, там были прелестные произведения, созданные гением безобидного смеха. Блеск, талант, остроумие, подлинное воображение, неожиданность выводов рассеяны были по номерам журнала». ¹

Часто «Сатирикон» действительно смеялся беззлобно, но нередко он скорбел, а иногда и проклинал. На его страницах появлялись острые и злые сатиры Саши Черного, которые едва ли можно назвать безобидными. Смех Тэффи, О. Л. д'Ора, Князева, Бухова, Красного сильно отличался от добродушно-лукавого юмора Аверченко. Вообще характер сатириконской поэзии и прозы невозможно определить двумя-тремя чертами, ибо это явление достаточно сложное и противоречивое.

Тем не менее установка на «безобидность» достаточно ясно сказывалась во всем направлении журнала. Нетрудно догадаться, что это качество подчас оплачивалось дорогой ценой — за счет отказа от социальной проблематики, от попытки разобраться в сложных перипетиях русской жизни.

Над чем можно по-настоящему искренне смеяться в наши дни? — спрашивал в 1910 году Леонид Андреев. И отвечал: «Для искреннего смеха необходимо что-нибудь совсем простое, ясное, как день, бесхитростное, как палец, но палец, поставленный в условия высшего комизма». ²

Слова этого большого, талантливого писателя, заблудившегося в трагических противоречиях русской жизни, как будто бы взяты из литературной программы «Сатирикона», участники которого расходовали свой талант на комическую трактовку примитивнейших бытовых ситуаций, лишенных всякого признака какой-бы то ни было «философии» или «идеологии».

И все-таки безмятежность тона, характерная для сатириконских произведений, часто была обманчивой внешностью. В год основания журнала А. Блок писал: «Много ли мы знаем и видим примеров созидающего «звонкого» смеха. . . мы видим людей, одержимых раз-

¹ П. Р y с с, О смехе. — «День», 1914, 22 февраля.

² Л. А н д р е е в, Искренний смех. — Собр. соч., т. 6, СПб., 1913, с. 188.

лагающим смехом, в котором топят они, как в водке, свою радость и свое отчаяние, себя и близких своих, свое творчество, свою жизнь и, наконец, свою смерть».¹

Творчество сатириконцев в известном отношении также было попыткой уйти от наболевших «проблем», смягчить собственную душевную боль. Пожалуй, лучше всех сказал об этом Саша Черный в стихотворении «Оазис»:

И смех — волшебный алкоголь,
Наперекор земному аду,
Звеня, укачивает боль,
Как волны мертвую наяду.

Отчасти сатириконский смех был средством забвения кошмарной столыпинской действительности. «Смехом на кладбище» назвал его В. Воинов, «смехом среди руин» — другой сатириконец, О. Л. д'Ор.

Характеристику такого юмора мы находим в петербургском прогрессивном журнале «Рудин»: «Есть еще так называемый «смех сквозь слезы», есть горький «смех приговоренных к виселице» — «Galgenhumor», есть смех наивный и чистый, смех обреченных, которые смеются, как дети, чтобы наполнить радостью и счастьем последние минуты, дарованные им судьбой перед неизбежной гибелью».²

У этого своеобразного «смеха сквозь слезы» было множество различных оттенков. Одни сатирики скрывали под ним боязнь революции и ненависть к ней, другие — глубочайший пессимизм, безразличие к общественной жизни, третьи — лишь временный кризис духа и надежды на «выздоровление». На страницах «Сатирикона» острая критика господствующей морали, ярко выраженная неприязнь к буржуазному обществу уживались иногда с беспардонным зубоскальством.

«Смех имеет свое право, свой долг, свое назначение — но и свои границы, — писал О. Дымов. — Они указаны не уставом мещанской морали («Ради красного словца не пожалей и отца»), а самой сущностью, внутренним существом явления».³ Сатириконцы порой не умели ограничить себя. Безудержный «смех ради смеха» окрашивал подчас рассказы Аверченко и талантливые карикатуры Ре-ми. Не-

¹ А. Блок, Ирония. — Собр. соч., т. 5, М.—Л., 1962, с. 346.

² И. Смирнов, Корней Чуковский рассказывает о своем путешествии к союзникам. — «Рудин», 1916, № 8, с. 15.

³ О. Дымов, Право смеха. — «День», 1913, 3 января.

которые сатириконцы сознательно отказывались от смеха-оружия, предпочитая ему смех-забаву. Со временем эта тенденция в журнале стала усиливаться.

Вопрос о том, каково место «Сатирикона» в русской сатирической поэзии, более полно уясняется в свете историко-литературной перспективы.

Сами сатириконцы неоднократно соотносили опыт своей работы с творчеством поэтов «Искры». ¹ Об этом писал, например, Потемкин: «„Сатирикон“, — по его словам, — в русской литературе сыграл роль не меньшую, чем когда-то «Искра» Курочкина. «Сатирикон» создал направление в русской литературе и незабываемую в ее истории эпоху». ² Несмотря на явное смещение масштабов в пользу журнала Аверченко, параллель Потемкина в общем закономерна.

Бытовые юморески Г. Жулёва, Л. Пальмина, пародии Н. Ломана невольно вспоминаются при чтении стихов того же Потемкина, Евгения Венского, Сергея Горного. Саша Черный во многом напоминает Д. Минаева, В. Буренина, иногда — В. Курочкина. Князев, непосредственно продолжая опыт В. Курочкина в «переложении» стихов Беранже на русские нравы, создал целый цикл «ненаписанных песен Беранже».

Сатириконец Б. Жиркович породил на свет Ивана Козьмича Пруткова — родного сына Козьмы Пруткова, бывшего частым гостем в «Искре». Вслед за поэтами «Искры» и творцами Козьмы Пруткова (А. К. Толстой, братья Жемчужниковы) сатириконцы виртуозно пользовались малыми жанрами для создания конкретных обличений. Они взяли на вооружение эпиграмму и куплет, пародию и басню, дневниковую запись, поговорку, афоризм и многое другое.

Конечно, сатирические персонажи в «Искре» и «Сатириконе» различны. Искровцы обличали ретроградов-помещиков, чиновников-взяточников, славянофилов, невежду-купца — завтрашнего господина в России; сатириконцы — крупных бюрократов, финансовых воротил, кровавых «усмирителей» России и лидеров реакционных партий.

¹ Характерно, что творчество искровцев стали активно собирать и изучать именно в годы столыпинской реакции. Специальный раздел о поэтах «Искры» думал написать М. Горький в своей «Истории русской литературы». Он подчеркнул огромную роль журнала в пропаганде прогрессивных идей в России. «„Искра“, — писал Горький, — распространилась в нижних слоях и по провинции... она была более доступна и уму, и карману наиболее ценного читателя той поры — учащейся молодежи» (М. Горький, История русской литературы, М., 1939, с. 216—217).

² П. Потемкин, Аркадий Аверченко. — «Последние новости», 1925, 15 марта.

Однако и те и другие нападали на власть имущих. Сатира в «Искре» тоже была направлена против трусливого мещанства и пошлости, она бичевала обывателя как оплот общественной и правительственной реакции.

Связь творчества сатириконцев с поэзией «Искры» была замечена уже современниками. Так, А. Амфитеатров сравнил искровцев с группой «поэтов-юмористов, порожденных новою петербургскою улицей, воспевающих почти исключительно ее явления и движение, и идущих в стихе и рифме вслед за частушкою, фабричным и тому подобным демократическим творчеством. Таковы, например, Потемкин, Князев и многие другие в „Сатириконе“». ¹ По мнению критика, самая их «попытка создать новую полунинтеллигентную музу, усвоив и облагородив ходовые и любимые массою манеры стиха, заслуживает всякого внимания и в конце концов может дать очень хорошие и нужные результаты». ²

Однако демократизм искровцев и сатириконцев — явления не только родственные, но и сильно различающиеся между собой. Демократизм сатириконских писателей часто сводился именно к «манере стиха». Одна из их заслуг — в приближении поэзии к упрощенным и наиболее популярным формам стиховой речи, распространенным в массах, к их живому языку.

Между тем направление «Искры» после 1861 года отличалось революционно-демократическим духом. Гневная сатира В. Курочкина, блистательная и виртуозная — Д. Минаева, злая — Н. Курочкина, несколько тяжеловатая — В. Богданова, при всем ее жанровом и стилевом разнообразии, была в одну цель. По своему существу она была антикрепостнической и антибуржуазной. В ней преобладала тенденция к четкому выявлению классовых противоречий.

Как известно, критика общественных порядков у искровцев носила целеустремленный характер, ибо была проникнута верой в разумные силы истории. Именно этого не хватало поэтам «Сатирикона». Социальный скепсис настолько глубоко отравил их сознание, что им оставалось лишь примириться с существующим положением вещей, принять жизнь в ее непосредственной данности. Отсюда нерешительность и двойственность сатириконцев в отрицании русской действительности, их «безобидность», приводившая даже к прямой идеализации окружающего мира. В стихах большинства этих поэтов парадоксально сплетались обличение и оправдание, насмешка и сочувствие. Вместо полярности понятий, резкого противопоставления

¹ А. Амфитеатров, Забытый смех, т. 1, СПб., 1914, с. 210.

² Там же.

враждующих лагерей — шаткость позиций, неопределенность оценки, неуверенные интонации.

Таким образом, в чисто социальном плане поэты «Сатирикона» безусловно снижали традиции «Искры», но в художественном отношении они внесли нечто новое в развитие стихотворной сатиры, особенно в разработку ее жанровых форм.

Приглядимся внимательнее к их художественной манере.

В стихах Саши Черного, Потемкина, Горянского и других сатириконцев тонкая, подчас едва ошутимая ирония заменяет собой резкое осуждение. Автор прячется под маской обывателя. Поэты часто говорят от первого лица:

В зеркало смотрю я, злой и невеселый,
Смазывая йодом щеку и десну.

(Саша Черный)

Я пришел к моей царице-кукле,
Сквозь стекло целовал
Ее белые букли
И лица восковой овал.

(Потемкин)

Вот и я всегда горничную Пелагею
Сменяю женой, жену — Катей Петровой...
Этим я предвосхищаю авторскую идею
И являюсь, так сказать, пророком жизни новой.

(Горянский)

Сатира приобретает вид исповеди, саморазоблачения, напоминает слова дневника. Осуждение преподносится в форме как будто искреннего одобрения со стороны воображаемого героя-маски.

Приемом авторской маски широко пользовались и писатели XIX века. Маску «благонамеренного человека» можно встретить в произведениях Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина. К аналогичным приемам иронического повествования часто прибегали Добролюбов и поэты «Искры». Ирония — главная пружина в сочинениях Козьмы Пруткова. Создатели этого сатирического типа проторили дорогу многочисленным пародистам и авторам образов-масок. Таковы Конрад Лилиеншвагер, Яков Хам и Аполлон Капелькин у Добролюбова, майор Бурбонов — у Минаева, генерал Дитятин — у Горбунова, таковы Иван Бестолковый в «Искре», околоточный надзиратель Ефим Скорпионов у Н. Курочкина, «нравственный

человек» у Некрасова и т. д. Сущность этого приема заключается в том, чтобы довести до абсурда враждебный строй мыслей, скомпрометировать его в глазах читателей.

Но маски, созданные сатириконцами, своеобразны. Перевоплощаясь в своего героя, поэты как бы отдают ему часть своей собственной души. Маска довольно заметно прирастает к лицу автора, а иногда даже полностью сливается с ним. Бичуя своего «героя», сатириконы так входят в роль, что сами начинают говорить голосом этого персонажа. Их ироническое отношение к нему незаметно переходит в интонацию добродушного сочувствия. В отличие от своих предшественников, они создают не сатирические, а, по определению Горянского, «лиро-сатирические» образы.

Восторженный либерал Конрад Лилиеншвагер, злобный ретроград Яков Хам, легкомысленный эстет Аполлон Капелькин — антиподы Добролюбова-поэта. У него нет с ними ни одной общей черты. То же самое можно сказать об образах Козьмы Пруткова, некрасовского «нравственного человека» или генерала Дитятин. А герой поэзии сатириконцев нередко обнаруживает двуликую сущность. Они высмеивают его пороки и слабости, но тут же соглашаются с той оценкой мира, которую он дает в припадке беспросветного пессимизма. Это в полном смысле слова «лиро-сатира» — следствие идейного «многобожия» и духовной раздвоенности русской буржуазной интеллигенции после революции 1905 года.

О Саше Черном К. И. Чуковский справедливо заметил: «То, что мы считали пародией, не раз оказывалось его собственной подлинной лирикой».¹ В творчестве Потемкина — не менее сложное сплетение сатиры и лирики, пародии и интимной жалобы сердца. Цикл «Парикмахерская кукла» насквозь ироничен. Конечно, не о себе пишет поэт в стихотворении «Он» («Я напудрен, напوماжен, чисто-начисто обрит...»). Это сатирический портрет «героя» Потемкина — избалованного, пустого столичного франта. Он вздыхает у витрины модного магазина о фарфоровой «царице-кукле», он делает смешной и свою «новую любовь». Но кукольные «страсти» персонажей Потемкина — это не только шутка. В отношении поэта к своим героям сказывается и легкая насмешка и приязнь, они близки и дороги ему какими-то подчас трудно уловимыми чертами. Ирония Потемкина в ряде случаев приобретает настолько зыбкий характер, что, если вырвать произведение из сборника, забыть о его своеобразном контексте, она почти не ощущается как ирония. Это обстоятельство да-

¹ К. Чуковский, Саша Черный. — В кн.: Саша Черный, Стихотворения, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1960, с. 14.

вало повод относить высказывания героев Потемкина на его собственный счет. Так, А. Бухов (правда, не без лукавства) писал о книге «Смешная любовь»: «Один поэт уверял, что влюбился в парикмахерскую куклу и до благосклонности с ее стороны казалось уже недалеко...»¹

Иронически рассказывая об отношениях героев, Потемкин старается изжить что-то свое, глубоко личное. Сознавая, что все это только игра, он тем не менее так увлекается ею, что ему становится не на шутку больно:

Не сам ли сделал я любовь
Смешной?
Не сам ли сделал я ей бровь
Густой?

Выясняется, что та театральная манерность, капризная и грациозная, над которой Потемкин посмеивался, наблюдая со стороны за «жестяными любовниками», в какой-то степени присуща ему самому. Достаточно прочитать такие стихотворения, как «Ошибка», «В миллиардной», «В конке», «Две собаки грызутся», чтобы понять, что тот дух мелочей, который высмеивал Потемкин, далеко не чужд самому поэту. Он бесцельно и как бы рассеянно перекладывает в стихи пестрые впечатления жизни и сам любит переливами света и тени, причудливой игрой красок. Это поэзия акварелей, маленьких цветных зарисовок с натуры.

Маска помогает Потемкину излить свою душу, спастись от тоски одиночества. Силой своей фантазии он порождает на свет веселых маскарадных уродцев, прекрасных графинь и смешных мудрецов. И все это для того, чтобы хоть на мгновение забыться в их праздничном хороводе:

Как начало без развязки,
Как предчувствие потери,
Одиночество страшно.
Отворил я настежь двери, —
Приходите в гости, маски,
Будь, что было суждено!

Читатель видит грустно-насмешливое лицо поэта, не слишком сильно отличающееся от его маски.

¹ А. Бухов, Девушка № 1738. Повесть для будущего сезона. — «Новый Сатирикон», 1918, № 10, с. 6.

Подобный эффект производят и стихотворения Валентина Горянского. Некоторые критики, не разглядев сложности авторской позиции, уверенно объявили его апологетом духовного мещанства. Между тем истина заключается в том, что облик сатирического героя Горянского не совпадает с авторским, но и не во всем враждебен ему. Вот, к примеру, его стихотворение «Лебедь», в котором герой Горянского рекламирует себя:

Никто не верил, что я поэт,
Все думали, что я хвастал это;
Зато теперь сомнений уже больше нет —
Вчера у меня напечатали два куплета...

Высмеивая этого провинциального «гения», Горянский стремится нарисовать выпуклый образ, существующий как бы независимо от автора, найти постоянный тон его голоса, поместить в соответствующую обстановку и создать определенное настроение. Но и Горянский, посмеиваясь над этим героем, не является его полным антиподом. Слащаво-манерная интонация, окрашивающая рассуждения лирического героя, слышится подчас в стихотворениях, написанных непосредственно от лица автора.

Следуя за осмеянным им же провинциальным «гением», Горянский впадает в сентиментальность дурного тона, граничащую с пошлостью. Он тоже сбивается с собственного голоса на голос своей маски. Например, его «Политик» высказывает те же идеи, которые спустя несколько лет Горянский проповедовал в «Новом Сатириконе» в качестве своей положительной программы. Безверие и скептицизм одинаково присущи поэту и его герою. Вот, например, строки из его стихотворения «Злоба Солнца», где проповедь обывательского покоя с большим основанием следует рассматривать как авторскую декларацию:

Горе дерзким, горе смелым!
Небо также мстить умеет...
Посмотрите: за пределом
Злоба Солнца пламенеет...

В стихотворении «Волна», имитирующем интонации и ритмы горьковской «Песни о Соколе», Горянский развенчивает мечту передовой части русского общества о революционном преобразовании жизни. Волна у него как бы символизирует русскую интеллигенцию, вечно ищущую, вечно стремящуюся к справедливости, к «солнцу» революции. Но «солнце» коварно — оно только манит издалека, а к

вечеру скрывается за горизонт. И «волна», разочарованная, обманутая, стремится обратно к берегу, к крепкому «утесу» самодержавия. Такова откровенная символика образов в этом стихотворении.

Воскрешая культ «малых дел», Горянский написал стихотворение «Подвиг жизни» — о покойной учительнице музыки, которая на своем пути не совершила «ни святого дела, ни большого греха». Всю жизнь она прожила тихо и скучно, играя романсы богатым купчихам. Эту-то Елену Михайловну Горянский считает настоящей героиней и противопоставляет ей горьковских Данко и Сокола.

В этих произведениях Горянский выступает как певец «понедельников», апологет «многоцветной мелочи быта». Тусклую серую жизнь он пытается заменить «аллейкой причуды». Чтобы отвлечь людей от «каждодневной рабочей нуди», он создает иллюзорный суррогат счастья — «лавочку сластей». Правда, цикл стихов Горянского «В плену каменном» пронизан состраданием к городским беднякам, но сострадание это пассивно. Поэт не бунтует против мучителей, а лишь пытается чуточку облегчить жизненную ношу, предложив людям радужные сказки взамен настоящего счастья.

Как мы видим, обличая мещанство, сатирикконцы далеко не всегда были последовательны. Порой, отрицая его, они сами начинали петь голосом «господина всероссийского обывателя». «Лиросатира» была одним из тех новшеств, которые сатирикконцы ввели в поэзию. Это, по существу, жанр психологической сатиры — сложной, богатой оттенками, передававшей оценку жизни с помощью гротеска, иронии, свободной игры интонаций.

«Лиросатира» отражала типические явления русской жизни, но ей не хватало окрыленности: творцы ее не верили в завтрашний день России. Пессимизм, безверие, абстрактный гуманизм сужали значение творчества сатирикконцев. «Видеть и не увидеть, слышать и не услышать — обычная судьба людей, стоящих в конце своих эпох, — писал В. Шкловский. — Тут не помогут глаза и слух, потому что все закрыто запретностью, неприятием хода истории».¹

Вся сатирикконская поэзия наполнена жалобами на судьбу, с которой ничего не поделаешь. При полном отрицании современности, при явно враждебном отношении к самодержавию, сатирикконцы не могли противопоставить критике существующего никакого положительного идеала. По своим общественным симпатиям большинство сатирикконцев было «многобожцами»: вслед за символистами они заявили, что им «дороги все речи», а их стих служит «всем богам».

¹ В. Шкловский, Художественная проза. Размышления и разборы, М., 1961, с. 168.

Вот, например, типичное признание одного из них — А. Вознесенского:

Под первой правдой есть вторая,
Под нею третья, а под ней
Бегут, — сплетаясь и играя
С неправдой, — правды дальних дней.

Для этого поэта все в мире равны: нет злых, нет добрых, нет «путей различных», нет одной великой правды.

Конечно, русская действительность тех лет ставила перед людьми искусства очень сложные проблемы, на которые нелегко было ответить даже крупным художникам, обладавшим недоступной для сатириков широтой взгляда и пронизательностью. Но только беззаветное искание одной большой правды могло наполнить искусство богатым, непреходящим содержанием. Что касается сатириков, то эфемерность множества их произведений, давно превратившихся в «историко-литературный материал», следует объяснить прежде всего тем, что они отказывались от художественного анализа кардинальных проблем своего времени. Одновременное признание «тридцати трех правд» разрушало обобщенность восприятия бытия в творчестве поэтов «Сатирикона» и тем самым наложило определенный отпечаток на их художественный метод.

Сатириконицы — певцы изменчивого мгновения. Они стараются как бы остановить его, запечатлеть в стихах смену красок, предметов, чувств, впечатлений, передать сполна ощущение быстротекущей жизни.

Сатириконицы выступили в литературе, когда господство абстракции над жизнью кончилось. Поэты, стремясь к народу, вышли на улицу и растерялись. В глазах зарыбило от множества вещей, и им, оторванным от активной борьбы, от больших духовных ценностей, трудно было отделить важное от второстепенного. Сатириконский «бытовизм», возведенный в принцип, преследует одну цель — отчетливо зарисовать детали, подать их читателю как будто впервые увиденными. Горшок — правда, не печной, а цветочный, горшок с геранью — символ поэзии Потемкина. Романтика мелочей — характерная черта произведений Горянского. Поэзия живописных предметов увлекает порой и Сашу Черного.

Тяготение к поэтизации материально-чувственного быта выдавало не только упрощенность душевной жизни, оно скрывало в себе опасную тенденцию, заключающуюся в оправдании существующих общественных отношений. Дальнейший творческий путь поэтов «Сатирикона» свидетельствует об этом с непреложной очевидностью.

К 1913 году характер журнала заметно изменился. «Сатирикон» значительно откровеннее приспосабливается ко вкусам того самого обывателя, которого он так беспощадно бичевал в первые годы своего существования. Лицо еженедельника начинают определять специальные «рождественские» и «масленичные» номера, альковно-будуарные темы становятся чуть ли не господствующими, почти исчезает саркастическая ирония. Из сатирического журнал превращается в юмористический, все меньше отличаясь от осмеянных им «Осколков», «Стрекозы» или «Будильника». Именно в этот период большевистская «Правда» писала, что в «Сатириконе» «потешают русскую публику смехом самых различных сортов и фирм — смехом французским, смехом английским и смехом русским, только настоящего здорового смеха там нет».¹

Уже в 1912 году явно чувствуется упадок журнала: его покидает Саша Черный, наиболее популярный и талантливый из всех сатириконских поэтов. Причина его ухода — не только внутриредакционные споры,² он не хочет мириться с тем, что для злободневной сатиры в журнале отводится все меньше места и он приобретает «танцклассное направление».³ После Саши Черного место поэтического лидера в журнале занимает Потемкин. Редакция все охотнее дает место несатириконцам: Гумилеву, Сологубу, Рукавишникову, Кузмину. Появляются и новые имена: Е. Зозуля, А. Грин, Н. Агнiewicz. Но несмотря на это, общий идейно-художественный уровень журнала снижается. После 1912 года литературного балласта в журнале становилось все больше и больше.⁴ Следует при этом учесть, что лучшие из поэтов «Сатирикона» мучительно переживали свое вынужденное шутовство (см. стихотворения Воинова «Смех» и «На грани», Князева — «Мы дети веселого смеха...», «Аркадий Лейкин»).

В 1913 году в редакции журнала произошел раскол, в результате которого образовался «Новый Сатирикон». Причиной раскола

¹ Сб. «Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе», М., 1937, с. 96.

² Подробнее см в моей статье о Саше Черном в кн.: Саша Черный, Стихотворения, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1960, с. 47.

³ В. Князев, Великопостное. — «Сатирикон», 1912, № 7, с. 2.

⁴ Впрочем, иногда этот балласт помогал замаскировать остро злободневные выпады против правительства. Так, на одной из последних страниц в № 18 за 1912 год «Сатирикон» поместил завуалированный отклик на Ленские события — серию рисунков А. Радакова.

были отнюдь не принципиальные разногласия, а денежные недоразумения и конфликт между главными пайщиками журнала: издателем Корнфельдом, с одной стороны, и Аверченко, Радаковым, Ремизовым — с другой. После ссоры группа сотрудников ушла из журнала и основала новый, на кооперативных началах. 19 мая 1913 года «Русская молва» напечатала заявление Аверченко с отказом от редактирования «Сатирикона».

Вместе с Аверченко, Радаковым и Ремизовым из редакции ушло большинство ведущих сотрудников: Потемкин, Тэффи, О. Л. д'Ор, Азов, Ландау, Бенуа, Добужинский, впоследствии к ним присоединились Бухов, Гуревич и другие. Несмотря на это, Корнфельд не прекратил издания «Сатирикона».

Номера журнала, выходившие в конце 1913 — начале 1914 года, были очень пестрыми. Здесь появился цикл резких политических стихотворений В. Князева («Мы и они», «Итоги», «На сторожевой вышке» и нашумевший «Аркадий Лейкин»). Но вместе с тем издатель, испытывая недостаток в материале, без разбору давал место бульварным писателям, реакционным беллетристам и всевозможным литературным маклакам. В № 28 за 1913 год «Сатирикон» поместил стихотворение, направленное против рабочих газет «Правда» и «Луч».

Впоследствии «Рабочая правда» дала достойную отповедь этим нападкам в статье «О плясунах», где говорилось: «Идеологам купального костюма, жидких поцелуев улицы и свободолобтивного будуара кокотки следовало бы знать хотя бы одну границу, через которую нельзя перешагнуть: — Границу недоступной им рабочей газеты». ¹ В апреле 1914 года Корнфельд, оставшийся почти без сотрудников, вынужден был прекратить издание «Сатирикона». Популярность у него перехватил «Новый Сатирикон», который стал выходить с июня 1913 года.

«Новый Сатирикон» был естественным продолжением старого. «Итак, — сообщала редакция, — «Новый Сатирикон» — это старый «Сатирикон», а старый «Сатирикон» — это фактически новый «Сатирикон», начавший свою жизнь всего две-три недели тому назад и пока заявивший себя только почтительным подражанием старому». ² Переезжая на «новую квартиру», сатириконцы забрали с собой все лучшие силы и сохранили те отделы «Сатирикона», которыми особенно дорожили: «Волчьи ягоды» (сатира на злобу дня), «Перья из хвоста» (еженедельная полемика с публицистами иного направления) и свой «Почтовый ящик».

¹ «Рабочая правда», 1913, 16 июля.

² От редакции. — «Новый Сатирикон», 1913, № 1, с. 2.

Однако продолжать традиции старого «Сатирикона» оказалось не так просто. Начавшаяся первая мировая война сильно усложнила жизнь журнала. Военная цензура придирчиво просматривала каждый его номер. Сатириконцы буквально стонали под гнетом цензурных репрессий. А Аверченко писал впоследствии: «Весь наш скорбный путь был усеян горами «зарезанных» рисунков и статей, залит красными чернилами, слезами бессильной злобы и оглашен стонами муки и отчаяния. Нас было мало, и мы не имели сабель и ружей. Мы всё знали, и ничего не могли сказать».¹

С 1914 года в «Новом Сатириконе» главенствующее место заняла тема войны. «Теперь война, как соль, ее во все кладут», — смеялся В. Дорошевич. Это полностью относилось к журналу. На его страницах печатались бесцветные стихотворения В. Воинова: «Письмо», «Денщик», «Полковой священник». Он же писал патетические гимны донским казакам и первым георгиевским кавалерам. Остальные сатириконцы неохотно брались за военные темы. Но обязанность поставлять в журнал материал заставила их вымучивать из себя фальшивые «военные сказки», трафаретные «пруссские картинки», бытовые рассказы с воинственными заглавиями.

Их уровень был удручающе низким: враги выглядели уморительно-лубочными дурачками — «немцем-перцем-колбасой», а русские — сказочными чудо-богатырями. Словом, военные номера журнала мало чем отличались от потока низкопробных псевдопатриотических изданий, наводнивших в те годы литературный рынок. Сатириконцы сами издевались над собой за господство штампа в военных описаниях и элементарную безграмотность.² Увиливая от военных тем, «Новый Сатирикон» разоблачал купцов, взвинтивших цены, и «синдикат» спекулянтов. Как и прежде, сатириконцы охотно брались за шаржи на литературных и театральных деятелей (цикл «Русская грядка на Парнасе») Большое место отводилось стилизации русского или восточного фольклора (газеллы Г. Иванова и Потемкина, сказки Рославлева, народные песни Горянского, раешник Князева и Венского).

Постоянной мишенью сатириконцев сделались теперь футуристы, а в живописи — кубисты. Вообще в спорах о новом искусстве «Сатирикон» неизменно занимал воинствующую позицию. Об этом свидетельствуют рассказы Аверченко «Крыса на подносе», «Французская борьба», шаржи Саши Черного «На выставке „Четырех-

¹ А. Аверченко. О бывшей цензуре (Воспоминания). — «Новый Сатирикон», 1917, № 12, с. 4.

² См., например, стихотворение Евгения Венского «Трафить надо» на с. 263 настоящего издания.

угольника“», «Рождение футуризма», многочисленные пародии А. Бухова, Сергея Горного, карикатуры Ре-ми. Особенно большое место уделял литературной борьбе Евгений Венский, автор блестящей книги пародий «Мое копыто» (1910).

Правда, сатириконская критика «модных течений» в литературе и живописи не затрагивала основ модернистского искусства, ограничиваясь осмеянием комичной внешности явлений. «Кругом царил мрак и уныние, — писал В. Воровский, — а они смеялись. Общественная мысль была загнана в узкий круг, где, кроме литературы и искусства, ей ничего не оставили, а они всё смеялись. И когда им не над чем было больше смеяться, они набросились на изящную литературу и начали смеяться над ней. Писали пародии, шаржи, карикатуры».¹

Свой веселый смех сатириконцы пытались утвердить на месте гражданского пафоса. А между тем наступало героическое революционное время. В громовых раскатах боя совсем потонули камерные звуки сатириконского смеха; чтобы быть услышанным, нужен был мощный голос Маяковского.

5

Маяковский пришел в «Новый Сатирикон» в 1915 году и с первых же шагов выступил как бунтарь против общества собственников. Он был далек от духа сатириконства по самой сути своего мирозерцания. У него единственного в журнале был «пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья».² В первом же сатириконском «Гимне судье» под видом экзотической картинки из перуанской жизни Маяковский дал злую сатиру на современную Россию. В 1915—1916 годах поэт напечатал в «Новом Сатириконе» несколько десятков своих стихотворений, и многие из них воспринимались как призыв расправиться с ненавистным общественным порядком.

Иногда Маяковский пользовался общим для сатириконцев приемом сатирической маски. Так написаны его «Несколько слов обо мне самом...», «Теплое слово кое-каким порокам», «Внимательное отношение к взяточникам» и другие. Однако ирония Маяковского настолько очевидна, что не позволяет смешать маску поэта с его собственным духовным обликом.

¹ В. Воровский, *Scalvus saltans*. — «Литературно-критические статьи», с. 417—418.

² В. В. Маяковский, *Я сам*. — Полн. собр. соч., т. 1, М., 1955, с. 19.

Великолепным комментарием к этим стихотворениям может служить статья их автора «О разных Маяковских» (1915). Из нее следует, что маска нахала, циника, хулыгана и рекламиста — всего лишь литературный прием, средство эпатирования ненавистного поэту толстокожего мещанина.

В отличие от сатириконцев Маяковский постепенно переходит к открытой сатире. Его авторский голос звучит все более властно, достигая высот гневного пафоса в стихотворении «Вам!». Резким движением поэт срывает с себя маску, которая была так необходима сатириконцам, и смело показывает врагу собственное лицо.

В критике буржуазного строя сатириконцы кое в чем соприкасались с Маяковским. Однако они не призывали к уничтожению современного мира, они лишь вышучивали ненормальный порядок вещей. При всем своем фрондерстве, сатириконцы не покушались на общественные устои в целом. Там, где у Саши Черного — презрение, а у Горянского и Потемкина — горестная усмешка, у Маяковского — яростный все сметающий гнев.

В основе художественного метода сатириконцев лежало стремление вытрясти всю грязь из души современного человека, показать его читателю в самом неприглядном виде. Это было способом неприятия буржуазного мира, ибо они осуждали своего героя. Однако либеральные сатирики не видели возможности покончить с этим обществом. В лучшем случае они могли сказать вслед за Сашей Черным: «Избежать всего этого нельзя, но можно презирать все это». ¹

Позиция Маяковского в корне иная. Поэт очищает душу человека не для того, чтобы ужасаться ее изъянам, а чтобы наполнить ее верой в собственные силы. Правда, вступая в дерзкую и неравную схватку с миром собственников, Маяковский порой чувствует себя трагически одиноким, но это не тот бессильный буржуазный индивидуализм, который сквозит порой в произведениях сатириконцев. Лирический герой Маяковского — апостол великих человеческих чувств, трагедия личности сливается у него с призывом к мятежу, восстанию, перевороту:

Идите, голодненькие,
потненькие,
покорненькие,
закисшие в блохастом грязненьке!

¹ Афоризм Сенеки, который Саша Черный поставил эпитафией к первому изданию своих «Сатир» (СПб., 1910).

Идите!
*Понедельники и вторники
окрасим кровью в праздники!*

Маяковский — враг тусклых будней. Он обещает все дни недели превратить в сияющий праздник, если люди перестанут быть «покоренькими» и возьмут в руки «камень, нож или бомбу». Здесь наглядно сказывается различие идейных позиций отдельных сатириков и Маяковского. Они примирились с «вечным понедельником», иные даже воспевали его, он — устремлялся к празднику бунта, мятежа, восстания.

Ненависть к войне, боль за страдающее человечество у Маяковского сочетается с проповедью огромной вселенской любви. Нечто похожее есть у Горянского. В стихотворении «Зачем разрешил?» он обвиняет бога в убийстве миллионов людей: зачем позволил выдумать порох, зачем разрешил войны? Поэт берет на себя все человеческие прегрешения:

Я — священствующий в городе,
На толкучей,
Злобой взмученной
Площади
Отпускающий грехи...

Сравним с этими строками начало поэмы Маяковского «Человек», где говорится о шествии «священнослужителя мира, отпущителя всех грехов»:

Звонящей болью любовь замоля,
душой
иное шествие чающий,
слышу .
твое, земля:
«Ныне отпускаеши!»

В отличие от Маяковского, который называет себя «Новым Ноем», ждет прихода иной жизни, Горянский не надеется на революцию, не верит «ни в солнечный восход, ни в реформы всякие, ни в облегчения». Всепрощение Горянского целиком в духе христианской морали — непротивления злу.

И все же Маяковский кое-чему научился в творческом общении с сатириками. В контакте и в полемике с такими поэтами, как Саша Черный, Потемкин, Горянский, Воинов, Князев, он выработывал высокое мастерство сатирического стиха. В «Новом Сатириконе»

Маяковский приобрел навыки профессионального сатирика, научился всевозможным приемам комического. Журнал был для поэта своеобразной «смеховой школой». Маяковский охотно признавал заслуги сатириков в области «техники смеха». Не случайно в одну из своих сатирических юморесок он вставил такие строки об Аркадии Аверченко:

А там, где кончается звездочки точка,
месяц улыбается и заверчен, как
будто на небе строчка
из Аверченко.

Удачный каламбур, рифму, острое словечко, найденное сатириками, Маяковский сразу же подхватывал и творчески использовал в собственных стихах. Некоторые ранние произведения Маяковского носят на себе следы влияния сатирической поэзии. Известно, что в своей автобиографии он записал: «Поэт почитаемый — Саша Черный».¹

Маяковского связывал с Сашей Черным воинствующий антиэстетизм, заостренный против мещанской красоты и «благопристойности», смелость и неожиданность словесных оборотов. Общим для обоих поэтов был также прием выделения натуралистической детали, перерастающей в эпатирующий образ. Подчеркнуто грубое овеществление служило для Саши Черного сатирическим приемом, позволяющим разоблачить убожество буржуазной публики. Подобный прием весьма характерен для ранних стихов Маяковского. Его лирический герой не может найти в огромном мире ни одного человеческого лица. Он окружен «пиджачной кучей» загадочных существ:

Два аршина безликого розоватого теста:
хоть бы метка была в уголке вышита.
Только колышутся спадающие на плечи
мягкие складки лоснящихся щек.

Эти строки явно перекликаются с шаржем Саши Черного «Мясо», где вместо людей «действуют» уродливо разросшиеся части человеческих тел:

Шеи, щеки, подбородки,
Водопадом в бюст свергаясь,
Пропадают в животе. . .

¹ В. Маяковский, Я сам. — Полн. собр. соч., т. 1, М., 1955, с. 19.

В нарочито грубой, вызывающей манере Саши Черного звучал протест против прилизанной обывательской благопристойности и ханжества. Презрение к миру мещанского благополучия порождало образы, отличающиеся подчеркнутой наготой. Именно этой особенностью своего видения жизни сатирик был близок Маяковскому. Однако презрение к миру сытых никогда не переходило у Саши Черного в революционный протест.

Если сравнить ранние произведения Маяковского со стихами Горянского, то неизбежно приходишь к тому же выводу: между поэтами шла постоянная перекличка образов, тем, художественных приемов. Возьмем хотя бы такой характерный для ранней лирики Маяковского образ, как поющие водосточные трубы:

А вы
 ноктюрн сыграть
 могли бы
 на флейте водосточных труб? ¹

Поэт выразил в нем бунтарское чувство неприятия мира безликих «жирных», задорное желание перетрясти его сверху донизу, перестроить, «смазать карту будня». Похожий образ часто встречается в лирических стихотворениях Горянского («Весна», «Цветы на камне», «На дворе»):

Утром нанесло было снежных круп,
Стало холодно, неуютно и скучно,
Но пригрело к обеду, и в горле водосточных труб
Звонки серебряные запели звучно.

(«На дворе»)

Иногда этот образ разрастается, приобретая определенную социальную окраску («На дворе»). Водосточные трубы становятся символом обездоленности. Но, в отличие от Маяковского, в стихах Горянского звучит пассивная жалость, упование на «божью милость».

Маяковский пользуется приемами, типичными для сатириков, но лишь как строительным материалом, необходимым для создания совершенно иного по своим идейным основам произведения. Характерный пример: «Кинематограф „Сатирикона“», напечатанный незадолго до того, как в журнал пришел Маяковский. Серию рисунков, исполненных в жанре народного лубка, сопровождали стихотворные строчки:

¹ Сходный образ см. в поэме Маяковского «Облако в штанах».

Ехал казак, подбоченясь, под Краков,
Видит: три роты идут австрияков.
Гаркнул он громко, тряхнул копием,
Всех австрияков забрал живьем.¹

Принцип расположения рисунков в этом «кинематографе», лубочные стихотворные надписи напоминают ростинские плакаты Маяковского или лубки, исполненные им в 1917 году для издательства «Парус». Но, воспользовавшись традиционной формой, Маяковский сделал ее неузнаваемой. Бравурные псевдопатриотические стихи «кинематографа» не имеют ничего общего с революционными боевыми призывами Маяковского.

Иногда Маяковский подхватывал меткий образ, найденный тем или иным сатириконским поэтом, но придавал ему прямо противоположное идейное значение. Так случилось с тенденциозной политической сказочкой В. Воинова («Сказка про дырку от бублика»), которую Маяковский использовал для полемики с эсерами в «Мистериин-буфф»:

Обещали и делим поровну:
одному — бублик, другому — дырку от бублика.
Это и есть демократическая республика.

Следует заметить, что в определенных отношениях художественная практика сатириконцев предваряла особенности стиховой речи Маяковского. В частности, он учитывал некоторые достижения сатириконцев в разработке свободного стиха. Так, например, Потемкин, экспериментировавший над разного рода ритмическими конструкциями, стремился максимально усилить экспрессивное звучание слова посредством «перебоев» в метрически организованных стихах. «Потемкин, — справедливо отметили В. Тренин и Н. Харджиев, — поэт выделенных, интенсифицированных слов».²

Молодой Маяковский, по-видимому, с интересом присматривался и к опытам Горянского, в которых стиховая речь была очень заметно приближена к разговорному языку. Горянский отказался от симметрической правильности в размещении ударных слогов, и его «лиро-сатиры», хотя и имели форму рифмованных четверостиший, тем не менее соответствовали некоторым нормам свободного стиха.

¹ А. Радаков, Кинематограф «Сатирикона». — «Новый Сатирикон», 1915, № 2, с. 9.

² В. В. Тренин и Н. И. Харджиев, Маяковский и сатириконская поэзия. — «Литературный критик», 1934, № 4, с. 132.

Итак, Маяковский критически осваивал творчество сатириконцев, существенно расходясь с ними в идейном отношении. Любопытно, что его творческие находки тоже отражались в поэзии сатириконцев. Проработав несколько лет в «Новом Сатириконе», Маяковский как-то шутливо заметил: «Все они сосут молоко из моей груди».¹

Особенно заметно сказалось влияние Маяковского на поэзии В. Горянского. После 1915 года в стихах Горянского появляются метафорически усложненные образы, утрированные гиперболы. Горянский перенимает ритмический строй стиховой речи, выработанный Маяковским:

Как вмещу
К жизни
Любовь,
К небу,
Цветам,
Сжатому хлебу,
К робкому на дубе плющу —
Как вмещу?

В стихотворении «Точильщик» Горянский рисует развернутую картину солнечного заката, напоминающую ранние «уличные» образы Маяковского, в «Японских вазах» — явно ориентируется на образную систему «Облака в штанах» и «Флейты-позвоночника». Характерная для Маяковского интонация звучит в стихотворениях Горянского «Золото», «Преображенная любовь», «Наводнение», «Зачем разрешил?» и особенно в «Извещении о том, что было».

Однако влияние Маяковского на поэзию сатириконцев не могло быть глубоким. Не следует забывать, что перед нами две разные линии в развитии историко-литературного процесса.

Демократизм сатириконцев не был подлинно народным. Улица, которая отражалась в их поэзии, была полуинтеллигентской-полумещанской. Народ они знали очень поверхностно: главным образом с внешне-поэтической стороны. Улица Маяковского бурлит еле сдерживаемой энергией: она бунтарская, стихийно революционная. Если у Горянского улица смиренно просит простить ее за прегрешения, то у Маяковского «даже переулки засучили рукава для драки».

У поэтов-сатириконцев мы не найдем таких грандиозных космических образов, как у Маяковского. Они говорят о застойной, тихой,

¹ С. Спасский, Маяковский и его спутники, Л., 1940, с. 61.

однообразной жизни. Поэтому их произведения нередко строятся «на предметных смыслах, развернутых в одной плоскости».¹

Излюбленный прием сатириконцев — перечисление последовательно сменяющихся деталей:

Портрет Бетховена в аляповатой рамке,
Кастрюли, книги, скрипки и нуга.
Довольные, обтянутые самки
Рассматривают бусы-жемчуга, —

пишет Саша Черный. Поэт уподобляется художнику, рисующему все, что ни попадется ему на глаза. Потемкин часто дает своим стихотворениям подзаголовки: акварель, гобелен. «Предметны» и многие стихотворения Горянского:

Стекло и кожа, медь и сталь...
Сигнал пугающий и властный,
И, как металл, шофер бесстрастный,
Всегда влюбленный страстно в даль...

Своеобразный жанр поэтической «акварели» выражал пассивное отношение поэта к буржуазному миру. Между тем Маяковский всегда стремится активно вмешаться в жизнь. Не пройти мимо, а перестроить ее на основе подлинной человечности. Объектом наблюдения его лирического героя является не застывший в своей неподвижности мирок, а вся огромная вселенная. Маяковский — поэт движения, вихря. Поэтому и метафоризм его поэтического языка многозначен. Детали космически огромной картины, которую рисует поэт, перемещаются. Маяковский выдвигает на передний план наиболее важное и делает его монументальным:

На улицах,
 где лица,
 как бремя,
у всех одни и те ж,
сейчас родила старуха-время
огромный криворотый мятеж!

У Маяковского — грандиозные эксцентрические образы, у сатириконцев — нарочито приглушенные камерные интонации. У него — желание «выйти на площадь» и заговорить голосом масс; у них — стремление уйти от мира, спрятаться в скорлупу собственного «я».

¹ В. В. Тренин и Н. И. Харджиев, Маяковский и сатириконская поэзия. — «Литературный критик», 1934, № 4, с. 126.

Динамизм поэзии Маяковского был, несомненно, связан с его верой в «неизбежность крушения старья». Откровенному «бытовизму» сатириконцев Маяковский противопоставил смелую социальную заостренность тематики, камерности — грандиозность образов, индивидуализму — стремление слиться со всей необъятной вселенной, с народными массами.

И все же сатириконцы в известной мере подготовили почву для поэтики Маяковского. Пользуясь их техникой описания детали, разнообразными приемами комического, Маяковский выработывал качественно новый творческий метод.

6

К 1916 году в «Новом Сатириконе» особенно заметно нарастают ноты скептицизма и безверия. Мрачно пророчество Евгения Венского в стихотворении «У разбитого корыта». Революции не будет, — уверяет он. Русская интеллигенция осталась у разбитого корыта, потому что, как пушкинская бабка в «Сказке о рыбаке и рыбке», слишком много захотела. Нужно было удовлетвориться хотя бы куцей конституцией и не требовать большего. Накануне революции в «Новом Сатириконе» до бесконечности варьируются надоевшие всем темы: дороговизна, купцы-мародеры, трамвайные аварии, адюльтер. Говоря об эволюции журнала за последние годы, Евгений Венский пришел к такому неутешительному выводу: «Теперь, пигмеем жалимы, пигмейски измельчали мы». ¹

К 1917 году врагами журнала становятся уже не политические деятели, не провокаторы и не урядники, и даже не «гниль аполлоновская». Одно только перечисление сатириконских тем в раешнике Евгения Венского «От Святослава до нас» показывает, как поблек журнал. По словам поэта, он борется теперь «со складами коньячными, с местами многозлачными, с кондуктором-грубятиной, с кусакою-телятиной, с управскою разрухою, с извозчиком Ванюхою и с недругом отечества — сословием купечества, и с дворником Митрошкою, и с халтуристом-мошкою». ²

Февральские события «Новый Сатирикон» восторженно приветствовал. Освобожденный от цензуры, он стал помещать карикатуры на царя, царское семейство и министров Временного прави-

¹ Е. Венский, От Святослава до нас (Эволюция борьбы). — «Новый Сатирикон», 1916, № 8, с. 5.

² Там же.

тельства. Поэты на радостях отбросили сатирические перья и принялись писать восторженные оды. Характерно, например, стихотворение Красного «К музе»:

Ты обезумела от счастья,
Народ мечту твою свершил,
И треск твердыни самовластья
Тебя как громом оглушил.

Взгляни: народ, ликуя, плачет,
Остался деспот без венца,
И знамя красное маячит
На вышке Зимнего дворца.

О, Муза яда и печали,
Ты пела, цепи волоча,
Чего же песни отзвучали,
Когда не стало палача?

Но восторженные ноты в «Новом Сатириконе» вскоре сменились озлобленными. Журнал заговорил иным голосом. Обращаясь к России, поэт А. Рославлев уверял:

Тебе пристал ошейник узкий
И на задворках конура.
Стыжусь сказать теперь: я русский,
И жаль, что русским был вчера.

Начиная с 21-го номера «Новый Сатирикон» начал разнузданную антибольшевистскую кампанию, заявил о наступлении лихолетья и «пришествии Хама». Октябрьскую революцию журнал встретил в штыки. Первые послеоктябрьские номера полны неуместной клеветы на большевиков. «Новый Сатирикон» усердно перепевает тему о «раздетых людях и раздеваемой государственности». Теперь, пожалуй, он отдает предпочтение сатире политической.

Правда, некоторые сатириконцы в этот период снова обращаются к проповеди беспартийности. Но если раньше их беспартийность была в известном смысле оппозицией буржуазному образу мыслей, то теперь она превратилась в упорное нежелание признать требования народных масс. Стремление уйти от «суетного» мира диктует поэтам мечту «о городе зеленых крыш», который любовно изобразил Горянский:

Гражданел

Переедем в глухой уезд,

Заселим неуклонно хутор за хутором.

Разве уже не осталось мест

С акварельными облаками ранним утром?

Станем в городе жить зеленых крыш,

Вал высокий вокруг нароем,

Запретим от лиц, возлюбивших тишь,

В этот город входить политикам и героям.

В «городе зеленых крыш» правит безымянный Z со своим послушным секретарем — господином X. Здесь нет событий, а люди одинаковы, как зерна жита. Их главное занятие — ходить на базар, обдумывать черед обеденных блюд и любить друг друга.

Мечта о «кристальном мире», в который можно скрыться от борьбы и тревог, характерна для творчества многих буржуазных писателей. Но этот мир неминуемо рассыпается от первого соприкосновения с жизнью. Все большие художники, перешагивая через него, шли к активной борьбе за счастье человечества. Сатириконцы в большинстве своем не смогли этого сделать. Сквозь созданные ими сатирические маски все яснее проступал их собственный лик. Так, Горянский продолжал писать «лиро-сатиры» под общим заглавием «Мещанские скорби», но теперь он открыто сочувствовал своему герою — идеализированному провинциальному обывателю. Вымышленный город «зеленых крыш» мил самому поэту. Он с удовольствием убежал бы в него, даже не пытаясь разобраться в хаосе русской жизни.

Для большинства сатириконцев Октябрьская революция была именно хаосом, неведомо откуда налетевшим смерчем, перевернувшим их существование. Не понимая нового строя и не сочувствуя ему, они либо злобно ругались, либо пытались «пересидеть» неприятное время. Бытовые лишения заслонили от них великий смысл происходящих в России событий. Народную власть они всячески старались подорвать. «Я саботирую» — красовалось на обложке одного из последних номеров «Нового Сатирикона». Естественно, что в 1918 году по решению Советского правительства журнал был закрыт на восемнадцатом номере.

Судьбы сатириконцев оказались разными: А. Аверченко, Саша Черный, П. Потемкин, В. Горянский, Тэффи, С. Горный эмигрировали. В. Князев, В. Воинов, К. Антипов, И. Л. Оршер, Евгений Венский, И. Гуревич, Г. Ландау, Б. Жиркович, почувствовав правду нового строя, остались на родине. В. Князев и В. Воинов сотру-

ничали в «Красной газете», «Пушке», И. Л. Оршер в «Правде» и «Известиях», К. Антипов вместе с Маяковским самоотверженно работал в РОСТА. А. Бухов, вначале уехавший в Литву, вскоре вернулся в Советский Союз и стал одним из ведущих сотрудников «Крокодила». ¹ Евгений Венский, И. Гуревич, Г. Ландау работали в «Бегемоте» и «Смехаче». Так революция завершила процесс идейного размежевания сатириков, начавшийся задолго до 1917 года. Внутренние противоречия, подспудно таившиеся в сатирической редакции, нашли естественный выход и превратили недавних друзей в ярых идейных противников.

А «Сатирикон» в 30-е годы попытались возродить русские эмигранты в Париже. В 1931 году М. Г. Корнфельд собрал группу сатириков, забывших прежние распри, и снова начал издавать журнал. Первый номер этого «Сатирикона» вышел 4 апреля 1931 года. В нем принимали участие И. Бунин, Б. Зайцев, А. Куприн, Н. Ремизов, Саша Черный, В. Горянский. Художественный отдел составляли в числе других А. Бенуа, И. Билибин, М. Добужинский, К. Коровин. Воскрешая старые традиции, парижский «Сатирикон» отводил место злободневной карикатуре, колким бытовым анекдотам и политическим шаржам. Однако журнал сильно пострадал от пересадки на французскую почву (вышло всего около двадцати номеров). Отсутствие связи с родиной вредило ему гораздо больше, чем отсутствие средств. Новый отдел «Актуалитэ» никак не мог сравниться с прежними «Волчьими ягодами» или «Перьями из хвоста».

Самым примечательным событием в зарубежном «Сатириконе» оказалась перепечатка советского юмористического романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Рядом с ним сатириконская редакция не могла поставить ни одного столь же значительного произведения.

* * *

В русской литературе поэты «Сатирикона» шли своей узкой тропой, пролегающей где-то у обочины большой дороги. Их наследие, как мы видели, далеко не равноценно и часто не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к искусству идейно значительному и художественно совершенному. Однако это не должно за-

¹ «Юмористические рассказы» А. Бухова изданы в 1959 г.; в 1959 г. в «Библиотеке Крокодила» выпущен другой сборник его новелл — «Счастливый случай», а в 1964 г. — «Домик с колоннами».

слонить от нас ненависть сатириков к мещанству, к низменным буржуазным нравам, к произволу самодержавия. В их чувствах и настроениях — неопределенная тоска по идеалу, туманная греза о личности, освобожденной от социального унижения для нормального человеческого существования.

Сатириконская критика мрачных явлений русской жизни часто отличалась непоследовательностью, нерешительностью, шаткостью позиции. И все же либеральные сатирики в эпоху жестокой реакции смогли более или менее достоверно показать картину разложения правящих классов, нравственного падения тогдашнего общества.

Разработанная сатириконцами «технология смеха» отчасти была взята на вооружение советской сатирической журналистикой (ежедневником «Крокодил» прежде всего) и литературой (Ильф и Петров и другие). Кроме Маяковского, в «Сатириконе» писали А. Грин, С. Маршак, М. Пустынни, И. Бабель, Е. Зозуля, И. Эренбург и другие. Не страдая ограниченностью «сатириконства», советские сатирики создали произведения большого социального звучания.

В наши дни сатириконы вновь привлекают к себе внимание. Веселый гений смеха сохранил лучшее в их творчестве для советских читателей.

Л. Евстигнеева

I

Петр Петрович Потемкин родился в Орле в 1886 году. Литературный дебют его относится к революционным дням 1905 года. Став участником хлесткого петербургского журнала «Сигнал» (впоследствии переименованного в «Сигналы»), выходявшего под редакцией К. И. Чуковского, Потемкин, тогда еще студент-словесник петербургского университета, печатался в этом журнале под псевдонимами: Пикуб и Андрей Леонидов.

После запрещения «Сигнала» Потемкин помещал стихи в сатирических изданиях 1906 года: «Рапира», «Маски», «Комета», «Ночь», «Еж», «Водолаз» и других. Поэт учился трудному искусству эзоповой речи, умению зашифровывать политические намеки. Однако призывы к освобождению у Потемкина не заключали в себе сколько-нибудь ясных политических требований.

В 1906 году Потемкин сближается с символистскими литературными кругами, становится завсегдатаем в доме Ф. К. Сологуба, знакомится с Вяч. Ивановым и Г. Чулковым. Но первый же сборник стихов Потемкина «Смешная любовь» (1908) показал, что автор его далек от безоговорочного принятия символистской теории. Книга содержала в себе пародии на стихи Блока, Кузмина и Сологуба. Учась у них, Потемкин одновременно отталкивался от их творчества.

Сборник «Смешная любовь» принес известность его автору. Брюсов писал, что «Потемкин сразу сделался маленьким „мэтром“, создателем своего стиля и чуть ли не своей школы». ¹ Саша Черный много лет спустя заметил, что уже в первой книге поэт обнаружил «присущие его лире свойства: эластичную плавность стиха, изысканное мастерство сложного ритма, прерывистый перебой строк, четко отвечающий внутреннему волнению». ²

В 1908 году Потемкин стал постоянным сотрудником «Сатирикона», а впоследствии — секретарем его редакции. Сатириконские

¹ В. Брюсов, Дебютанты. — «Весы», 1908, № 3, с. 78.

² Саша Черный, Путь поэта. — В кн.: П. Потемкин, Избранные страницы, Париж, 1928, с. 5.

стихи поэта охватывают различные темы: злободневную политическую сатиру, полемику с правой прессой, бытовую сатиру и юмор, стилизацию народного лубка, салонной поэзии XVIII века, восточного фольклора, переводы с немецкого и т. д. Наиболее характерны для Потемкина бытовые юморески. В начальные годы издания журнала он уступал в известности, пожалуй, только Саше Черному.

К 1912 году в поэзии Потемкина назревают заметные перемены. Об этом свидетельствует второй сборник его стихотворений «Герань» (1912). Название книги — полушутливое, полусерьезное. За игривой легкостью рисунка, свойственного лирическим стихам «Герани», скрывалось чувство эфемерности окружающей жизни, ее пустоты и скуки. Такой эффект достигался в частности характерной для творческого метода Потемкина романтической иронией — стилем, который получил широкое развитие не только в литературе первой половины XIX века, но и в начале XX столетия. Снимая грани между высоким и низким, прекрасным и обыденным, трогательным и комическим, романтическая ирония одновременно утверждала и отрицала действительность. Вместе с тем она выражала бессилие художника создать сколько-нибудь ясные социальные идеалы.

Своеобразие поэзии Потемкина — в соединении двух начал: лирического, трогательного и будничного, забавного. Эта сторона таланта поэта особенно полно раскрылась в цикле изящных и тонких театральных безделушек, которые он создавал в 10-х годах для кабаре «Летучая мышь», «Бродячая собака», для «Дома интермедий» («Катенька», «Павловские казаки в Париже», «Блэк-энд-уайт», «Подотеры» и другие) и «Кривого зеркала» («Барометр», «Старожилы» и другие).

В те же годы Потемкин выступил как театральный критик¹ и как прозаик (рассказы «Влюбленные», «Записки фланера», «В царстве голых» и другие). Одновременно он развивает линию «Герани» — в стихотворениях, помещенных в «Сатириконе», «Солнце России» и «Синем журнале».

В годы первой мировой войны Потемкин испытал творческий кризис. В поисках новых путей творчества он брался то за переводы с немецкого и чешского,² то за стилизованные романсы, то за

¹ См. его обзоры и рецензии под псевдонимами «Вестрис» и «П. П. П.» в газетах «Русская молва» (1912—1913), «День» (1913—1915), «Русское слово» (1913—1916).

² См. его «Антологию чешской поэзии», Прага, 1925.

стихи для детей,¹ то за поэму «На рассвете», оставшуюся неоконченной.

Но талант поэта постепенно увядал. Не поняв и не приняв революции 1917 года, он в ноябре 1920 года очутился в эмиграции.

Из Румынии Потемкин перебрался в Прагу, затем переехал в Берлин. В 1923 году в Берлине вышел сборник «Отцветшая герань», куда вошли избранные стихотворения, написанные поэтом еще на родине. Горестный подзаголовок книги — «То, чего не будет» — говорил о том, что Потемкин не питал иллюзий о восстановлении старой России. Об этом же свидетельствовало и стихотворение «Герань», которым открывался сборник. В то же время он понимал, что потерял родину навсегда.

Полное беспросветное одиночество на чужбине — вот лейтмотив стихов поэта, написанных в эмиграции:

Ну да, живу. По капле дни
Текут в бадью пустой надежды.
И нету праздничной одежды
Для тех, кто, как и мы, одни.
Есть солнце, но оно не наше,
Есть ветер, но не ласков он.
Один охрипший граммофон
Кудахчет, и под хрип и стон
Вся жизнь вокруг руками машет.

Жизнь Потемкина в эмиграции была трудной и горестной. Он мучительно тосковал о родине, не мог найти своего места в литературе, хотя работал довольно много. Совместно с драматургом и журналистом С. Л. Поляковым-Литовцевым Потемкин написал комедию «Дон-Жуан — супруг смерти» (1924), которая с большим успехом шла в «Театре независимых» в Риме. В парижских театрах в 20-е годы ставились его пьески «Любовь и иерархия», «Факир», «Шашлычники» и «Кафе-крем». В последние годы жизни Потемкин работал над романом из жизни шахматистов (он сам был известным шахматистом), снимался в фильме «Казанова».

Потемкин скончался в Париже 21 октября 1926 года на сорок первом году жизни. Его похоронили на кладбище Пантен, позднее прах поэта был перенесен в постоянный склеп Тургеневского общества на Пер-Лашез.

¹ См. его сборник стихов для детей «Зеленая шляпа», Берлин, 1924.

1. СВОБОДА, СОЖАЛЕНИЕ И ЧИТАТЕЛЬ

Однажды нам была дарована Свобода,
Но, к Сожалению, такого рода,
Что в тот же миг куда-то затерялась...

Тебе, Читатель мой, она не попадалась?

<1905>

2. ДУБАСОВ И СВЕЧКА

Придя к Дубасову, копеечная Свечка
С ним о заслугах стала толковать
И утверждать,
Что он пред ней — смиренная овечка.
«Превосходительный, судите сами вы, —
Так Свечка говорила. —
Сожгли вы только треть Москвы,
А я так всю Москву спалила».

<1905>

3. ПЕШКА, КОРОЛЬ И ФЕРЯЗЬ

ШАХМАТНАЯ БАСНЯ

В своем бессилии уверясь,
Сказала Пешка: «Друг мой Ферязь,
Скажи мне, отчего, как я ни бьюсь,
Всё в Короли не проберусь,

Хотя не скрою,
Фигурой сделаться могу любую?»
— «Утешься, не горюй о том, —
Ей Ферязь говорит с усмешкой. —
Ты не бываешь Королем,
Зато Король бывает Пешкой».

<1905>

4

Тускло светит язык нагоревшей свечи,
Ночь печальна своей тишиной...
Слышу я: за стеной
Эшафот мастерят палачи...
Знаю: в красный кумач
Будут бревна и доски одеты...
О палач мой, палач,
Погоди, не казни до рассвета!
Когда же приблизится пасмурный день,
Веревку на шею надень.
И, в петле качаясь, я крикну в полунощный мир:
«Вампир, скрывайся, вампир!
Рассвет приближается, день!»

<1906>

5. ДЬЯВОЛ

Не видно тяжелой площади,
Не видно во мгле.
Вырастают пенные лошади —
Не стучат по земле.
На реке с унылыми взвизгами
Изнемог пароход.
Ветер колючими брызгами
Лицо бьет.
Бросает черные полосы
В небо фонарь.
Нахлынули рыжие волосы —
Духи... гарь...

Подошла, за рукав ухватила,
Обняла, повела:
«Ты ли меня, я ли тебя иссушила,
Ты ли меня, я ли тебя извела!»

Сидел на окне,
Ноги болтались,
На зеленом сукне
Шары катались.
В угол дуплет
Упал, опрокинулся. . .
Бурый жилет
Ближе придвинулся.
Поднял свой кий,
На пол упал —
Зеленый змий
На него напал.

Дьявол, дьявол, дух великий,
Я нарву тебе цветов,
Черных роз и повилики,
Дымно-рыжих огоньков.
Я в дыму огней алтарных
Лебедь черную убью.
Я в тиши ночей угарных
Кровь цветами напою.
В час, когда сгорят светила,
Тело жертв сожгу дотла. . .

«Ты ли меня, я ли тебя иссушила,
Я ли тебя, ты ли меня извела!»

1906

6

Посвящается Людмиле З.

В окошке с тюлевой шторой,
С горшками герани,
Оставив все немощи плоти хворой
В бане,

Сидит старушонка.
Платком
Намокшие волосы скрыты.
Впалы глазные орбиты.
Иконка
Тайком
Из кофты ночной вылезает.
С озера глаз не спускает.
Чай остывает.
«Мать Троеручица!
Озеро пучится,
Вихрь завывает.
Наши-то целы ли?
Эка ведь баловни,
Что понаделали!
Павловне
Ночью недаром
Сам Серафим с Николаем
Являлись,
А вечерком под амбаром
Лаем
Тузик с Дружком заливались...
Мать Троеручица!»
.
Озеро пучится.

1907

7

Жили-были два горбуна,
Он любил, и любила она.
Были длинны их цепкие руки,
Но смешны их любовные муки,
Потому что никто никому,
Ни он ей, ни она ему,
Поцелуя не мог подарить —
Им горбы мешали любить.

<1908>

8. ПЬЯНИЦА

Тротуар, тротуар,
Каменные плиты!
Пропади спиртной угар,
Пропади ты!

Пьян-то кто? Пьян-то я!
Почему я пьян-то?
Разлюбила меня,
Полюбила франта.

Захочу — разлюблю...
Всё вино исправит.
Любит кто? Я люблю!
А она лукавит.

Идет пьяненький,
Шатается,
Весь в крови,
Весь румяненький,
Своей любви
Отомстить собирается.

Впереди
Шляпа с цветочками,
Боа на груди.
Он сам не свой:
«Пойдем со мной!
Угощу мадерой с почками!»

Подойти подошел,
Пошатнулся,
Да к ней
В подол
Тушей всей
Растянулся.

Смеется она,
Покатывается.
Поднялся пьяней
Вина,

Пошатывается,
Идет, кряхтит, отдувается,
Любви своей
Отомстить собирается.

<1908>

9—10. ГИМНАЗИЧЕСКОЕ

1

Синявка Зоська —
Классная дама Софья Павловна —
Плачет жалобно:
Умерла любимая моська.
Глаза старой девы
Хоть красны — покорны и кротки,
На лбу у ней справа и слева
Висят папильотки. . .
«Ах, Тобик, мой бедный Тобик,
Обкушался ты овсянки!
В бледно-розовый гробик
Положу я твои останки.
Под вербой тебя, мой милый,
В палисаднике нашем зарюю —
Будет сладко цвести левкою
На груди могилы.
Весенней порой, так что чудо,
Разукрасится он цветами,
Каждый день с зарею я буду
Орошать могилу слезами».
Складки платья слезами увлажены
У Софьи Павловны.
Слезы всё жалобней льются.
У замочной скважины,
По ту сторону дверки,
Смеются
Пансионерки.

Третьеклассник Григорьев Павел
 Сочиняет стихи в альбом.
 Он морщит лбом
 И кончик пера исключявил.
 «Мы встретились с тобой, чтоб разойтись
опять.
 И что уж пожелать могу на жизненном пути?
 Всегда ты получай по-французски пять
 И по другим не менее пяти».

Ах, я знаю латинский на кол!
 Написал и заплакал.
 Ниночка, Нина, не мы ли гуляли
 С тобою вместе?
 Не мы ли клятвы друг другу давали,
 Как жених невесте?
 Ты пленилась противным франтом,
 Шлешь ему улыбки,
 Ах, пальто у него с белым кантом
 И на брюках цепочки-штрипки.

<1908>

11. У ВОРОТ

Суббота. Отзвонили
 От всенощной в церквах.
 Летят автомобили
 В блестящих фонарях.

Давно устал татарин
 «Халат, халат!» кричать.
 Прислугу выслал барин
 С собакой погулять.

На пуделе намордник,
 На горничной бурнус. . .
 Увидел старший дворник,
 Лукаво крутит ус.

Направо у калитки
 Уселся вместе с ней,

Просил принять две нитки
Поддельных янтарей...

Растаял старший дворник,
Растаял у ворот...
Собака сквозь намордник
Понюхает — пройдет.

<1908>

12. НОЧЬЮ

Ночью серая улица...
Слепые дома...
Папироска моя не курится,
Не знаю сама,
С кем мне сегодня амуриться?

<1908>

13. НА ДВОРЕ

Скрипач и арфистка
Играют на дворе.
Кокетка гимназистка
Смеется их игре.

Поет гнусаво арфа
О дальней стороне,
Рыдает прачка Марфа,
Рыдает на окне.

Мальчишка в кацавейке
Слезам пугливо рад...
Летят во двор копейки —
В грязи лежат.

<1908>

Я шел один по тротуару,
 Суровый ветер и выл, и звал,
 Бросал навстречу за парой пару,
 Нарядных женщин ко мне бросал.

И был их взгляд зовущ и зорок,
 Стучали липко их каблуки,
 Из-под подобранных оборок
 Виднелись пестрые чулки.

И дождь был сер, и мрак был жуток...
 Суровый ветер и выл, и звал...
 А я под выкрик циничных шуток
 Одну из них поцеловал.

<1908>

15—19. П А Р И К М А Х Е Р С К А Я К У К Л А

ОП

1

Я напудрен, на помажен,
 Чисто-начисто обрит,
 Кок мой к темени приглажен
 И хозяином завит.

За окошком по панели
 Ходит много душек дам.
 Вот одна на той неделе
 Подошла к моим двёрям.

Вздернут носик, алы губки,
 Просто шик, что за наряд!
 Подбравши ручкой юбки,
 На меня метнула взгляд.

«Ах, — шепнул я, — поцелуйчик,
Поцелуйчик, хоть один!»
Вдруг подходит к ней поручик
И какой-то господин.

Что-то на ухо сказали,
Показали пять рублей...
Ах, когда б вы только знали
Всю тоску души моей!

2

Недавно в моем окне
Появилась соседка
И всё глазки делает мне...
Такая кокетка!

У нее белокурый парик,
На щеке у ней черная мушка.
И букетом поддельных гвоздик
Убрана макушка.

Только вечер огни зажжет,
К ней приходит какой-то поклонник,
Смотрит, смотрит и слезы льет
На подоконник.

Ах, смешнее на свете нет!
Весь оброс он нечесаной гривой
И закутался, точно поэт,
Альмавивой.

Но я знаю, соседка моя
Поэта надует
И, лишь ночь ворвется, стыд затая,
Меня поцелует.

ОНА

8

Этой ночью кот мяукал,
Не давал мне спать:
«Полно спать, царицу кукол
Уходи искать.

Отыщи ее окошко,
Там, точеной, тонкой ножкой
В сердце пронзена,
Ждет она».

Я под выкрики метели,
Шорох снежных крыл
Молча встал с моей постели,
Двери приоткрыл.

Снежный вихрь в окно простукал:
«Ждет тебя царица кукол,
Ждет всю ночь одна,
Бледна».

Я ушел, я за дверями,
Кукольный жених.
Тень играет с фонарями,
Прячется от них.

Ветер кровь мне убаюкал...
Где ж ты, где, царица кукол?
Вот твоё окно —
В нём темно!

4

Я пришел к моей царице-кукле,
Сквозь стекло целовал
Ее белые букли
И лица восковой овал.

Но, пока целовал я, в окошке
Любимая мной
Повернулась на тоненькой ножке
Ко мне спиной.

5

Я каждый вечер в час обычный
Иду туда, где на углу
У вывески «Ломбард столичный»
Могу припасть лицом к стеклу.

Там у дверей с окном зеркальным,
Где парикмахер из Москвы,
Брожу влюбленным и печальным
В лучах вечерней синевы.

И там в окне, обвита шелком,
На тонкой ножке, холодна,
Спиною к выставочным полкам,
Меня манит к себе она.

Так каждый вечер, с тем же взглядом,
Сулящим мне одну любовь,
Она стоит с помадой рядом,
Слегка подняв тугую бровь.

Но, на парик парик меняя,
Она что день уже не та,
И я ревную, твердо зная:
Измены нет — она мечта.

И каждый раз я с новой мукой
Стою у милого окна,
Где и безногой, и безрукой
На тонкой ножке ждет она.

<1908>

Посвящается Юлии Т.

1

Как легка наша лодка:
Мы две куклы из жести.
Всё так ярко, так четко...
Хорошо нам вместе.
Мы не знаем, где остановимся, —
Так туга стальная пружина!
О себе никому не обмолвимся —
Всё затянет зеленая тина.
Мы не скажем упругим веслам,
Для чего нам так нужно солнце,
Для чего в камыше низкорослом
Так шумит ветерок-веретенце.
Почему и когда остановимся —
Ах, любовь, тугая пружина! —
Никому никогда не обмолвимся,
Всё затянет зеленая тина.

2

Море солнцем залито.
Пахнет медом почек...
Сколько, сколько на пальто
Треугольных точек?
Сколько точек — столько встреч.
Сосчитай — не можешь?
Для чего же встречей плеч
Ты меня тревожишь?

3

Я нашел кусочек жести,
Темной вверился судьбе,
С комплиментом, полным лести,
Подарил его тебе.
В день, когда впервые почку
Распустил весенний вяз,
Я повесил на цепочку
Жесть, как редкостный алмаз

На шелку узорной ленты,
Я просил тебя: «Носи»,
И, прослушав комплименты,
Ты сказала мне: «Мерси».
Будет день, и жесть расскажет
То, чем был твой кавалер,
Узы общие развяжет,
Расколдует лесть манер.
Оживит смешок на губках,
Засмеется веселей,
И из кукол нежно-хрупких
Обратимся мы в людей.
<1908>

23. ЛЕЛЯ

Рассказать вам, что ли,
О Леле?
Звалась она Лелей.
С какой охотой и волей
Ее выбирали
И с ней танцевали
Еще в институте
Кадеты,
Корнеты
И tutti
Quanti¹ —
Все фронт на фронте!
Светлой блондинкой
Голубоглазой
Она родилась.
Когда предо мной,
Этой весной,
Она появилась —
Единой фразой
И половинкой
Мне данной груши
Пленен я был,
Развесил уши

¹ И прочие (лат.). — *Ред.*

И позабыл
И о Надюше,
И о Катюше.
Развалившись в кресле,
Мечтал я, что будет, если
Я женюсь на Леле?
Будут у меня дети —
Все Лели да Пети,
Будут учиться в школе...
Буду ходить в халате,
Спать на двухспальной кровати,
Есть пирожки за обедом,
Играть в винт с соседом,
Целовать мимоходом
Лелю и в шейку, и глазки,
Не смущаясь народом...
И, прелестью сказки
Убаюкан,
Я едва увидел,
Что за портьерой,
За прикрытьем сукон,
Лелю целует без меры
Он —
Мой сосед-баритон...
Этот поцелуй меня так обидел,
Что я не могу без боли
Рассказывать больше о Леле.

<1909>

24. ВЕСНА

Весной украдет облака
С небес любая лужица.
Нахохлив мокрые бока,
Рой воробьев закружится.
Уж на реке сыпучий лед
Ручьями исковеркало.
Вновь по асфальту потечет
Расплавленное зеркало.
И ты себя увидишь там
Ступающей по облаку,

По дальним, синим небесам,
По солнечному облику.
Не раздави! Не наступай!
Иди по ним с опаскою —
Не то назад умчится май,
Не обласкав нас ласкою.

<1909>

25. ОБЫКНОВЕННО

В «Кафе де Пари»
За столиком
Сидело три
Дамы
Из «Ямы».
У одной шляпка была
С кроликом,
У другой было боа
Роликом,
А третья была —
Алкоголиком.
К ним подошло
Три приятеля —
Три искателя
Развлечения.
Один — пьян зело,
Другие не менее.
Тоном игривым
Сказали три дамы
Из «Ямы»:
«Угостите нас пивом».
Но прихотливым,
У столика стоя,
Ответили трое
Тоном:
«Что вам
В пиве, красотки, —
Лучше выпейте водки».
И ушли из «Кафе де Пари»
Вместе с ними все три

Дамы
Из «Ямы».
У одной шляпка была
С кроликом,
У другой было боа
Роликом,
А третья была алкоголиком.

<1910>

26. СЕКРЕТАРЬ ПРОФЕССОРА

Секретарь профессора местного,
Очень известного,
Граждански-честного,
Сидел в ресторане
«Квисисане».
Был он технолог
Из семинаристов,
Волос
Долог,
Голос
Неистов.
Сдвинув фуражку
К затылку,
Он курил
В затычку
И пил
За бутылкой бутылку.
После одной из бутылок,
Вдруг сделавшись пылок,
Он заорал:
«Куда я попал?!
Господа,
Послушайте друга и брата:
Это притон разврата!
Не ходите сюда
Никогда!»
Румяная дева,
Что сидела налево,
Обернулась,
Усмехнулась

И, найдя технолога пьяным
(Ей пьяные давно опротивели),
Снова нагнулась
Над стаканом
С массаграном...
А секретаря профессора вывели...

<1910>

27. МУЖ

В цилиндре, сверкающем
Шелком,
Шел он по лужам, тающим
И вновь замерзающим,
Шагом мерным,
Толком
Не зная куда,
Но знал, как всегда,
Что нужно быть мужем
Верным.
Мимо катили
Автомобили,
В весеннем раже
Неслись экипажи,
Лицо задевали
Буали,
И не раз
Ловил он взор
Увлекающих,
Обещающих,
В упор
Глядящих весенних глаз.
Точно боясь оступиться,
Перед каждой девицей
Опускал он глаза,
Боясь соблазна...
Но вновь и вновь
Разнообразно
Злая любовь
Расправляла тенета.

Пришла гроза, —
И кто-то,
Именуемый Верой,
В кофточке серой,
Заманил его,
Подхватил его
Тихомолком
И повел в цилиндре, сверкающем
Шелком,
По лужам
Тающим,
Чтоб стал он неверным мужем.

<1910>

28. У ДВОРЦА

Когда весной разводят
Дворцовый мост — не зря
Гулять тогда выходят
Под вечер писаря.
Штаны у них раструбом,
Штиблеты — чистый лак,
Идут, сверкая зубом,
Хихикая в кулак.
За сизо-серой мглой
Заглох закатный луч,
За крепостной иглой
Гора лиловых туч.
Чуть веет невской влагой. . .
В предчувствии конца
Идут они с отвагой
Улавливать сердца.
И слышно издалече
По звонким голосам,
Как рад условной встрече
Цветник влюбленных дам.
Пуховые платочки
Посбились вкривь и вкось. . .
Без дум, без проволочки
Гулянье началось.

До Прачечного моста
Дойдут и повернут —
Одну обнимут просто,
Другую ущипнут.
В стыдливости невинной
Зажмурилась заря...
По набережной чинно
Гуляют писаря.

<1910>

29. ЛЕБЯЖЬЯ КАНАВКА

Барышня в синей шляпке,
Опять ты явилась мне.
Сколько цветов в охапке?
Сколько любви по весне?
Вынесло в море Невую
Последний сыпучий лед.
Снова иду за тобою.
Следом любовь идет.
Смело на сером камне
Твои каблукы стучат.
Ну, посмотри в глаза мне,
Ну, обернись назад!
Возле Лебяжьей канавки
Глянешь со ступеней —
Будто поправишь булавки
Синей шляпки твоей.
Холодно станет от взгляда
Твоих подведенных глаз.
Разве любви не надо?
Разве январь у нас?
Но неземной богиней
Уйдешь, насмешку тая...
Барышня в шляпке синей
Опять, опять не моя!

<1910>

30. ЖЕНИХ

На Красную горку
Женят Егорку.
Славный был малый
Егорка Беспалый;
Дворником жил он
В номере пятом,
Старшему был он
Двоюродным братом.
В красной рубахе,
В форменной бляхе,
Семь раз в неделе
Мел он панели.
Не пил сивухи,
Но пил понемножку.
Медную в ухе
Носил он сережку.
В праздник, бывало,
Солнце не встало,
Уж он у парадной
Пилит на трехрядной.
Барышни были
Во власти Егорки,
Так и валили
К нему на задворки.
Ночью, что кошки,
Стерег он окошки —
Нет ли в предмете
Дамы в корсете?
Жить бы, да жить бы,
Да горя не знать бы,
Свадьбы-женитьбы
Век не искать бы...
Не выдержал малый,
Егорка Беспалый, —
На Красную горку
Женят Егорку.

<1910>

31. СОСЕДСТВО

Мой жребий
Уж давно
Весною горек,
Светло на небе,
Но окно
Мое
На узкий дворик.
А там белье,
А за бельем
Забор и сад
Соседний.
Там за столом
Намедни
Я видел двух
Немецких дочек.
Был нежен дух
Кленовых почек...
С мамá, с отцом
Они за кофе
Сидели,
Без философий,
Полным ртом
Печенье ели
И всё смотрели
Без устали —
Не пусто ли
В чашке папиной
С желтой крапиной.
Потом привстали,
Прибор убрали
И вместе с мамой
Завязали.
А я за рамой
Своей оконной,
В тоске бездонной,
Сидел, скучая,
За чашкой чая.
Отчего нет у меня дочки,
Чтоб вязать чулочки,
Когда пахнут почки,

Чтобы весной тиховойной
Смотреть без устали,
Не пусто ли
В чашке кофейной?
Увы, что проку
В вопросах праздных,
В соблазнах разных!
Смотрю без сроку
В окно через дворик,
И чай мне горек
Как парегорик.

<1910>

32. ВЛЮБЛЕННЫЙ ПАРИКМАХЕР

Скоро глянет месяц бледный
В милу горенку твою —
Одинешенек я, бедный,
В палисадничке стою.

Невтерпеж мне дух жасминный,
Хоть всегда я вижу в нем
Безусловную причину,
Что я в Катеньку влюблен.

Под жасминовым кусточком
Мы видались первый раз.
Ты цвела совсем цветочком
Для моих влюбленных глаз.

Ты клялась, что не обманешь,
Фотографию дала —
А теперь ты и не взглянешь
На несчастного меня.

С той поры я всё страдаю:
На портрет ли посмотрю,
Или книжку почитаю —
Всё страдаю и горю.

П. П. Потемкин

ВЛЮБЛЕННЫЙ ПАРИКМАХЕРЪ.

Сперо глянешь яблочь бабачей
 Въ мѣлу глянучу твою,—
 Одишечнѣкъ я, блѣный,
 Въ полсанкичкѣ стов.

Истерлекъ нѣтъ дутьъ жасининый,
 Хотя всегда я вижу въ немъ
 Безусловную причину,
 Что я въ Ватенку влюбленъ.

Падъ жасининовѣхъ кусточковъ
 Ми видѣлся первый разъ.
 Ты дѣлалъ совсѣмъ цѣвочковъ
 Для моихъ влюбленнѣхъ разъ.

Ты вѣдалъ, что не обманешъ,
 Фотографію дѣла—
 А теперь ты и не взглянешъ
 На несчастнаго мѣна.

Съ той поры я все страдаю,
 На портретъ-амъ посмотрю
 Или къ кляжкѣ почитаю,
 Все страдаю и горю.

Жду когда провѣдѣшь ты эшко...
 Слова вѣлѣть не усъ...
 Когда, непреодоливо
 Я къ тебѣ душой стремлѣсь!

Жду, когда пройдешь ты мимо...
Слезы капают на ус...
Катя, непреодолимо
Я к тебе душой стремлюсь!
<1910>.

33. НА БАЛ

Три дня просилась Маша:
«Пусти меня на бал!»
Два дня ворчал папаша,
Ворчал и не пускал.
Но Маша и мамаша
Заладили: «Пойдем!»
На третий день папаша
Полез за кошельком.
Вот нанята портниха...
Купили кисею
И приступили лихо
К примеркам и шитью.
Весь день с портнихой стычки,
А Маша слезы льет, —
Портниха по привычке
Обузила перед.
Всё платье распорол,
Портниху изругав,
Но в пройме стал до боли
Внезапно жать рукав.
Потом бока морщили,
Корсаж наверх полез...
Раз десять перешили
И кончили в обрез.
За полчаса до бала
Поставили утюг.
Портниха гладить стала,
Задумалась — и вдруг
На самом видном месте
Спалила кисею.
Мамаша с Машей вместе
Загрызли бы швею,
Да помешал папаша.

Пришлось перешивать.
В слезах упала Маша
На нянину кровать.
Но вот пошли. Ненила
Китайским фонарем
Им впереди светила,
А сверху их мочило
Безвыходно дождем...
Скользя по мокрым доскам,
Раздражена и зла,
Мамаша «недоноском»
Папашу назвала.
Папаша, тоже хмурый,
Вскипел и — сам не свой —
Мамашу назвал «дурой»,
А Машу «пустельгой».
У самого собора
В сердцах попали в грязь.
У Маши очень скоро
Калоша залилась.
О, туфли белой кожи!
Увы, сквозной чулок!
На что они похожи —
Весь блеск и шик размок!
Мамаша завопила:
«Ах, Маша, ангел мой,
Ты ноги промочила!»
И верная Ненила
Свела всех трех домой.

<1910>

34. ПЕСНЯ

У моей подружки Кати
Пианино на прокате,
У моей подружки Фени
Лисья шуба из Тюмени...

Плохо мне жилось весну
Без милóва друга!
Что ни вечер — то взгрустну,
Ночь реву белугой.

Как одной мне выйти в сад,
Ах, без кавалера!
Это очень, говорят,
Скверная манера.

То ли дело, например,
Если ходит рядом
Черноусый кавалер
С деловитым взглядом.

Удивляется народ,
Сзади нас шагая,
Шепот, ропот, гул идет:
«Кто она такая?»

Я всё лето прождала
На скамейке сквера,
Только осенью нашла
Сердцу кавалера.

И теперь пускай у Кати
Пианино на прокате,
И пускай себе у Фени
Лисья шуба из Тюмени.

<1910>

35. СЕМЕЙСТВО

Жили-были
В театре «Стиле»
Две сестрички,
Певички.
Одна была постарше —
Танцевала разные марши,
Другая получше —
Танцевала качучи,
И обе вместе пленяли толпу
Ки-ка-пу.
Была у них маменька с тальмой,
С черным старинным током,
Нарумянена свекольным соком...

Каждый вечер под пальмой,
В фойе в уголочке,
Она сидела, болтала
С продавщицей цветов
И до трех часов
Поджидала —
Скоро ли кончат дочки.
А дочки сидели в зале
С лысыми и с брюнетами,
Угощались конфетами,
Икру жевали,
Мочили губы в бокале,
А в три часа уезжали.
Судите сами —
Одни или с гостями?
Так жили-были
В театре «Стиле»
Две певички,
Сестрички.
Одна была Марья Степанна,
Другая Фанни Иванна,
А маменька была старая дева
Шмулевич Ева.

<1910>

36. ДА ИЛИ НЕТ

Тетка моя Варвара
Выпивала полсамовара,
А дядя Увар —
Самовар.
Пили они, как утки,
Круглые сутки,
Зимою и летом,
И были умны при этом.
А знакомый мне критик,
Знаток всех пиитик,
Писал так много
Об исканиях бога,
О символизме,
Об эмпиризме,

Об Андрееве и вечности,
О Брюсове и бесконечности,
О мифотворчестве Ницше,
Чем больше, тем прытче,
Был признан всем светом —
И был глуп при этом.
Отчего одни глупее,
А другие умнее?
Я тоже пью много чаю
И статьи иногда помещаю
По разным газетам,
Но умен или глуп при этом —
Ей-ей, не знаю.
Из этих двух положений
В течение года
Искал я исхода,
Пока не встретился с Женей,
Не терпевшей никаких положений
И возражений.
Она мне всё объяснила
Так просто и мило. . .
Сперва меня обласкала,
А потом сказала:
«Ты меня любишь, Петя,
Значит, ты самый умный на свете,
А если б ты не любил меня —
Ты был бы глупее любого пня».
И я вполне согласен с Женей
В разрешении моих сомнений.

<1910>

37. БАЗАР

Весна Москвой играет,
То ласкова, то зла,
Целует и ласкает,
Голубит купола.
И радостные льются
Из полной сулеи,

Рокочут и смеются
Весенние ручьи.
Вон там, внизу, у моста,
Там, вдоль Москвы-реки,
Что летняя береста
Белеются ларьки.
Базар! Какой, не знаю,
Но мне родной и свой,
От краю и до краю
Запруженный толпой.
Узорными цветами
Пестрят, горят платки,
Снуют над головами
Проворные лотки.
Остатки льда и снегу
Раскисли от ходьбы,
Вон привезли телегу,
А в ней одни грибы.
Всё время без запинки,
Влюбленный в свой же крик,
«Сарпинки! Эй, сарпинки!» —
Орет седой мужик.
Держа в руках подолы,
Толпятся стаи баб,
Их дух весной веселой
И похотлив, и слаб.
Вот, весел, пьян и молод,
Идет-бредет туляк,
Бумажный розан вколот
В его рябой армяк.
«Эй! барышни-каساتки,
Ужель я нехорош?
Поставлю без оглядки
Ребром последний грош!»
Блестят на солнце зубы
У девушек и баб:
Им смех и удаль любви, —
Любая обняла б.
Шумит, кричит, стрекочет,
Гудит, цветет базар,
Поет и лясы точит,
И пьяный вьет угар.

А солнце, голубь ясный,
Голубит с высоты
И этот рокот красный,
И крыши, и кресты.

<1911>

38. ПАСХАЛЬНЫЕ КАРУСЕЛИ

Солнце колетя сегодня,
Колокольни высоки,
А в колоколах свободней
Вьются, бьются языки.
Не уйти, везде догонит
Красный, страстный перезвон,
Щеку тронет и утонет
В синеве, где небосклон.
Всюду разлит трепет ясный,
Далеко ушла зима,
Лица радостны и красны,
Подрумьянились дома...

.
Только я душою блеклой
Нынче мрачен и угрюм. . .
Вон, в воротах с толстой Феклой
Похристосовался кум.
Смачно чмокают их губы,
Насчитал я до шести,
Отчего бы, почему бы
К ним и мне не подойти?
Нет, не в силах, слишком стыдно;
Скажут: я сошел с ума.
Как обидно, как завидно —
Я не кум и не кума!
Эх, пойду на карусели!
Что сидеть, глядеть в окно?
Нету дела, нету цели,
Ну так что же? Всё равно! . .

.
Спины радостно толпятся,
Жмут бока и давят грудь.

Ни за что не протолкаться
Как-нибудь к чему-нибудь.
Вон, в зелененьком платочке,
Бродит баба, дня ясней,
Я за ней, и в уголочке
Похристосовался с ней.
Опоила приворотом,
На качели с ней полез.
Ну, как хлопнемся? Чего там!
Всё равно! Христос воскрес!
Вся тоска моя пропала,
Растеклась в сияньи дня,
Замотало, закачало,
Затрезвонило меня.
Всё равно! Валяй, Емеля!
Закусил я удила.
Больше, больше в душу хмеля
Лейте вы, колокола.
Шире грудь открою песням,
Размахнитесь до небес.
Всё равно! Умрем — воскреснем!
Всё равно! Христос воскрес!

<1911>

39. ТАПЕР

В Румынском оркестре
Появился в этом семестре
Новый тапер.
Одетый в род казакина,
Как и все остальные,
Он был похож на румына
Так же, как я на Венеру.
Светел был взор
Больших не в меру
Северных глаз,
А кудри его завитые
Были похожи цветом
На белый квас.
Но при всем этом
Он был воспитан на Григе,

На Глюке, на Бахе,
И только — жертва интриги
Одной девицы из Риги —
Оставшись в одной рубахе,
Бросил упорствовать
И начал таперствовать.
О, как далеки
Были ему кэк-уоки!
Он немец был очень гордый
И, стиснув зубы до боли,
Брал поневоле
Ненавистные сердцу аккорды,
До-диезы и ми-бемоли.
Зато он, бывало, в антрактах
Отдыхал на любимых тактах
И играл затейно,
С манерой почти Рубинштейна,
Родимые сердцу напевы,
Вроде «Молитвы девы».
А барышни за столиками
С подкладными в прическах роликами,
Кушали,
Слушали,
Пивными стаканами звякали
И ужасно плакали.

<1911>

40. МЩЕНИЕ

БАЛЛАДА

Жили два клоуна, Тобби и Том,
Жили, ходили всю жизнь колесом.
Том выдувал кэк-уок на метле,
Тобби крутился волчком на столе.
Том был серьезен, трезв и женат,
Тобби был ветрен и выпивке рад.
Том и за делом был груб и угрюм,
Мрачно одетый в лиловый костюм.
Тобби, весь в желтом, с веселой душой,
Портил арену своей головой.

Оба, в расцвете приехавши к нам,
Были любимцами ветреных дам.
От неизвестных, но милых персон
Много им писем носил почтальюн.
Том, не читая, их комкал и рвал,
Шел и жену горячо целовал.
Тобби, напротив, большой дон-жуан,
Прятал все письма в жилетный карман.
Жили б и жили б Тобби и Том,
Жили б, ходили всю жизнь колесом —
Да дернуло Тобби в обществе дам
Про друга, про Тома обмолвиться: хам!
С помощью милых, влюбленных персон
Том был сейчас же о всем извещен.
Он две недели думал, как быть,
В среду, на третьей, решил отомстить.
В доску, где Тобби вертелся волчком,
Маленький гвоздик он вбил молотком.
Тобби двадцатого в десять часов
Череп себе провертел до мозгов.
Сорок три дамы рыдали по нем...
Так отомстил добродетельный Том.

<1911>

41. ЛИХАЧ

Обложен пухлой ватой,
Дороден что калач,
Иван Петров Щербатый
Типичный был лихач.
Носил он для огласки
Фасонные часы
И, не жалея краски,
Нафабривал усы.
Надув насосом шины,
Довольством упоен,
С шестого половины
На биржу ехал он.
Живя с девицей Дуней,
Он был порою мил

И даже муфтой куньей
Ей сердце ублажил.
Но просто с господами
Он был наглец большой.
Подкупленный рублями,
Молчал городской.
Бывало, за простого
Его иной сочтет, —
Не вымолвит ни слова,
Лишь взглядом обругнет.
И так-то стыдно станет
Иному, что он вмиг,
Как камень в воду, канет,
Поднявши воротник.
А, стиснут пухлой ватой,
Скривив в усмешку рот,
Иван Петров Щербатый
На козлах прикорнет.
И, простака приструня,
Он будет спать, пока
Захороводит Дуня
С деньгами седока.
А выгодную сделку
Пошлет им щедрый рок —
Махнут тогда на Стрелку
Он, Дуня и седок.
А утром (в мыле сбруя)
Уж путь держа домой,
Он Дуню, зло ревнуя,
Ругает — сам не свой. . .

<1911>

42. ДВОЙНИК

Я шел по этой стороне,
А ты по той;
И ты слегка кивнула мне
Задорной головой.
Цвели весенние лучи —
Небесные цветки,

И были лужи горячи
И широки.
Их позабыла здесь зима,
И в них, как в зеркала,
Гляделись кровли и дома,
И купола.
Надвинув крышу набекрень,
И наш гляделся дом,
А наша улица весь день
Горела серебром.
Дороги не было; была
Везде одна вода.
Ты шла на музыку, мила,
Как и всегда.
Твое кичливое эспри
Слегка торчало вбок,
Румянил первый луч зари
Округлость щек.
Ты шла, а в луже вдруг возник,
Украва твои черты,
И шел с тобою твой двойник —
Другая ты.
И так вы шли к ступне ступня —
Два странных близнеца. . .
Прошли, взглянули на меня,
На тень крыльца. . .
И мимо окон и домов —
Всё тех же тут и там —
Пошли, вверяя стук шагов
Гнилым мосткам.
Но страшно было видеть мне
Тебя вниз головой. . .
Я шел по этой стороне,
А ты по той.

<1911>

43. ПАСХА В ТОМСКЕ

Солнце красное хохочет —
Радо завтрашней весне.
Каждый колокол хлопчет,

Каждый колокол лопочет

В золоченой вышине:

Ух, метели

Улетели!

Не скупись, Весна,

Расцветай, ясна,

Растопи снега,

Переполни берега:

Тут, там,

Тут, там

Прокатись по лесам

Зеленым клубочком,

Медом смажь по цветам,

По дебатым почкам.

Певчих птичек-

Невеличек

Разбуди, пришли

Из-за тридевяты земли,

Чтобы были,

Не забыли,

К нам.

У ворот на красной лавке

Три красавицы сидят.

На груди у них булавки

Бирюзовые горят.

Пальцы в кольцах, алы губки,

Щечки стиснуты платком.

Накрахмаленные юбки

Так и дыбятся горбом.

Не спеша, что толку в спешке, —

Нынче праздник, божий день, —

Им кедровые орешки

Шелкать, чмокая, не лень.

Там, за площадью, за Томью,

Где синееется тайга,

Манят к воле и бездомью

Запоздалые снега.

И тоска проснулася в дамах:

Что ж такого, что с утра

Ходят мимо все в азиях

Новых парни, кучера?

Скажет кто: «Христос воскресе», —

Похристосуются с ним
И опять на дальнем лесе
Станут взором голубым.
Не понять им, что такое —
Им и больно, и легко. . .
Голубь-солнце золотое
Высоко так, высоко. . .
Дам лучи его щекочут,
Жгут и колют — не со зла. . .
И хлопочут, и лопочут
Вдалеке колокола.

<1911>

44. МИРНОЕ ЖИТИЕ

Софья Иванна и Марья Семенна,
Две старые девы, жили бонтонно.
Папаша одной был статский советник,
Папаша другой был банкрот-каретник.

Умерли оба, оставивши в год
Каждой рублей по пятьсот, по шестьсот.
В мебелирашке под вывеской «Рим»
Случай довел познакомиться им.

Они познакомились, потом подружились
И рядышком в двух номерках поселились.
Марья Семенна кофий варила,
А Софья Иванна к обедне ходила.

У каждой предметом любви и забот
Был собственный, холеный, ласковый кот.
Кот Васька был черен, хотя белоус,
Кот Мурка общипан, блудлив и кургуз.

Жили все четверо, хоть часом недужно,
Три четверти года и тихо и дружно.
Ссорились только весной неуклонно
Софья Иванна и Марья Семенна.

Причиной их ссор, суеты, хрипоты
Были, конечно, любимцы коты.
И Мурка и Васька, учуявши март,
Тотчас впадали в драчливый азарт.

С мордой в крови, но свирепый, что турка,
К Марье Семенне являлся кот Мурка.
К Софье Иванне, мяукая глухо,
Являлся кот Васька без левого уха.

Боже мой, сколько ругательных слов
Кричалось по адресу рваных котов!
Каждая, зла на чужого кота,
Злостью и желчью была налита.

К вечеру, вдрызг разругавшись, подруги
Кошек лечили, ворча на досуге.
И восемь недель при встречах сурово
Не говорили друг с другом ни слова.

Но... приближался Троицын день,
Всюду в садах расцветала сирень,
И, покупая березки, опять
Они начинали друг с другом болтать.

Снова, забыв о разлучниках мартах,
Вместе гадали подруги на картах.
Секретно мечтали о сладостном браке, —
А кошки готовились к будущей драке.

<1911>.

45. ЖАРА

Солнце палит, солнце пышет,
Разморило небосклон.
На трубе, у самой крыши,
Тянет песню Филимон.

Стену дома кистью мажет
И поет, поет, поет...

Что поет, никто не скажет
И никто не разберет.

Красят капли яркой краски
Запыленный известняк:
Глазки, лапки, лапки, глазки —
Пестрый фэй, а не плитняк.

На ступеньке, у парадной,
Чьи-то кошки мирно спят,
Где-то слышен визг трехрядной
И «халат, халат, халат!».

Тяжело от нудной пыли,
Ест глаза противный жар;
Хоть бы дворники полили
И меня, как тротуар.

Хоть бы злое солнце село
Поскорее за дома
И измученное тело
Обвила ночная тьма.

Нет, не сходит с небосклона!
Нет пощады! Душит зной.
Только песня Филимона
Знай висит над головой.

Целый день он кистью мажет,
И поет, поет, поет. . .
Что поет — никто не скажет
И никто не разберет.

<1911>

46. ОШИБКА

Когда я с ней заговорил,
Она стояла на площадке,
Сжимая поручни перил
Рукой в коричневой перчатке.

Кичилось солнце неспроста
На ярко-синем небосклоне —
Была такая духота!
И места не было в вагоне.

Я вышел. Отогнув поля
Уже поношенной панамы
И взор надеждой окрыля,
Уставился на шляпку дамы.

О, шляпка милая! Как ты
Напоминаешь шляпку Жени,
Как много редкой красоты
В твоём простом муслинделене!

И чёрный капюшон манто
С двумя бубенчиками... Боже!
Пускай манто совсем не то —
Но как оно на то похоже!

А этот милый гибкий стан!
(Она спиной ко мне стояла)...
Восторгом томным обуян,
Я стал похожим на нахала.

И мудрено ли, что рукой
Коснулся милой мне перчатки:
«О Женечка, какой судьбой
Ты здесь, со мною, на площадке?»

И вдруг на ласковый привет
Услышал ухом сиротливым
Такой обыденный ответ:
«Мужчина, угостите пивом!»

<1911>

47. ПО ГРИБЫ

Солнце сбрызнуло росой
Кочки да канавки.
Ой, не мни ногой босой
Заревые травки.

Подвязала черень кос
Желтеньким платочком
И бежишь через покос
По неверным кочкам.
Только ступишь в мягкий мох,
Змейкой защекочет —
Ключ студеной кожу ног
Тонкую промочит.
Дух захватит, через край
Расцветешь улыбкой,
Точно милый невзначай
Обнял стан твой гибкий.
Путь далек еще, далек,
Да грибы-то белы.
Давит новый кузовок
Локоть загорелый.
Добежала до леска,
Отдохнуть присела,
Больно белая рука
С ноши онемела.
Наколола ноги ей
Жесткая атава. . .
Пляшут птички меж ветвей,
Им заря — забава.
Растиликался щегол,
Залилась синица,
И забыла про накол,
Задремав, девица,
Прикорнула у ствола
И, ей-ей, украдкой
До полудня проспала
Сладко, сладко, сладко.

<1911>

48. «НЕ ФОРСИ, ФОРСУН ПАРШИВЫЙ»

В сентябре росой студеной
Умывается заря.
Нет поры душе влюбленной,
Бабьим летом умиленной,
Розовее сентября.

На поляне; между елок,
Рыжик пыжится поднять
Тяготу гнилых иголок,
Гнет их тяжек, гнет их колок,
Солнца бедному не знать.

А под елками лихие
Мужики-боровики
Прячут шапки дорогие.
О, затворники седые,
Им-то солнце не с руки!

Ну, а взбалмошный обабок
У березки золотой,
Бодр и весел, шапка набок,
Даром что немножко зябок,
В солнце лезет головой.

«Мы-ста вместе с солнцем красным
Поживем да поцветем!
Только жаль, в одном беда с ним —
Не дружит оно с ненастным,
Добрым, ласковым дождем.

А уж мы бы показали!
Только некому казать,
Все, как есть, поужжали —
Видно, глупые, не знали,
Что настанет благодать.

Да и тоже — ходят, бродят,
Палкой тычут, мнут бока...
Половины не находят,
Только даром тень наводят
Да валяют дурака.

Нет, уж я привык, и знаю:
Коли вижу сапоги,
Я себя не унимаю,
Темной шапки не скрываю
От подобной пустельги».

Но упиться негой речи
Не пришлось ему до дна,
Протянулись издалече
Чьи-то руки, чьи-то плечи
И... сорвали хвастуна.

<1911>

49. СЛОБОДА

В слободе, под обрывом,
В домике маленьком
Живет старушонка.
Домиков много...
И везде по завалинкам,
По вечерам сиротливым,
Приютившись убого
У господ бога,
Сидят старушонки,
Сиры да тонки.
И моя тоже сидела,
Сидела, на прохожих глядела.
Идет по улице курица —
Грязь помесит, помесит,
Голову свесит,
Прищурится,
Клювом-то хлопнет,
Ножкой-то топнет,
И пойдет-побежит,
Хвостом вертит.
Сидит старушонка,
Покачивается —
Ко сну клонит.
В теплый платок заворачивается,
Нет-нет да и уронит
Голову набок —
Род-то старушечий зябок.
А сторонкой,
Без проволочки,
К старухиной дочке
Пробирается милóй,
Милóй — удалой...

На нем красная рубаха,
Штаны писаны змиём:
«Выходи скорей, Натаха,
Не с пустым карманом ждем!
Жамочки да семечки,
Пряники, стручочки, —
Лущи, коли времечко,
Целуй меня в щечки
И в темечко...»

<1911>

50. МАЛЬЧОНКА

Засунув сливу в грязный рот,
Задумался мальчонка,
Сидит на тумбе у ворот
И смотрит. Бьется звонко
О мостовую сталь подков.
Шагают чьи-то ноги.
Но мой мальчонка не таков, —
Он общей чужд тревоги.
Зачем, куда ему спешить,
Когда закат так зноен?
Он, правда, знает слово «жить»,
Но он за жизнь спокоен.
Наклянчив за день кое-как
Двугривенный с копейкой,
Купил пять слив он на пятак
И карамельки клейкой.
Сидит и ест, и очень рад,
Что бегают трамваи,
Что ярок праздничный закат,
Совсем как будто в мае.
Что, из дому удрав с утра,
От мамоньки он скрылся, —
Там, верно, харкает сестра,
А тятка уж напился.
Сейчас он, верно, мамку бьет, —
Ругается и лупит,
Потом раскаянье придет,
И тятка взор потупит,

И будет долго умолять,
Чтоб мамонька простила. . .
Куда же лучше здесь мечтать
О том, что сердцу мило.
Сидеть и карамельки есть,
А сливы-то как сладки!
Иль подбежать и лихо сесть
На чьи-нибудь запятки.
Вон едет пара. . . Ну, беги,
Да вскакивай с опаской, —
И мой мальчонка в три ноги
Пустился за коляской.

<1911>

51. У РАННЕЙ

Чуть зеленеют фонари
Перед рассветом недалеким,
Уж забрались пономари
На колокольни и глубоким
Призывным звоном потрясли
Тумана призрачные струи,
И к «ранней» мирно потекли
Федосьи и Перепетуи.
Идут в салопах и платках
И всё-то жмутся к серым стенкам,
Не доверяя (силен страх!)
Своим расслабленным коленкам.
И вот у Спаса на Сенной
Сошлись и между двух поклонов
Соседке шепчут, что с женой
Намедни дрался Родионов,
Что корюшка теперь в цене
И ряпушка подорожала,
Что видел кто-то на луне
Дерущегося генерала,
Что быть, наверное, войне,
Затем что луку стало мало,
Что для каких-то похорон
Три пуда с лишком елки взято. . .

.

Горят лампы у икон
Так ласково, тепло и свято.
А ладана приветный дым
Так синь и в куполе глубоком
Так сладко слился со святым
Всевидящим Великим Оком,
Что даже этот шепот баб
Казался мне нездешним раем
И был бы милым мне — когда б
Таким я не был шалопаем.

<1911>

52. ЧЕСТЬ

Служа в охране
Уже лет десять,
Свои замашки
И привычки
Давно успел уравновесить
Иван Петров.
Подле часов
Всегда в кармашке
Носил он спички,
Медаль в петличке,
И в Новом банке
Имел он свой вклад —
Сто пятьдесят.
Мужчина в соку,
Под тридцать лет,
Вставал он чуть свет
И до поздней ночи
Был начеку.
За всеми следил,
За всеми ходил
Походкой тяжелой,
Подняв воротник. . .
Короче —
Наблюдал за крамолой,
Как честный шпик.
Была у него любовница,
Мелкая чиновница,

Угощала его по воскресеньям
Пирогами
С грибами.
Сравнивала себя с грациями
И завязывала банки с вареньем
Прокламациями.
Любил он ее лет пять,
И жизнь его была благодать.
Но вдруг всё вокруг изменилось.
Распустились цветочки акаций,
И чиновница весною влюбилась.
Нет уже прокламаций
На банках с вареньем,
Явились с новой любовью
Пироги с морковью,
А на сладкое бомбы.
И, обиженный сим охлаждением,
Лишился совсем апломба
Мой Иван Петров.
И хмур, и суров,
Ходит он, опустив воротник,
И судьбу ругает аллигатором,
Ведь обидно: он — честный шпик,
А она связалась с провокатором.
И, с горя о чувстве столь чистом,
Стал мой шпик октябристом.

<1911>

53. ТЕАТР

Три господина смотрели на сцену.
Были они во фраках,
При шапокляках.
Один господин
Потом собирался в «Вену», —
Можно быть уверенным,
Что был он присяжным поверенным.
Второй был со средствами,
И его судьба
Загоняла к Кюба.

Третий был с наследствами
И потому, для тону,
Собирался к Донону.
У всех них блестяли лысины,
Точно поддонники,
И все они были актрисины
Поклонники.
Вот что-то трижды упало,
Означая начало,
И вдруг по рядам,
Мимо черных фраков,
Мимо бледно одетых дам,
Словно связка цветов и злаков,
Потянулись доктора и паяцы,
Полишнели, Кассандры, Пьеро,
И, одетые так пестро,
Точно матрацы,
В разные тряпки и шкурки, —
Негры, кавалеры и турки.
А сзади, ведя Арлекина,
Шла Коломбина.
Вот ударили томно смычки,
И все старички,
Уроды и турки,
Словно играя в жмурки,
Обступили, обещая,
Окружили, зазывая,
Задарили, изнывая,
Коломбину,
Но та ушла к Арлекину.
И промолвил один
Господин
Умильно:
«Ах, как это стильно!»
И промолвил второй:
«Они своей игрой
Мне напомнить сумели
Боттичелли».
И промолвил третий:
«Это совсем Тинторетти!»
И вдруг мне стало так скучно,
Что пропал весь мой пыл,

И я беззвучно
Ушел и забыл
Подойти к ним с левой руки
И сказать, что они дураки.

<1911>

54. КОНСЕРВАТОРКА

За стеной консерваторка
Целый день всё гаммы воет.
Не уйти от этих криков
Ни за что!
От ее стараний лютых
Ах! . . не только уши вянут —
Вянут розы, даже розы
В кувшине.
А портрет моей любимой
В рамке красного сафьяна
Покосился, просит, молит:
«Помоги!»
Смотрит солнце, шурит солнце
В запотевшее окошко
Взор свой длинный, бледный, зимний. . .
Я один!
О любимая, не бойся!
Пусть от гамм консерваторки
Вянут уши, вянут розы, —
Но тебя
Я спасу от этой пытки:
Твой портрет в сафьянной раме
Я лицом к любимой стенке
Поверну.
И, покончив с этим делом,
Успокоюсь и промолвлю:
«Пусть кричит теперь, — мне, право,
Всё равно!»

<1911>

1

ПАША И КАРМЕН

Вывел много крепких стен мой Паша,
 Не боится злых измен мой Паша.
 Триста сорок юных жен, добрый муж,
 Заключил в отрядный плен мой Паша.
 Много денег и камней у него,
 Не боится крупных цен мой Паша.
 Всё же ноша томных ласк тяжела
 Для твоих худых рамен, мой Паша!
 Ты приехал к нам любить, ты сидишь
 На коленях у Кармен, мой Паша,
 Но, смотри, ты весь огонь, а она
 Громко шепчет: «Старый хрен, мой Паша».

<1910>.

2

ФИЛОСОФ И РАБЫНЯ

Пленил меня не темный плод
 Отцветшей в первый раз маслины,
 В пирах покою не дает
 Мне темный профиль Евфрозины.
 Пусть в Эфиопии она
 Рабыней-варваркой родилась,
 Пусть утомленная волна
 Моих волос посеребрилась,
 Но разве меди с серебром
 Не льет ваятель в общий слиток?
 Но разве смесь воды с вином
 Не благороднейший напиток?

13 мая 1909

БАНДИТ И ДВЕ ГИШПАНКИ
ВАСНЯ

Один Бандит,
 Свиреп на вид,
 В душе ж белей белянок,
 Увидел двух гишпанок.
 Любовью пламенной согрет,
 Он тотчас вынул пистолет
 И в упоеньи лютот
 Приветствовал их пробочным салютом.
 Но, увидав такой прием,
 Гишпанки, повернув кругом,
 «Убийца!» — закричали
 И тотчас убежали.
 Мораль сей басни такова:
 Познай, что всякая стрельба
 Страшна для девы робкой,
 Хотя б стрелял ты пробкой.

<1912>

ВАНЬКА-КЛЮШНИК И ЕГИПТЯНКА

Ванька ты Ванька,
 Ванька ты Ключник!
 Что ты, Ванька, один стоишь,
 Один стоишь, на пупок глядишь?
 Надевал бы ты, Ванька, синь кафтан,
 Надевал бы ты, Ванька, лазоревый,
 Шел бы ты, Ванька, невесту брать.
 Уж у нас ли теи принцессы заморские,
 Уж у нас ли теи девки шемаханские,
 Уж у нас ли королевны эфиопские,
 Уж у нас ли те табашницы испанские,
 Уж у нас ли рыбка голосистая,
 Уж у нас ли дочка Окиян-моря.
 «Ай спасибо, милые, на добром словце,
 Ай спасибо, милые, на просватаньи,
 Не прогневайтесь, милые, на ослушаньи.

Уж коли на то пошло невесту брать,
Выберу себе невесту по сердцу,
По тому ли сердцу Ванькину,
По тому ли сердцу молодецкому.
Мне не надо тех принцесс заморских,
Мне не надо девок шемаханских,
Мне не надо королевен эфиопских,
Мне не надо табашниц испанских,
Мне не надо рыбок голосистых,
Мне не надо дочек Окиян-моря
И всех прочих, которые показаны, —
А вы дайте-ка мне тую смугляночку,
Тую ли смугляночку — египтяночку».

<1912>

59—62. КОМНАТА

1

ЛАМПА

Лишь только вечер начался,
Стою я на столе,
Огонь и щуря, и кося
В невымытом стекле.

Широкополый абажур
Мне более к лицу, —
Иначе свет мой слишком хмур
Вечернему чтецу.

Стою и буду век стоять,
Стою, как повелось,
Но как мне скучно освещать
Всегда одну и ту же прядь
Седеющих волос.

<1912>

2
КИТАЙСКИЙ БОЛВАНЧИК

На камине, на карнизе,
Я стою, пуглив и дик,
И фарфоровой маркизе
Всё кажу, кажу язык.

Голова моя качается, качается, качается,
И язык фарфоровый извивается.

Став в насмешливую позу,
От меня невядалеке
Стережет маркиза розу
В нарумяненной руке.
Только день пробить спокойным,
Головою не качать —
И маркиза сердцем знойным
Будет мне принадлежать.

Голова моя качается, качается, качается,
И язык фарфоровый извивается.

О хозяева, тираны,
Сжальтесь, сжальтесь надо мной!
Не касайтесь свежей раны
Легкомысленной рукой!
Я смешон своей маркизе!
О маркиза, не кляни,
Каждый день в слепом капризе
Кок мой дергают они!

Голова моя качается, качается, качается,
И язык фарфоровый извивается.

<1911>

ПОРТРЕТ КРАСАВИЦЫ ТЕТКИ

Мне не очень нравится
На дагерротипе:
Я была красавица,
А теперь вся в сыпи.

Мухами засижена,
Точно в оспе черной,
Я живу, обижена
Жизнию упорной.

Но увы, из плюшевой
Рамки нет исхода.
Знай сиди выслушивай
Колкости урода.

А урод — племянница —
Тетку ненавидит,
Всё-то к рамке тянется —
Снимет и обидит.

Застрекочет колкою
Речью стрекоза,
Выколет иголкою
В пятый раз глаза.

Разольется хохотом,
Радостью спесивой:
«Что, старушка, плохо там,
В рамке, быть красивой?»

Долго ль ей забавиться?
Чем я виновата,
Что была красавица,
А она горбата?

<1912>

ОБОЙНЫЙ ЦВЕТОЧЕК

Я, розовый цветочек
Дешевеньких обоев,
Живу на фоне почек
И листиков левкоев.
Чертой крутой на славу
Мой контур обрисован,
Как будто я в оправу,
Что редкий шерл, закован.
О, я ревнив, люблю я,
Чтоб на меня смотрели,
И, если взгляд, минуя,
К иной стремится цели,
Я, как огонь, краснею
И, чувствуя измену,
Назло, назло злодею
Бельмом ложусь на стену.
Тогда уж не посмеют
Изменчивые взоры
Смотреть, как тихо тлеют
Закатных туч узоры,
Как ласковы, как сини
Глаза любимой Тони,
Как много тонких линий
На ласковой ладони.
Не дам ему упиться
Ни лаской, ни любовью,
А будет спать ложиться —
Приникну к изголовью.
В мозгу зажгусь пожаром,
В одно все мысли скучу
И тягостным кошмаром
Бессонного измучу.
Пока, вконец измаян,
Измучен в злом застенке,
Не оборвет хозяин
Меня с родимой стенки.

<1912>

63. ВДОВА

Сыпется, сыпется ласковый пух
С темного неба к лучам фонарей.
Снегом покрыт серебристый лопух
Шляпки твоей.

Кутая горло пушистым боа,
Давишь ты ласковый снег каблуком.
Знаю тебя: ты одна, ты вдова —
Но я не знаком.

Знаю, уверен, в квартире твоей
Много открыток, «Журнал для всех»,
Веер японский и, чуть поправей,
Штуковский «Грех».

Мебель в цветочках и пуговках вся,
Розовый в рюшках кривой абажур,
Лампочку держит, глаза скося,
Коротконогий амур.

Знаю, уверен, ты любишь страдать
По вечерам, надевая капот.
Горько страдая, ты будешь сжимать
Чувственный рот.

Памяти мужа ты очень верна,
Плачешь ты долго и много по нем,
Если, конечно, ты не одна,
А вдвоем.

Ты на меня посмотрела вчера,
Смотришь сегодня, но я не таков.
Мне не нужна, непонятна игра
Серых зрачков.

Не потому, чтобы синий капот
Мне не понравился, не потому
Что Штук и открытки, — я их без хлопот
Со стенки сниму.

Быть может, назло неучливой судьбе
Я был бы с тобой познакомиться рад,
Но я, ей-богу, не нужен тебе —
Ведь я женат.

<1912>

64. ПОЧИТАТЕЛЬ ОСНОВ

Молодой человек
Приятной наружности,
С зубами
Невероятной жемчужности,
С губами
Немыслимой алости,
В отличном смокинге,
С розой в петличке, —
Был достоин жалости,
Ибо он, не только
Не имевший дурной привычки,
Но даже понятия
О шокинге,
И имевший занятия
В учреждении весьма благородном
И модном,
Был пьян настолько,
Что шел и покачивался
И всем озадачивался.
Кто-то в Государственной Думе
(Должно быть, кадет,
А может, и нет)
В общем гаме и шуме
Обидел его начальство,
И он, не терпевший бахвальства
И непочтения,
Был, без сомнения,
Этим очень задет.
Шел он по Мойке.
Светало. . .
Приятно для взоров
Алели постройки,
Много моторов
Мимо него проезжало,
На моторах девицы. . .
У моторов яркие спицы. . .
И вот, замечтавшись
О министре юстиции,
Он загляделся на спицы и
Споткнулся —

И растяннулся.
Но, не показав и виду,
Что ушибся, поднявшись,
Громко и быстро
Крикнул он: «Я не дам в обиду
Моего министра!»

Так и не дал...

<1912>

65. ИДИЛЛИЯ

Околоточный Ива́нов злым домой
Из участка полицейского вернулся.
Хлопнул дверью, двинул пса ногой,
А на вой собачий и не обернулся.
Прямиком прошел Иванов в кабинет
И фальшиво не свистел он «Периколу» —
Нынче времени на «Периколу» нет,
Нынче он идет излавливать крамолу.
Приставом своим назначен нынче он
В лекционный зал на реферат дежурить,
И ему придется прения сторон
Олегалить, оскопить и цензурить.
Ну, а как цензурить, если Ива́нов
(Иль Ива́нов, это, в общем, безразлично)
Не знавал значенья иностранных слов,
Кроме слов «шикарно» или «симпатично»?
И решил Ива́нов бедный почитать
Хоть немножко перед лекцией по книжкам —
После обыска на Курской, сорок пять,
У него брошюр имеется с излишком.
Вынул книжку, начал разбирать — куда!
Ничего не понял и позвал сынишку,
И сынишка-гимназист не без труда
Начал объяснять ему лихую книжку.
Через час взопрел и младший Иванов:
«Нет, папаша, будет! Я вам приготовлю
Список нецензурных иностранных слов,
С этим списком и ступайте вы на ловлю».

Так и сделали. Сынишка написал
Сорок с лишком измов, уций, аций,
Бибель, Каутский, и Бокль, и «Капитал» —
Все сюда попали, даже сам Гораций.
Только Маркса околоточный изъял,
Вычеркнув из списка и испортив строчку:
Карла Маркса знал он, ибо получал
«Ниву» с приложеньями семь лет в рассрочку.

<1912>

66

Я люблю и пою про весну, про весну;
Я тону и иду в глубину, в синеву.
Пусть иду я ко дну, но люблю я одну,
Ту, мою — лишь засну, не мою — наяву.

Увлекай, уверяй, расцветай, милый май,
Милый облик не мой, и она не моя!
Лишь во сне я весной, лишь во сне край мой —
рай,
Лишь во сне вижу я поцелуев роя!

Я люблю и пою про весну, про весну;
Я тону и иду в глубину, в синеву.
Пусть иду я ко дну, но люблю я одну,
Ту, мою — лишь засну, не мою — наяву.

<1912>;

67—69. ТРИ ГАЗЕЛЛЫ

1

Не ходи, мой друг, к соседке, не ходи,
В час условленный к беседке не ходи.
Путь любви опасен юным, путь любви
Без потерь проходит редкий, не ходи.
Пусть быстры любовью ноги, пусть быстры
Взгляды глаз твоих и метки, не ходи.

Пусть вы с ней клянетесь оба, пусть вы с ней
В днях любовных однолетки, не ходи.
Ждет обман тебя в любви, тот обман
Испытали наши предки, не ходи!
Вместо ласк тебя обманут, вместо ласк
Ты услышишь возглас едкий: «Не ходи».
Ты идешь? Ты мне не веришь? Ты идешь?
Что сказать мне напоследки? — *Не ходи!*

2

Зреют нивы знойным солнцем,
Спеют сливы знойным солнцем,
В тишине прибрежных склонов
Грезят ивы знойным солнцем.
Всё согрето, всё — от розы
До крапивы — знойным солнцем.
В мире людям всё подвластно,
Люди живы знойным солнцем.
Я же... Пусть забыт я буду,
Несчастливый, знойным солнцем, —
Мне у милой вечно светят
Кос извивы знойным солнцем!
С ними сам я скоро стану,
Сиротливый, знойным солнцем!

3

Месяц на небе потух поутру,
За горой кричит петух поутру,
В берестяную дуду по овец
Загудел вдали пастух поутру.
Загудел и перестал, и опять
Задремал лентяй лопух поутру.
Я проснусь и посмотрю вокруг тебя:
Нет ли мошек, нет ли мух поутру,
Не целуют ли они без меня
Милых губ чуть зримый пух поутру...
Но боюсь — не промолчу, разбужу —
Ревновать не надо вслух поутру!

<1912>

70. НА КОЛОКОЛЬНЕ ИВАНА ВЕЛИКОГО

...Сначала сторож предлагал нам виды
Москвы, Кремля и Воробьевых гор
И взял двугривенный не без обиды,
Потом открыл заржавленный запор
И показал на лестницу. Пахнула
Сырая мгла, но мы, наперекор
Стихам, шли вперед. Вот потонула
Спина Ре-ми, и белое кашне
Его последний раз мне подмигнуло.

Идем, идем! Чем ближе к вышине,
Тем раздается гулче звон ступеней,
И ближе придвигается ко мне
Калоша спутника. Я восхождений,
Подобных этому, не совершал,
И ужас чувствую я в каждой вене.

Но вот вдали луч света замерцал, —
Из раковины лестницы мы вышли
На верхний ярус. Боже мой, как мал
Внизу какой-то дом! Вон пара в дышле,
Как два мышонка! Вон автомобиль —
Коробки спичечной не более. . . Не спишь ли
Ты, легкомысленный поэт? Твои ль
Глаза всё это въявь, всерьез узнали?
Себя спросил я сам. Но этот стиль
Восторженной, лирической печали
Мне быстро надоел, и я вперил
Свой взор в весенние, святые дали.

Так я стоял у каменных перил,
Воздвигнутых Борисом Годуновым,
И ангельских, казалось, шорох крыл
Ловил и трепетно внимал их зовам.
И был так счастлив духом, так высок,
Как сам Иван Великий. Но к оковам
Земли меня вернул коварный рок.
Мне что-то на нос капнуло. Сначала
Мне это что-то было невдомек,
Но через миг мне всё уж ясно стало,

И, отвлеченный милым голубком,
С высокого упал я пьедестала.

И стал внимательней. О господи, в каком
Я месте? Всюду, всюду, всюду, всюду,
Куда ни глянь, ножом и угольком,
И шпилькой, и уж чем, решать не буду,
Написаны обрывки слов и фраз.
Семен Петров здесь обнимал Гертруду.
Был Август Шмидт и Фиников Тарас,
Здесь апельсины ела Евдокия,
А Кока с Маней пили белый квас
И про любовь шептались. О, какие
Рисунки здесь! И сердце и стрела,
И ножка чья-то, и тела нагие!..

Меня досада углем обожгла...
Я поглядел на профиль незнакомкин,
Взял карандаш и написал со зла:
«Такого-то числа здесь был Потемкин».

<1912>

71—72. <ИЗ ЦИКЛА
«ПАРИЖСКИЕ ЗЕРКАЛА»>

1

И я сидел в кафе, и я смотрел на вас,
Деревья чахлые заплеванных бульваров,
И больно резали мой непривычный глаз
Огни приветные всю ночь открытых баров.

И видел я шелка павлино-пестрых дам,
И груди белые парадно-черных фраков.
Я взглядом шел своим за ними по следам,
Но взгляд ответный их у всех был одинаков.

В нем не было любви, в нем не было стыда,
Была у всех одна зеркальная улыбка,
И, улыбнувшись мне, шли так же господа,
Как госпожи их, вызубренно-гибко.

Их гибкости такой учили зеркала.
И совесть зеркалом они сменить сумели,
Повесивши зеркал повсюду, без числа...
И на меня они, как в зеркало, глядели.

<1913>

2

Зеркала, зеркала, зеркала,
Зеркала без конца и числа!
Зеркала вместо рам и картин,
Зеркала вместо клумб и куртин,
Зеркала облепили собой
Стены вместо привычных обоев...
В зеркалах утопает Париж!
Зеркала вместо окон и ниш,
Зеркала — потолки и полы,
Двери, стулья, прилавки, столы!
Я сижу и курю в зеркалах,
Я — в углу, я повсюду в углах.
Я, бесчисленный, пью и курю
И с собою самим говорю.
И когда предзакатная тишь
Луч румяный уронит в Париж,
Луч, подхваченный сонмом зеркал,
Разольется, как огненный вал.
Зеркала, как цветы, расцветут
И румянами солнца зажгут
И румянами солнца зажгут
Дам седых, легкомысленных дев.
И, зеркальные маски надев,
Понесут они в темный бульвар
Отошедшего солнца пожар.

<1913>

78. ДУНЯША

Ты горничной графини
Проводишь дни свои,
Тебе не слышны ныне
Родные соловьи.

Ты ходишь в кофте модной,
В причёске городской,
Такою благородной,
Господскою такой.
Ты знаешь все повадки
Субреток записных,
Хоть свет твоей лампадки
Благоговейно тих.
Уж ты краснеть умеешь
Не только от стыда,
Хоть молишься, говеешь
И плачешь иногда.
Сказав: «Их нету дома»,
Ты будто ждешь щипка —
Тебе уже знакома
Нахальная рука.
И, с дворником Иваном
Болтая вечерком,
Не прочь ты дернуть станом
И кокетнуть бедром.
Уж ты постигла кройку
И можешь снять фасон,
И вяльцевскую «Тройку»
Поешь под граммофон...
И всё-таки, Дуняша,
Весною иногда,
Когда светлей и краше
Вечерняя звезда,
Ты, верно, у окошка
Стоишь и смотришь вдаль...
Дуняша, ведь немножко
Тебе деревни жаль?
Деревни, где не надо
Ужимок городских,
Где сонно бродит стадо
И дымный вечер тих?

<1913>

74. МОЛЧАЛЬНИКИ

Иван Пахомыч — старший дворник,
Иван Ильич — торговец-шорник.
Иван Пахомыч двадцать лет
Ивану Ильичу сосед.
Ворота дома рядом с шорной,
И только вечер благотворный
Свой сумрак нежный разольет,
Иван Пахомыч у ворот
Ивана Ильича зовет.
Иван Ильич закроет лавку,
Посвищет встрепанную шавку
И, внемля зову, вместе с псом,
Идет к приятелю шажком.
На лавочке, в воротной нише,
Сидят все трое, ночи тише.
Иван Пахомыч из татар,
Иван Ильич и сед, и стар,
А пес некормлен и поджар.
За воротами в темной арке
Сцепились, встретившись, кухарки,
И младший дворник, круглолиц
И боек, — веселит девиц.
Девицы-горничные громко
Визжат, и ржет довольный Фомка.
Иван Ильич не прокряхтит,
Иван Пахомович молчит,
У ног их пес, свернувшись, спит.
Извозчик с седоком подкатит,
Сдаст сдачи, чмокнет, перехватит
Рукой привычную вожжу,
На небо взглянет: «быть дождю»,
И, голову уткнув в колени,
Заснет от скуки и от лени.
Иван Ильич не прокряхтит,
Иван Пахомович молчит,
У ног их пес, свернувшись, спит.
Часу в десятом оба встанут,
Прощаясь, медленно протянут
Друг другу руки и потом
Пойдут, зевая полным ртом.

И оба думают в постели:
«А славно нонче посидели».
Иван Пахомыч из татар,
Иван Ильич и сед, и стар,
А пес некормлен и поджар.

<1913>.

75. КОМЕТА

Вчера над Парижем сияла комета.
Была она мутно-зеленого цвета.
Был хвост ее дерзкий колюч и упрям,
И нес он сиянье далеким морям.
Она озаряла и доли и пашни,
Комета — прожектор на царственной башне,
Дразнила и город она и луну,
То вниз устремляясь, то вновь в вышину.
И город померкнувший ждал терпеливо
Лучей ее острых бесшумного взрыва
И, нежно-покорный в мятежные дни,
Свои погасил перед нею огни.
В тени его зданий неслышно тонули
Всю ночь ожидавшие света патрули.
И только сверкали, и то не всегда,
У легких машин серебром обода.
И было так тихо, так ласково-тихо, —
Привычная стала забытой шумиха,
Кафе обезлюдилась горькая тьма,
И тупо дремали слепые дома.
На узкой скамейке у церкви Сюльпис,
Где ветви деревьев послушно сплелись,
Сидела, одна возле древних колонн,
Печальная дева веселых времен.
Зрачки ее глаз напряженно глядели,
Холодные пальцы забыто висели,
Казалось бессмысленным жить и ходить,
И так нестерпимо хотелось курить.
И вдруг точно острое быстрое жало,
Вонзаясь куда-то, в ночи прожужжало,
И вспыхнул цветком набегающий гром,
И рухнул на деву разрушенный дом.

Застыла комета, увидев кого-то.
И хлопнули гулко бичи пулемета,
По крышам запрыгали градины пуль,
И быстро промчался куда-то патруль...
И капля по капле толпа притекала,
По темным проулкам седого квартала,
И стала смотреть, как ее увезли,
Ее, заплатившую счета земли.
И снова всё стихло, и только комета
Искала у черного неба ответа,
И слала на звезды свой светлый поток,
Да ухнул на Сене моторный гудок.

<1914>

Валентин Иванович Иванов, выступавший в печати под псевдонимом Горянский, родился в 1888 году в городе Луге близ Петербурга. Он рано остался без отца и воспитывался матерью, которая с огромным трудом дала образование сыну, окончившему учительскую школу.

Первые стихи Горянского были опубликованы в 1906 году в петербургской газете «Слово» («Я о солнце пою, я о правде пою...», «Памяти Некрасова», «Оглянитесь, ночь на исходе, друзья...», «Зимняя песня» и другие). Молодой поэт выступил в них как поборник свободы. Даже в 1907 году, когда страна покрылась столыпинскими виселицами, Горянский упорно твердит: «Я вновь счастливый! Я терпеливо готов грядущей битвы ждать».

Однако вскоре оптимизм Горянского сменяется мотивами примирения. Он пытается подвести «философскую» базу под проповедь «малых дел» и «сереньких людей», жить без высоких требований и довольствоваться малым. Счастье, по его мнению, не в безграничном познании, а в незнании («У каждой глуби дно...», «Злоба Солнца» и другие). Соприкосновение с реальной жизнью будто бы подрезает полет фантазии писателя, заставляет его спуститься на землю, коснуться ее «крылом».

«Крылом по земле» — таково название первого сборника стихотворений Горянского, вышедшего в 1915 году. В нем две центральные темы — города и деревни, взаимосвязанные, противостоящие друг другу, и один основной конфликт: поэтической мечты и уродливой, отталкивающей действительности. Причем город для поэта — убогая реальность, а мир природы — прекрасная мечта («Поэт», «Сентиментальная поэма», «Маленькая повесть» и дру-

гие). Городская улица в его изображении — это символ обездоленности, нищеты и горя. Он рисует картины нужды, описывает быт городских задворков и предместий («Цветы на камне», «На дворе», «Дом печали»).

Светлые тона преобладают у Горянского преимущественно в стихотворениях, посвященных деревне. Идеализируя патриархальный уклад жизни, поэт обходит стороной мрачные явления крестьянского быта: тяжесть земледельческого труда, нещадную эксплуатацию бедняков и т. д. В его стихах деревня выглядит неизменно праздничной и нарядной.

Для творчества Горянского того времени вообще характерен повышенный интерес к русской старине, фольклорным истокам поэзии, легендам и частушкам. В его стихах подчас точно воспроизведены особенности народного говора: он пользуется диалектизмами, народными оборотами речи, стилизует игровые, хоровольные и любовные песни («Машенька», «Девичья», «Клевер», «Своеправная»).

С 1913 года поэт стал сотрудником «Сатирикона», где выступил под маской наивного провинциала («В глуши», «Симметрия», «За книгой», «Тоня-изменница»). Горянский рисовал перед читателем сонный, затхлый мирок провинциальной жизни с ее несложными заботами и малыми «событиями».

Перейдя в 1913 году в «Новый Сатирикон» на правах ведущего сотрудника стихотворного отдела, Горянский сохранил свою сатирическую маску. В 1915 году он собрал сатириконские произведения этого рода в книге «Мои дураки», которая имела характерный подзаголовок: «Лиро-сатиры».

Раскрывая убожество и пошлость уединившегося в своем домашнем уюте обывателя, Горянский в чем-то существенном склонен был сам впадать в идеализацию этого примитивного, провинциального мирка. В стихотворениях более позднего времени («Единственный выход», «Хулиган Василий и я», «Город зеленых крыш») сатира уступает место лирическим самопризнаниям.

С 1914 года в творчество Горянского входит тема войны. В отношении к ней у него наметились точки соприкосновения с ранним Маяковским. Примечательно, что поэма Маяковского «Война и мир» была напечатана одновременно со стихотворением Горянского на ту же тему — «Извещение о том, что было» — в горьковском журнале «Летопись», занимавшем последовательную антивоенную позицию.

О Февральской революции Горянский написал восторженную оду; Октябрьскую — встретил враждебно. В «Новом Сатириконе»

он прославлял всепрощение, призывал «бросить мечи» и перестать «бряцать оружием». Колорит этих произведений мрачен.

В 1920 году Горянский уехал за границу. Поселившись в Париже, он стал сотрудничать в белоэмигрантских газетах. В цикле «Рассеянные прогулки» (1930) Горянский собрал лирические миниатюры о Париже: это зарисовки с натуры, беглые наброски типов парижской улицы.

Последняя страница биографии Горянского позорна: в годы второй мировой войны он сотрудничал в Париже с немецко-фашистскими оккупантами и, забытый всеми, умер в 1944 году.

76. ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ

Жена крестиком вышивает козленка...
Сегодня лампа не коптит, а горит ясно...
Где-то комар поет убедительно-тонко,
И поет совершенно напрасно...

Ход вещей ему не изменить безусловно...
Мы поужинали и напились чаю.
От колбасы и сыру не осталось ничего ровно,
Нечего пожевать, и я скучаю...

На стене портрет тетки-старухи.
Подле портрета клопиные гнезда,
А на небе, словно его загадили мухи,
Роятся зеленые звезды...

И гудит тишина в ушах моих звонко,
Я томлюсь в одуряющем сплине...
Жена! бросай вышивать своего козленка
Да не забудь иглы на перине...

<1913>

77. БУДЬТЕ СДЕРЖАННЫ!

Петр Иванович получил телеграмму...
От волнения не доел зеленого супа,
Облил соусом свою даму,
Поведение его очень глупо...

В. И. Горянский

ДОМОВОЙ.

Сказка Валентина Горянского.

Иллюстрации А. Радакова.

1.

Солнышко ходит высоко-высоко,

И вдруг запѣлъ жалобнымъ звономъ
Колоколь на древней часовнѣ...
Вышло дѣло неладно,

Получив телеграмму, он страшно гордится,
Словно не телеграмму получил, а Станислава...
Так важничать с приятелем не годится —
Недаром идет о нем дурная слава...

Вот если я получу телеграмму случайно
(Я не получал их еще ни разу),
Я буду вежлив и обходителен чрезвычайно
И заговорю о чем-нибудь постороннем сразу...

Даже виду не покажу, что мне приятно...
Каждый поступок ведь надо смерить и взвесить,
А когда все уйдут, то вполне понятно,
Что телеграмму я прочту раз десять...

<1913>

78. СИММЕТРИЯ

Я только что приехал с женой моей
Из маленького города Луги...
Комната в месяц — шестнадцать рублей,
Семнадцатый рубль — для прислуги...

Кучу открыток жена привезла,
Развешивает их на стенке...
Мери с дороги немного зла,
Я тоже не в своей тарелке...

Быть может, и мелочь, но я возмущен...
Даже браниться готов неприлично!
Симметрия для Мери моей — закон!..
Как моя Мери неэстетична!..

Две налево, две направо,
В середине веерок,
Вертикально — «Балаклава»,
Ниже — «Тихий уголок»...

Три направо, три налево,
В середине ровно две,

И ерошу я от гнева
Волосы на голове...

Хочется крикнуть: симметрию теперь
Пора уже сдать в макулатуру,
Смелый беспорядок — вот что, поверь,
Изобличает художественную натуру...

Смелый беспорядок, живописный хаос —
Вот что ласкает взоры эстета.
Но, конечно, я слова даже не произнес,
Да и к чему было бы всё это...

Увы, Мери моя далеко не мечта...
Но из нее не сделать уже иную,
Лучше из ридикюля, пока она занята,
Стащу рубль и... удеру в пивную.

<1913>

79. СВОБОДОМЫСЛЯЩИЙ

Я еще не встречал такой замечательной книги!..
Автор доказывает речью смелой и бурной,
Что цепи Гименея суть безобразные вериги,
Которых не должен признавать человек культурный.

Что прежде всего свобода, а брак — темница чувства,
Что разнообразия в любви природа требует властно,
Я читал и думал: ах, искусство, искусство!..
Как справедливо ты и как беспристрастно...

Вот и я всегда горничную Пелагею
Сменяю женой, жену — Катей Петровой...
Этим я предвосхищаю авторскую идею
И являюсь, так сказать, пророком жизни новой.

Той жизни, когда вся пошлость современного мещанства
Отойдет в область наивного преданья,
Когда получит полное право гражданства
То, что теперь приносит одни страданья...

Но чу!.. Сюда идет жена моя Нина...
Бедовая!.. С ней нужно быть поосторожнее.
Спрячу скорей книгу за пианино,
А то еще прочтет, упаси меня боже.

<1913>

80. МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

Жили дружно Марья Иванна
И сын Володя — мальчик с кудрями...
И было скучно, и было странно
Жить в черном городе, подобном яме.
Жить в доме каменном, где окон много,
Таких одиноких и любопытных,
Ходить по улицам, где путь их строго
Очерчен гранями панелей плитных.
Мечтать о радости невозможной,
О поле в бороздах весенней вспашки,
О песне ласточки придорожной,
О большом букете белой ромашки.
.
.
Вечерами, когда темнело
И фонарей зажигалась рампа,
Марья Иванна кончала дело,
Освещала комнату скромная лампа.
После чаю грустные сказки
Марья Иванна сыну читала...
Слушал Володя, закрывши глаза,
О том, как радости на свете мало...
Той и другому была понятна
Их жизни тихой печаль, дремота.
Самовар песню тянул невнятно,
В нем кто-то маленький хотел чего-то...
И так проходили дни за днями...
Далекое прошлое стало туманно...
Вырос Володя, мальчик с кудрями,
Уже седая Марья Иванна...
Вырос Володя, стал умный, ученый...
Марье Иванне работать не надо,
Летом живут в домике с крышей зеленой,

Среди большого тенистого сада...
Хорошо живет Марья Иванна, уютно,
Вяжет, гуляет, возится на огороде,
Но только чувствует ее сердце смутно,
Что нет у нее больше сына Володи...
Кончились заботы и нужды,
Хороши зори ее закаты,
Да мысли Володины ей стали чужды,
И книги Володины ей теперь непонятны.
Плачет и вспоминает Марья Иванна
Сына Володю — мальчика с кудрями,
И время, когда скучно было и странно
Жить в черном городе, подобном яме...

<1913>

81. ПАМЯТИ ФОМЫ ОПИСКИНА

Если бы он был уравновешен,
Если бы Опискин Фома жить умел,
Тогда бы варенье из вишен или черешен
Он с булкой очень осторожно ел.

Часто я говорил ему: «Ну послушай!
Разве от косточек ты станешь сыт?
Заклинаю тебя, выплевывай их, не кушай,
Еще, чего доброго, схватишь аппендицит...»

А он при всех обругается черным словом:
«Не зли, — скажет, бывало, — такой-сякой, октябрист...»
Самый ядовитый был в «Сатириконе Новом»,
Но душою был светел и, как незабудка, чист...

Увы! засорил-таки он кишку слепую.
Вот тебе и «октябрист», вот тебе «не зли»!..
Отправили его лечиться к папе крестному в Шую,
Но умер в Архангельске, даже до Ташкента не довезли.

Спи, Фома!.. Милое существо и родное,
Мехом скунсовым пусть будет земля тебе.
Да!.. Действительно, есть что-то роковое,
Братья-писатели, в нашей горькой судьбе...

<1913>

82. ПАРАНЬКА ЩЕРБАТАЯ

СКАЗКА

Ползет на самые прясла,
Горбится снеговая дорога.
В звездочке зеленой выгорело всё масло —
Полетела просить его у бога.
«Дай, скажет, господи, маслица, а то обидно,
Чем я у тебя не лампадка?»
А на земле и от месяца видно, —
Гляди хошь на три версты, где гладко...
Весело на супрядках у Дорони,
Луцат семечки, едят карамель «гадалку»,
Жарит Васька питерский на гармони,
А у Дуньки на смех сломали прялку.
Так и бегают по клапанам пальцы,
Ничего, что хозяин пьяный,
Девкам любо, завидуют мálьцы,
Быть Ваське битому, а гармони — рваной...
То кадрили, то часты напевки, —
Не угомонятся, поди, до свету.
Есть по кавалеру у каждой девки,
Только у Параньки Щербатой нету...
Думает Паранька горькую думу, —
Что не отлито про нее колечко,
Взяла тайком зеркальце и без шуму
На морозно-звонкое вышла крылечко.
Искрился на ступенях иней,
Стекло в окне, как рушник узорный,
Один бок у избы совсем синий,
А другой, словно уголь, черный.
Светлый месяц глядит на Параню,
На изгороди алмазные горят пылинки,
По загуменьям пошла Щербатая в баню,
Запахнув концы теплой шалинки.
Не встретиться бы только с нечистым,
Намедни пугнул, говорят, Петину Марью,
Вот и баня... пахнет березовым листом,
Сырым деревом да теплой гарью...
На печи, на полу голубые пятна.
Навела на месяц зеркало Паранька,
Смотрит да шепчет заговоры невнятно:

«Суженый-ряженный, добрый молодец—глянь-ка!»
Жутко было кругом и глухо,
А на полке сидел сам хозяин Банный,
Почесывал себе то спину, то брюхо
И ел угольки ложкою деревянной.
Жаль нечистому Парашу стало:
Щербатая, лядашая, а за всеми туда же.
Знает, что без красоты толку мало,
И думает: ан быть, — я тебе, дурочке, уважу.
Обернулся красивым барином-студентом,
Подошел к Параше — и самому занятно,
Провел рукой по розовым лентам
И в щеку поцеловал ее, — таково приятно!
Заяц путал следы подле стогу,
Зачиналась белая выюга,
Как нашла Щербатая домой дорогу,
Как не умерла от счастья и перепуга...

.....
Хорошо теперь Параньке живется:
Не сегодня-завтра — придет желанный.
Работает за двоих, поет, смеется
И не знает, что пожалел ее — Банный.

<1914>

83. ИМПРОВИЗАЦИЯ

П. И. Исакову

О летнем зное, о раскаленном камне,
Об улице в скалах, и живописной и тесной,
Петр Иванович вчера играл мне,
Играл на гитаре своей чудесной.

И слышал я моря нежные всплески,
И видел я неба блеск нездешний,
У черного турка в пунцовой феске
Покупал на пристани персики и черешни.

В светлом экстазе импровизации
Звуками Петр Иванович рисовал картины.

Ходил я по городу среди акаций,
Опутанный солнечной золотой паутиной.

Заходил в кофейни, где татары и греки
Дробь рассыпают гортанной речи,
Пил кофе черный и ел чебуреки
На шумной площади из походной печи. . .

Остановливался у витрины блестящего магазина,
Где развешаны раковин и кораллов нити,
Слушал вечерами призыв муэдзина:
«На молитву, на молитву, правоверные,
выходите!»

Среди гуляющих на Приморском бульваре
Бродил я тихо при лунном свете,
Горело море в голубом пожаре,
В воздухе трепетали голубые сети. . .

После знойного дня вечерние росы
Поили воздух прохладой чистой,
Уходил я через слободку, где гуляют матросы,
На синюю дорогу, на путь кремнистый. . .

Трещали цикады в траве колючей,
Издали скрип мажары доносился резкий,
Месяц укрывался лиловой тучей,
Падала тень на монастырь Херсонесский.

И сидел я один на теплом камне,
С думой о вечном, о судьбе неизвестной. . .

Всё это Петр Иванович вчера играл мне —
Играл на гитаре своей чудесной.

<1914>

84. ТОНЯ-ИЗМЕННИЦА

Тоня вышла за виолончелиста,
Презирает теперь мою гитару семиструнную.
«Я, — говорит, — как жена артиста,
Серьезную музыку люблю и умную;

Я, — говорит, — люблю Баха и Грига,
А не романсы какие-нибудь грязные.
Мир звуков для меня — раскрытая книга.
И вообще мы с тобой люди разные.

Каждый сверчок знай свой шесток, —
Согласись, что это верно сказано.
Ты беден просто потому, что — недалеко,
А Володей для меня в сто рублей пальто
заказано.

Мы не связаны с тобой давно ничем,
Пусть разговор этот будет окончательным,
Мой Володя станет вторым Вержбиловичем —
Ты ж так и пропадешь незамечательным...

Я горжусь, — говорит, — что сделалась его
подругой,
Скоро возьмут в филармонию,
Вот только осилит контрапункты с фугой
И проштудирует слегка гармонию...»

«Ишь ты, — думал я, на Тоню глядя, —
Какие все они теперь проворные», —
И, гитару семиструнную наладя,
Распевал на окошке «Очи черные»...

«Да, — говаривал я, — не угнаться, видно,
Нам, провинциалам, за столичными»,
И до того-то было мне обидно,
Что даже с женщинами гулял неприличными.

И вот однажды, играя в вист,
Я услышал, затаивши скорбь безбурную,
Что сменил карьеру виолончелист
Артистическую на мануфактурную...

Коммиссионерствует по части лент
Для компании кинематографической,
Не с аршина наживает, а, как интеллигент,
По системе работает метрической...

Кровь-то всё-таки свое взяла
(Хоть два раза окрести, а скажется).
Против Тони я не имею зла,
Но, сознаюсь, рад немного, кажется.

Меньше будет в Тоне огня,
Перестанет говорить со мной тоном проповедника,
Так как фуражка казначейская моя
Не хуже шляпы кинемо-посредника.

Плачет Тонечка теперь, и пусть,
Разве я-то — не плакал за гитарою?

.
Только в сердце шевелится тревога-грусть,
А вдруг пойдет Володя дорогой старою?..

<1914>

85. СЕРЕНАДА

На крестах поумирали
Вечерней зари осколки,
Девушки, не пора ли
В стену воткнуть иголки?
Отдохнуть рукам от ножниц надо,
Ногам от машины швейной, —
Мы купили вам шоколада
На углу в лавочке бакалейной.
Уже прохожие редки,
Улицы темнее и краше;
Надевайте ваши жакетки,
Берите зонтики ваши,
Мы пойдем по набережной канала,
Радуюсь воле минутной. . .
На пристани народу мало,
Шумит пароход уютный,
Шустрый мальчик у турникета —
Ленты на шляпе, как пара змеек.
Звучит голос, точно серебряная монета:
«К Летнему саду пять копеек!»
И захочется нам уюта,
И поедем мы по черным водам. . .

Будет шкипер кричать кому-то:
«Стоп!.. вперед!.. и... полным ходом!..»
Будут вздрагивать отраженья
Белых огней прибрежных,
Будут ваши движенья
Полны намеков нежных...
Надевайте же скорей перчатки,
Бросайте работу на полки,
Летние ночи кратки, —
А завтра опять за иголки!..

<1914>

86. ПОЛИТИК

Я, знаете ли, ужасный пессимист;
В светлые горизонты мне не верится...
Вот вчера, например, один журналист
В передовице своей на что-то надеется.

«Так или иначе, говорит, а приплывем
К лукоморью, к разливу широкому,
Где заря горит алым огнем,
Где грани легли всему беспрокому.

Не потечет, говорит, река вспять,
Клянусь левой ногой Конфуция,
Через три года, или много через пять,
Будет у нас правильная конституция».

А вот я не верю ни в солнечный восход,
Ни в реформы всякие, ни в облегчения, —
Знаю я, что есть пароход,
На котором можно ехать против течения!

Петров ли, Иванов ли на корме сидят, —
Одна будет команда строевая:
Нос вперед, ход назад!..

Эх, жизнь наша пассажирская, убогая...

<1914>

87. ДЕЛОВОЙ

Жить на свете вовсе не так уж дурно. . .
Пусть директор наш Иван Иванович немного строг
И гнев свой выражает довольно бурно —
Так ведь на то он в департаменте и бог.

Разве не он к исходящим и входящим
Должен подпись свою каждый раз приложить?
А наше дело — властям предрежающим
Угождать и потихоньку себе служить. . .

Ну и угождаем, ну и служим понемногу. . .
Вот хоть взять меня, в каких-нибудь десять лет,
А пробил уже хорошую себе дорогу,
Так как во мне теперешнего нахальства нет.

Нет во мне этого самого нахальства.
Каждый одно только и должен знать:
Надобно обожать начальство
И в чистоте духовной жизнь свою содержать.

Соблазну вокруг, что называется, — масса,
Глядишь и. . . запутался в какую-нибудь цепкую нить,
А разве у нас не бывает такого часа,
Когда мы сами строгость должны проявить?

Раз купил я как-то к чаю печенья,
А в коробке бисквитов сломанных штуки три!
Чье же, как не укладчицы здесь нерадение?
Ну, — я думаю, — теперь, милочка, смотри.

Наш бы Иван Иванович прямо помер,
Если бы неряшеству такому свидетелем был;
Я и послал на фабрику укладчицын номер,
Не то шестой, не то седьмой, — сейчас забыл. . .

Вот и была, должно быть, ей проборка. . .
Так и нужно, я очень даже рад,
Ибо к делу должна относиться зорко
И по заслугам, конечно, ожидать наград.

<1914>

88. СКАЗКА О ДОМОВОМ

1

Солнышко ходит высоко-высоко,
В Сенькином болоте воды — ни капли,
Подсеклась зеленая трава осока,
Сбилась ворохом грязной пакли,
Вянет лист на березе старой,
Высохли в раковинах улитки —
Хоть выноси на улицу квашню с опарой
На горячем песке печь калитки.¹
В жарком небе ни глуби, ни сини,
Ни облачного белого пуха. . .
Ходят коровы по самой трясине,
И ни одна не увязнет — сухо.
Лиловая сосна смолой вспотела,
В глазах мелькают желтые пятна,
Ребята на реку то и дело
Да с реки бегают обратно.
Прячутся мужики в подполье,
Ищут бабы да девки прохлады,
Только одним оводам раздолье
И кузнечикам-трескунам — те рады! . .
Сизым туманом даль одета,
Духота по ночам безросым,
Ахти, какое бедовое лето —
Ахти, дела не будет косам. . .
Встала было крестьянская работа,
Остаться бы мужикам без хлеба,
Да к Илье стадо баранов кто-то
Выгнал на чистое небо.
Вытащил к ночи кремь и огниво,
Чиркает за лесом, ворчит сердито, —
Зашумела радостно звонкая нива,
Рожь с овсом, да ячмень, да жито. . .
Овце в хлеву, в лесу серому волку,
Кулику на болоте — всем дождь отрада. . .
Шел дядя Яким по проселку,
Думал, что дождя гораз надо. . .

¹ Деревенские лепешки с картофелем.

Стрела-молонья в лицо пахнула,
По шву золотому небеса распорола,
Задрожала земля от гула,
Как мельница во время помола...
Свернул дядя Яким прогоном...
Вот колодезь, вот Федькины старые дровни,
И вдруг запел жалобным звоном
Колокол на древней часовне...
Вышло дело не ладно,
Пришла беда к Якимову дому:
Красный петух прилетел и жадно
Клюет на крыше яровую солому,
Вцепился в смоляные стропила,
Пошли гулять перетрески.
Баба Якимиха завопила,
С ней золовки ее и невестки...
Не унять проклятую птицу,
Больно уж она торовата, —
Только и вытащили что божницу,
Хомут, самовар да три ухвата...
И коня со двора, и нетель-буренку
Не успели вывести, значит.
Отошел дядя Яким в сторонку
Да вместе с бабами в голос плачет.
Сгорела изба, словно свечка...
Остались черепья одни и скобки,
Да с трубой черная печка,
Да горшок в печи из-под похлебки...
Полил дождь... Последняя головня погасла, —
Ни скотины у Якима, ни крова...
Только — глядь! — у суседского прясла
И конь стоит, и нетель-корова...
Тут же разного скарбу кучи,
И подушки, и дочерняя полька,¹
Даже Якимовы холсты-онуци —
Дивья, да и только!..
И топорыше, и ломаные стаместки,
И порожний штоф казенный,
И самовар Сашки, невестки,
Из Питера летось привезенный...

¹ Короткое пальто.

А курица как сидела —
Так и сидит в кузове на яйцах.
Выходит бабье дело:
Дивись да гадай на пальцах. . .
А первое, что конь и нетель —
Сокровище землеробье. . .
И какой такой благодетель
Мужику оказал способе? . .
А вышло то больно просто,
Только хитро на сметку человечью!
Почитай, что уж лет со сто
Жил домовый в Якимовой избе за печью. . .
Он-то и старался во время пожару,
Он-то и хлопотал, болезный;
Вот бы ему лаптишек пару,
А то напоролся ногой на гвоздь железный. . .
Вот бы зипун ему, да подольше, —
Не спалил бы сивой шерсти на брюхе,
Вот бы картуз ему, да побольше, —
Не было бы неладно в ухе. . .
Сбыл домовый горя-беды наполовину,
Повязал красной тряпкой ногу
И, хромая, убежал к овину —
Отдышаться и подумать немного. . .

2

Якиму по соседям несподручно
С семьей на ночлег проситься,
Домовому в овине скучно,
По ночам кривоногому не спится. . .
У всех-то мужиков избы
С дымком, приятным нюху,
Сидел бы теперь да грыз бы
Аржаного хлеба краюху. . .
Стал строиться Яким внове. . .
Спорко строят, словно стог мечут,
Даже Сашка питерская свекрови —
Ни-ни! — ни в чем не перечит. . .
Дело идет, слава тебе, боже, —
К осени пужно сбыть заботу,
И домовый старается тоже:

Чуть люди спать, а он за работу...
Поскорей угнездиться хочет...
Самому-то себе враг ли?
То топор или долота точит,
То выбирает кострику из пакли...
Встряхивает бородой кудельной,
Подтягивает поближе бревна,
Одно слово — дельный!
Работает — мужик ровно...
И строится Яким, и в поле,
И в огороде выхаживает овощ,
И думает: «Господь мне, что ли,
Подает свою помощь?
Угодник-то я неважный,
Молитвами-то я не маюсь,
Что ни праздник, то — бражный,
А матерно так завсегда ругаюсь...»
Вот уже и Покровщина близко,
Белый гриб идет третьим слоем,
На березе золотая ризка, —
Стоит, как батюшка перед святым аналоем.
В лесу что день — то обнова...
Вчера зелено — сегодня красно...
У Якима изба, почитай, совсем готова.
Осень теплая, небо ясно.
И задумал Яким с новосельем
Как-нибудь на Покровщину сбиться...
Попраздничать, а допрежь веселья
Избу освятить да помолиться...
Всё обошлось честь честью,
Поблагодарить бы господу не мешало,
Только домовому от этой вести
Больно не по себе стало.
Остаться ему опять без крову,
За теплой печью не угомониться,
Ведь нечистый он, сказать к слову,
И святой водицы боится...

.
.

А по вечерам уже щиплет холод,
А Покров-то уже в субботу,

Мужики заготавливают солод,
Кончают бабы работу.
И вот, только солнце село,
Побежал бедняга домовый к погосту,
Там, недалеко от церкви белой,
Батюшкин дом стоит подле мосту.
Сам батюшка ходит по саду,
Отдыхает, поет: «Достойно есть яко».
Домовой прыг к нему через ограду
На грядку последнего мака. . .
«Прости, — говорит, — батюшка, что к ночи,
Выслушай мои просьбы,
Не гони меня, отче. . .»
А сам думает: «Эх, удалось бы. . .»
«Пусть я, батюшка, гад непрощенный,
Пусть обличье мое не человечесь, —
Только не кропи ты водой священной
В Якимовой избе запечье. . .
Помнишь, на Илью горело?
Не я ли крестьянские пожитки —
Ведь немалое дело —
Спас до последней нитки. . .
Всё бы добро в уголь
Пошло во время пожару;
Оставь же ты мне на прожитье угол,
Буду вести себя по-стару. . .
Коню расчесывать челку,
Всякую живность здоровьем красить,
Ни одной крысы не пущу на полку,
Где Якимиха молоко квасит».
Поглядел батюшка поверх изгороды
На зелень суседских полос,
На сочные озимые всходы
И в тихий промолвил голос:
«Что же, властью божьего иерея
Ключом железным
Не закрою тебе дверей я
К делам добрым и полезным.
Милость господня беспримерна,
Слово божие строго,
И нечисть разная, и всякая скверна
Рано ли, поздно — восхвалит бога. . .

Быть тебе по просьбе слезной,
За добро твое многое простится,
Завтра буду после обедни поздней
У Якима в новой светлице. . .
Помолюсь за грехи человечьи,
Обойду избу с кропилом,
Но оставлю тебе угол в запечье,
Твоему сердцу милом.
Имей же любовь-заботу
О мужике сером и сиром,
Дели с ним крестьянскую работу, —
Ступай себе, домовой, с миром!»

<1914>

89. ЗАПАСНЫЕ

Сеялась нудная мгла,
Шли серединой дороги,
Черная грязь оплыла
В лапти обутые ноги. . .

Медленно улицей шли,
Кланялись каждому дому,
Ветры широко мели,
С крыш обдирая солому. . .

В зареве красном погас
День, не дождавшись заката,
Бабы голóсили враз,
С плачем бежали ребята.

Дед вдоль завалины полз. . .
В бороду, сбитую паклей,
Прятал непрошенных слез
Едкую каплю за каплей.

Вот и последней избы
Угол, повернутый к лесу. . .
Стелется дым из трубы,
Куры плетутся к навесу. . .

Дед, обронив костыли,
Кашлял у житницы древней. . .

Долго уйти не могли,
Земно прощаясь с деревней. . .

Ночь залегла впереди,
Вязли в размытом прогоне, —
Кто-то с тоскою в груди
Плакал на хриплой гармонии. . .

<1914>

90. СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Когда Петровы напьются чаю с вареньем из сливы
И со сдобными баранками из хлебопекарни русской —
Тогда у них начинается чтение «Родины» или «Нивы».
Никогда я не видел семьи более пошлой и узкой

В смысле понимания произведений литературных. . .
Я на чтении у них присутствовал три раза.
Петровы не могут воздержаться от негодований бурных
И восхищений по адресу героев романа и рассказа.

Они то смеются, то конфузливо утирают слезы,
Даже смотреть противно, хотя Петров мне и приятель, —
Но зато я слушаю себе сосредоточенно и, не меняя
позы,

Думаю: что же всем этим хочет сказать писатель?

Фабула для меня неинтересна — мне интересна идея,
А идею надо искать между строчек, как говорится,
И удивительно, до сих пор не нашел нигде я,
Ну положительно нигде, большого смысла, — одна
водица. . .

Да! Эти авторы наивно упускают из виду,
Что всякой чушью только загромождают суть своего
издания.

Ну зачем писать, что такой-то шальной полюбил
такую-то Лиду,

Когда коротко и ясно можно сказать:
Любовь — это страдание! . .

<1914>

91. РАЗЛИВ

Светлый месяц на ущербе
Золотые точит рожки,
Полюбовно верба к вербе
Тянет желтые сережки...

Вышла речка на гладины
Сговоренной, обрученной
И у черной бани льдины
Бьет об угол закопченный.

На полке скучает Банный, —
То и жди, что быть без дому
И рекою плыть туманной
Вместе с баней к водяному...

Лес прозрачное узорье
Вяжет, сам не веря яви.
Вышла девка на пригорье
И бегом сбежала к лаве.

К той ли лавушке сосновой,
С той ли девичьей заботой —
Простирать платок шелкóвый
Перед нáбольшей субботой,

Чтобы завтра на закате,
Только день угомонится,
С куличами в алом платье
На село идти молиться.

Молчаливою и строгой,
С сапогами за плечами,
Непролазною дорогой,
Перемолотой ручьями...

<1915>

92. КРУТЬКИ ¹

*Посвящая В. В. Воинову,
автору «Крутьковской Пасхи»*

Пахнет солью и смолой,
На вставанье солнце ало
Очервоненной иглой
В черном парусе застряло.

Чайки плачут у косы,
Камыши дрожат, упруги,
Сталью матовой росы
Тускло светятся фелюги. . .

Расцветают облака,
То не розы ли, не мак ли?
У Дзогана-рыбака
Подле «дуба» ² ворох пакли.

Пять ночей тому назад
У Дзогана было дело. . .
Черт затеял в море ад,
Море радостно шумело.

Рыбакам была с руки
Песня бешеной низовки,
Да не спали казаки
И казацкие винтовки.

Заповедность черных вод
Старый Дзоган резал снастью,
Но пришел его черед
Посмотреть в глаза несчастью.

Дружно вытянули снасть,
С грузом сладя еле-еле,
Только вдруг казаки — шась!
И кругом шмели запели. . .

¹ Хищники рыболовы в низовьях Дона.

² «Дуб» — рыбацья лодка.

Бой крутькам, что ярый хмель...
«Дуб» отбился, слава богу,
Да один казацкий шмель
Отыскал свою дорогу...

Сына Дзоганова в грудь
Он ужалил ядовито.
Как прошли обратный путь,
Было черной ночью скрыто!..

Спит крутек в земле сырой,
Сердце батьки сжато хмарой,
Но сегодня он с зарей
Вышел «дуб» чинить свой старый...

Запаклюет, засмолит,
И с вторым, последним сыном,
Лишь низовка загудит,
Он помчится по глубинам.

<1915>

93. О ЗДРАВЬИ

У порога в сенях — рогожа,
Дворик маленький весь в траве,
И потому, должно быть, так похоже,
Что я живу не в шумной Москве.

А что я живу в деревне где-то,
И за стенами раскинулись поля-простор,
В городе ведь так редко бывает это —
Уютный, зеленый и веселый двор.

В комнатах — неуклюжие, большие печи,
Покосились переплеты оконных рам,
С колокольни соседней Ивана Предтечи
Будит колокол меня по утрам.

Моя хозяйка, Марья Семенна,
Ворчливый, неугомонный друг,

Шепчет молитвы, зевает сонно
И открывает жизни повседневный круг.

Варит на керосинке ароматный кофе,
Шаркает туфлями взад и вперед
И долго пеняет прислуге Софье,
Зачем та до ночи сидит у ворот...

Солнечный свет падает на половицы,
С которых краска сошла давно,
И бросают тень пролетающие птицы,
И празднично сверкает голубое окно.

А по воскресеньям еще серьезней
Марья Семенна, но она не ворчит теперь.
Она отправляется к обедне поздней
И стучится ко мне в дощатую дверь...

В ее руках белой бумаги четвертушка,
Пишу ей «о здравии» десятки имен,
И рассказывает мне о своих родных старушка,
Кто женат на ком, как живут она или он.

Бегут под пером имен вереницы, —
Чужие люди, но мне знакомы они,
И раскрываются предо мной жизнью страницы
И Марии Семеновны одинокие дни...

Пусть наивно Марья Семенна
Молится о здоровье родни своей,
Я и сам украдкой верю влюбленно
И приписываю в конце имя милой моей.

Ведь узнать об этом никому не придется,
А что же такого, если у царских врат
Имя возлюбленной моей прочтется, —
Может быть, она и вернется ко мне назад...

<1915>

94. НАСТРОЕНИЯ БОГОВ

Когда смеются боги,
Красивыми играя вазами,
Тогда небесные дороги
Ангелы мостят алмазами,
Тогда лиловые фиалки
Под пеньями во мху ласкаются,
И девушкам старые гадалки
Счастливого нагадать стараются.
Алого много света
Зори дают бестучные,
А на чердаке у поэта
Песни выходят самые звучные,
Медведица любит у берлоги
Медвежатами остроглазыми.
Это — когда смеются боги,
Красивыми играя вазами.
Если же богам скучно,
Тогда кругом тоже всё хмурится.
Чье-то свидание разлучно,
Хорошее у кого-то не сбудется.
Гвоздика и ромашка
Падают с травой под косами,
В колее бабочку тяжко
Грязными давит колесами,
Струны рвутся на скрипке,
Песня любимая не вяжется,
У милой в улыбке
Что-то злое кажется,
На ущербе месяц двурогий,
Туманами болота курятся.
Это — когда скучают боги,
Это — когда боги хмурятся.

<1915>

95. МАШЕНЬКА

Столбы точеные да ровные,
Смоляные туги веревки,
Такие качели постановные,
А раскачивать парни ловки.

Под самыми, гляди, черешнями
Мелькают чьи-то ноги.
Весна ручьями вешними
Ощупывает дороги.

На качелях посестра Машенька
Замарала кисейное платье,
А баила ей мамашенька,
Что приедет сегодня сватья.

Ласковая приедет сватьюшка
В телеге двуколой,
Отдаст Машу батюшка
С коровой комолой,

С Васькой — сивым меринком,
С перинам да полушубкам,
С холстом тонким немеряным,
С кофточкам да юбкам. . .

Еще самовар под парами,
Еще полста целковых.
Идет Маша задворами
В замаранных обновах.

Едет, едет сватьюшка.
Занузденные лошаденки круты.
Осердится родимый батюшка
За платья-окруты. . .

Батюшка да мамашенька,
Да бабка, злая старуха, —
Ой, да кабы знала Машенька,
Что у качели не сухо. . .

<1915>

96. ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

По загуменьям березы редки
Да, как черного хлеба горбушка
На белотканой салфетке, —
Не то баня, не то просто избушка.

Занесло снегом проселок,
Серебрится на солнце иней,
В черный лес зимний волок
Убегает ширинкой синей. . .

Лес ощерился, ершится колко,
В белую запутался паутину,
Рубит мужик елку,
Продаст в городе за полтину. . .

Будет елка на рынке,
Среди каменной городской спеси,
Прятать в зеленой косынке
Слезы о родном лесе. . .

И только извозчичья кляча
Подглядит захлестнутым оком,
Как вздрагивает елка, плача,
Как истекает смолистым соком. . .

<1915>

97. ПРИМЕТА

Проводить за околицу вышел,
Кучер свистнул на белых коней,
Я последний привет не расслышал —
Заскрипели полозья саней. . .

И молчали застывшие ели,
И менялись оттенки зари.
Словно красные розы, висели
На тяжелых ветвях снегири. . .

А когда за крутым поворотом
Ты исчезла, — я верить не мог
И стоял, прислонившись к воротам,
У разлучины синих дорог.

Снеговые сверкали полотна,
Убегая в молочную даль;
Я вернулся домой неохотно,
Затаив молодую печаль. . .

Были дни моей радости кратки,
Тосковал я о ласках твоих,
Вдруг увидел на кресле перчатки, —
Ты случайно оставила их. . .

Есть примета: забыла — вернется,
И глядел я сквозь пыльную мглу,
Как вечернее солнце смеется,
Разливаясь на желтом полу. . .

<1915>

98. МОЛИТВА УЛИЦЫ

И. В. Лебедеву

Черное небо хмурится,
Далеко до зари. . .
Молится богу кривая улица,
Загасивши свои фонари.

Тускло плиты панельные
Дробят случайный свет,
Падают с крыши слезы капёльные:
У кого-то чего-то нет.

Улица слезами моется,
В черном небе непроглядная тьма.
Кто же за улицу богу помолится,
Как не она сама?

«Ты прости меня, улицу с переулками,
С фонарями, господи, не осуди,
С воротами, дворами гулками,
С мостовой на моей груди. . .

Ты прости меня, темную и жуткую,
С громадами желтых стен,
С пьяной, грязной проституткою,
Попавшей в каменный плен.

Ты прости меня за ребяток маленьких, —
Жаль их, господи, жалко мне, —

Нет у меня цветочков аленьких,
Бабочек нет у меня к весне.

Ты прости меня с дождем и холодом,
С башнями фабричных труб,
С матерью, истомленной голодом,
Со всеми, кто зол и груб. . .

Улица я, улица проклятая. . .
Тяжело мне горести рожать,
Чем же, господи, виновата я,
Что до поля мне не добежать?

Что бочком-канавкой придорожную
У калитки садовой не прилечь
Там, где сладкую, тревожную
Сердце девичье подслушивает речь. . .»

.

Улица слезами моется,
В вечернем небе непроглядная тьма.
Кто же за улицу богу помолится,
Как не она сама? . .

<1915>

99. ЛАВОЧКА СЛАСТЕЙ

Ефиму Зозуле

В каменном плену всё недужно.
Болит щербатая городская грудь,
Счастья нет, а ведь оно так нужно...
Разве не нужно счастья сколько-нибудь?

Разве сами вы не встречали бедных?
Не слышали вздохов, не видели слез,
Слез людей, затерянных среди победных
Ремней приводных и маховых колес?

Счастья нет у людей, а счастья надо. . .
Я знаю один маленький магазин, —

Много в нем фруктов, печенья и шоколада
Разложил на полках гостеприимный грузин.

Каждый день, после рабочей нуди,
Когда поредет в небе фабричный туман,
Выходят из магазина застенчивые люди,
Маленькие пакеты стыдливо пряча в карман.

В маленьких пакетах завернуты сласти...
В глазах у бедных виноватая лезть...
Эти люди у каменных стен во власти,
Дома украдкой они будут конфеты есть.

Взрослых на свете нет, — все дети...
И для бедняков, попавших в гранитный круг,
Скрыта в шоколаде или сладкой конфете
Прелесть краткая забвенья тяжелых мук.

Вот и сегодня лавочка торговала бойко.
Дело у хозяина идет на лад.
К вечеру, как всегда, опустела стойка,
На которой утром горой лежал шоколад.

Завтра опять вырастет конфет грудя,
Будет потирать руки довольный грузин
Оттого, что много, много обиженного люда
Заходит в его уютный маленький магазин.

Город, город! Мне уродства твои понятны,
Сердце мое сжимается от вечной тоски.
Мы ушли от берега, где невнятно
Сказки рассказывают волны светлой реки.

А здесь, в каменном плену, всё недужно,
Болят щербатая городская грудь,
Счастья нет, но ведь оно людям нужно!
Разве не нужно счастья сколько-нибудь?..

<1915>

100. ВЕСНА

В темном горле водосточных труб
Голоса весенние запели,
Замелькали поцелуи жарких губ
На стенах домов и на панели...

Кто-то плачет, кто-то стонет о былом,
О парче сверкающей хламиды...
Но звенит о камень тяжкий лом,
Черный лед сбивая в пирамиды.

Разметался смех по мостовой!
Заглянул незримо в окна, в двери
И повис над бурю травой
В огороженном решеткой сквере.

На бульварах движется народ,
Воробьи дерутся в шумной свалке,
И мальчишка громко продает
Проходящим женщинам фиалки...

<1915>

101. МАРТ

Тенями улицы перекрещены,
На панели солнечный смех...
Меня волнуют девушки и женщины,
Меня волнует весенний грех.

Желтые стены так ярко светятся,
Над головой синяя мерцает вышь;
Много путей сегодня встретится,
Когда потемнеют откосы крыш.

Сияют на шляпах перья нежные,
Под каждой вуалью свежесть лиц
И отвечающие взоры мятежные,
И улыбки тонких золотых ресниц.

Меня волнуют намеки острые
И преднамеренность случайных встреч,

Манто нарядные и шарфы пестрые,
И ленивые движенья плеч.

Под ногами пылают лужи яркие,
Голуби суетятся, и чирикают воробьи...
Для кого же купил фиалки я?
Кому отдам я лиловые цветы мои?

Меня волнуют девушки и женщины,
Ликует в сердце весенний грех...
С которой из них сегодня мои досуги
скрещены?
Которая же из них прекрасней всех?

Чье же сердце зажгу я пожарами?
С кем я буду и нежен, и груб?..
А весенний смех над тротуарами
Вторит песням водосточных труб...

<1915>

102. МОЙ САТИР

Ради бога, не верьте!..
Лгут и умные и глупые равно,
Если говорят о смерти
Веселого, козлоногого фавна...

Пожалуйста, пожалуйста, не верьте;
Я прошу вас очень — не надо!..
Посудите сами: разве боятся смерти
Сатир, например, или дриада?

Конечно, теперь деревья тощи,
Конечно, теперь травы низки,
Повырублены леса и рощи,
И города отовсюду близки...

Где ни встань — кругом маячат
Фабричные трубы, и на любом месте
Телеграфные струны поют или плачут,
Смотря по тому — какие летят вести...

Всюду пролегли дороги,
Шоссейных и железных дорог сети,
И вот понемногу привыкли полубоги,
Доверчивые лесные дети. . .

Верные слуги музыкального Пана
Теперь уже мало чего боятся;
Ни автомобиля, ни аэроплана,
Ни бродячего артиста-паяца. . .

Они настолько привыкли и осмелели,
Что перебрались на городские бульвары
И ночью иногда перебегают панели,
По которым гуляют тихие пары. . .

Если бы чисты сердцем были люди,
Они убедились бы воочью,
Как в городском фонтане, сверкая грудью,
Купается нимфа — тоже, конечно, ночью. . .

Вообще, сказке о смерти
Не придавайте значенья, а мне, поэту,
Хотите — верьте или не верьте,
Но я открою вам по секрету,

Что в моем кабинете сатир лохматый
Живет уже больше чем три недели;
От него пахнет полевой мятой,
А шерсть седая сбилась в кудели!..

Живем мы с ним очень и очень дружно,
Он такой смешной, такой кроткий,
И если прислуге подмести комнату нужно
И она входит в кабинет со щеткой,

То мой сатир бывает очень испуган,
Прячется от чужого нескромного взгляда
И, кряхтя, перебегает из угла в угол
С недоеденной кистью винограда. . .

<1915>

103. ЦВЕТЫ НА КАМНЕ

Каменный узкий колодец,
Вверху свинцовая плита.
Маленький тряпичник-уродец
Покричал и ушел в ворота.

Солнечной доброй улыбки
Не увидишь нигде, нигде;
Дети, как золотые рыбки
В мутной нечистой воде.

Окна на что-то сердиты,
Дворник угрюм и груб,
С тяжелыми стенами слиты
Горла водосточных труб.

Много обиженного люда
Замуровано среди этих стен, —
Господи, господи, как худо
Переносить каменный плен!

Женщина с шарманкой убогой
Входит на гулкий двор,
Поет с деловитостью строгой
Для жильцов молчаливых нор.

Поет о костре в тумане,
Об искрах, гаснущих на лету,
О жестоком, жестоком обмане,
О разлуке на безлюдном мосту...

О том, как увезут спозаранку —
Только-только минует ночь —
Красавицу молодую цыганку
От сердечного друга прочь...

И ничего-ничего не значит,
Что у певицы голос не чист, —
В пятом этаже горько плачет
На подоконнике канцелярист.

Он плачет о любимой Вере,
Счастья миновала пора, —
С красивым студентом в сквере
Гуляла она вчера...

Как же, как же не плакать?
Страшен измены яд.
А медные монеты в слякоть
Из темных окон летят...

<1915>

104. НА ДВОРЕ

Васютка на заднем дворе играл,
Пускал на лужи кораблики из дранки,
А солнце бросало и янтарь, и коралл
И пекло в небе облачные баранки...

Утром нанесло было снежных круп,
Стало холодно, неуютно и скучно,
Но пригрело к обеду, и в горле
водосточных труб
Звонки серебряные запели звучно.

Бедняга дворник прямо сбился с ног —
Достается за последние две недели...
Визжит в его руках острый скребок,
Рыхлый снег прохватывая до панели...

Капли пота у дворника на лбу,
По щекам катятся и переносью:
«Эх, в эту бы самую водосточную трубу
Да пожаловаться Христу-батюшке
на жизнь песью!»

В лужи опрокинулся бирюзовый свод,
В голубые пропасти дома повисли...
Корабликов у Васютки целый флот,
А в голове простые, невеселые мысли...

Не пожаловаться ли и ему в трубу
На то, что отняли от него маму,

Что увезли ее на кладбище в желтом гробу
И в глубокую опустили яму...

Папка с тех пор всё пьет и пьет...
Уже двух бутылок на день мало...
А по утрам старшую сестренку бьет, —
Зачем опять дома не ночевала...

Бьет и гонит сестренку прочь,
А та не боится и ругает папу
И куда-то уходит каждую ночь,
С красными перьями надевая шляпу...

Под кроватью — пара мамкиных сапог,
На них грязь и знакомые дырки,
Будто сейчас они сняты с ног,
А мамка отдохнуть легла после стирки...

И ему — Васютке — хуже всех:
Вчера стащил у соседки хлеба, —
Говорила мама, что воровать грех,
И теперь, должно быть, грозит ему с неба...

Вот и нужно через водосточную трубу,
Вставши на колена, снявши шапку,
Пожаловаться богу на сиротскую судьбу,
Помолиться за себя, сестру и пьяного папку...

Дует Васька на бумажные паруса,
Плывут кораблики его вереницей,
А под ними сияют голубые небеса
С пролетающей куда-то черной птицей.

<1915>

105. ЧАСОВНЯ

Заметена снегами околица,
После вьюг — бездорожье,
Старая часовня молится,
Угодница божья.

На окнах полотенца узорные
Вышил мороз: цветы да елки.
За рекой леса черные,
Где-то протяжно плачут волки. . .

Мало что шубами удостоены —
И то, кажись, слава богу,
А кругом трещат сухостоины,
Будто мужики идут на берлогу. . .

Еще вьюга, так вовсе скроется
Часовня в снеговые перины.
Но глядит в небо звездное и молится
О сиротах бабы Арины. . .

Пришла к Арине беда нечаянно,
Валится ее хата;
Проводила на войну хозяина —
Сама осталась брюхата. . .

Лошадь как назло хромая-то,
Дров запасу ни плахи,
Да не одной Арине маята, —
Не лучше и бабе Палахе. . .

Явилось горе полынь-оскоминой,
Тоже сам на войну ушодцы. . .
Под каждой крышей соломенной
Пролило слез колодцы. . .

У месяца косынка тонкая,
Из бело-серебряной ткани,
Тишина стоит в поле звонкая,
По задворьям темнеют бани. . .

Спели петухи горластые,
Один другому ровня. . .
Склонилась на сугробы-насты
Угодница божья часовня. . .

Куполом-головой священной
Думает молитвы-мысли,
Просит за мир крещеный —
Грехи его ты, господи, числи!

<1915>

106. ЛЕБЕДЬ

Никто не верил, что я поэт,
Все думали, что я хвастал это;
Зато теперь сомнений уже больше нет —
Вчера у меня напечатали два куплета. . .

Напечатали, и подпись есть:
Петр Всемирный—выглядит со стороны прелестно!
Вот будет удивлен тесть,
Когда имя мое будет всюду известно.

А кругом-то считали меня за дурака!
Ты, говорили, человек ни на что не похожий! . .
Увы, так было во все века
С людьми, одаренными искрой божьей. . .

Признаться, я и сам верить себе перестал. . .
Как и все поэты, я наивен, словно ребенок;
Помнится, я в детстве еще когда-то читал
Сказку Андерсена «Гадкий утенок»,

Который, оказывается, лебедем был, украшеньем
озер,
Лишь на птичьем дворе считали его уродом. . .
А город, где я живу, не тот же ли птичий двор,
И я не лебедь ли в своем одиночестве гордом? . .

Да, я лебедь! . . Я в полете красивом спешу
К небу, к солнцу, к борьбе и славе. . .
Вот возьму про Сергея Дмитрича и напишу,
Что он выделявает у себя в городской управе.

<1915>

107. БУДУЩИЙ БАНКИР

Девяносто шесть рублей — деньги большие;
Был я примером воздержания одиннадцать лет.
В своем капитале положительно не чаял души и,
Но куда устроить его? Банка подходящего нет.

Везде дают каких-нибудь три или четыре процента...
Я бродил, неудовлетворенности затаивши яд,
Я искал, искал подходящего момента,
Чтобы получить процентов *minimum* пятьдесят.

Вдруг услышал однажды: «Подайте на хлеб, Христа
ради!

Вы получите за это от господина вдвойне:
Он всегда заботится о достойной награде
Тех, кто печется о несчастных, подобных мне».

Вдвойне!.. Это случай, как угодно, необыкновенный,
Это будет сто процентов прибыли — ей-ей.
И отдал я нищему, свыше вдохновенный,
Накопленные мной девяносто шесть рублей.

Сто девяносто два рубля через год я получаю,
С этими деньгами можно недурно жить,
И высчитываю я, сидя за стаканом чая,
Сколько коробок могу тогда я спичек купить!

<1915>

108. КАНАРЕЙКА

Вчера я медную клетку чистил мелом...
Канарейка наша — удивительная певица!
Но не в добрый час я занялся делом:
Раскрылась дверка и... улетела птица...

Жена моя раскричалась ужасно,
Назвала меня и ослом и жестоким,
Жизнь моя сложилась несчастно,
Я в семье своей чувствую себя одиноким...

Я ушел за перегородку, закурил сигару...
Кто из нас прав — будущее покажет.
Тихо снял со стены гитару
И запел: «Пускай могила меня накажет...»

Нежный аккомпанемент меня растрогал,
К горлу медленно подступили слезы...
Радости на свете я видел много ль?
Вместе с юностью отлетели грезы...

Жизни дни моей похожи на ночь,
А сердце мое скоро превратится в глетчер.
Чу, звонок!.. то пришел Иван Иванович
Звать меня к себе на целый вечер.

Но и у него сидел я туча тучей,
Так расстроился я из-за канарейки,
И был я объят грустью певучей,
Хотя выиграл два рубля сорок три копейки.

<1915>

109. ДУРНАЯ ПРИМЕТА

Было светло в соборе —
На Глинницах, у Ивана Предтечи;
Гости уже были в сборе,
У икон теплились свечи.

Жених — человек исправный,
Маша счастливо выходила.
Ход был открыт главный,
Сторож зажигал паникадило...

Ехала Маша в карете,
На резиновых шинах даже, —
Хоть один раз на свете
В господском прокатиться экипаже...

На улице и холод, и слякоть,
Дорога дождем измята,
Прямо хочется плакать,
Что прохожие спешат куда-то,

Что спешат и не заглянут в карету,
Не посмотрят любопытным глазом
Ни на флердоранжевую наклейку эту,
Ни на платье, отделанное газом...

Дребезжит мелодично рама,
Слеза у Маши на реснице.
Вот раскрытые двери храма,
«Гряди, гряди, голубица!..»

Это ведь она — голубица,
Это встречают Машу...
Думает: «Буду молиться
За жизнь новую нашу...»

Жарко Маша молится,
Ярый воск со свечи капал,
Стал шафер менять кольца
И... уронил их на пол...

Звякнуло золото звонко
О мраморные холодные плиты,
Счастье человеческое тонко —
Вот оно уже и разбито!

Белей, чем наряд подвенечный,
Маша с лица стала,
Жених, друг сердечный,
Чует, что воздуху ему мало...

Ехали печально обратно,
Ни вопроса друг другу, ни ответа.
По бокам бежали белые пятна:
С фонарями была карета.

<1915>

110. ВЫ ЛЮБИТЕ ЛИ СКАЗКИ?

Если вам кажется наивным — пусть!
Я хочу поделиться всё же:
В моем сердце прекрасная тихая грусть,
Которая всех радостей дороже. . .

Вы любите ли сказки? . . Не верю, что нет!
Теперь вы большие, но были дети. . .
О, как жаль, если и до теперешних лет
С вами вместе не дожили сказки эти.

Вы любите ли сказки? Скажите: да!
Я хочу, чтобы их любили вы, как любили.
Мне сегодня грустно, как никогда, —
Конечно, у вас тоже такие минуты были.

Грусть блеснула на воспоминанья мои,
Как свет лампы на позолоту кивота. . .
Прекрасные, далекие, невозвратные дни!
Господа! Я хочу вам рассказать что-то. . .

Я сегодня в книжный ходил магазин
Голубоглазой Талочке купить подарок.
Слякоть, извозчики, в воздухе автомобильный
бензин
И, как из раковин, гул из подворотных арок.

«Детские сказки есть?» — «Есть».
И вот на прилавке книг пестрые связки.
Ах, как приятно было прочесть
Названье старой, незабываемой сказки.

У меня такая была точь-в-точь:
«Красная Шапочка», в такой же папке.
Ласковая мать отправляет маленькую дочь
С гостинцами к старой и хворой бабке.

Вот и картинки: зеленый луг —
Так и погулять на таком лугу бы,
Дуб столетний выпятил сук,
А из-за дуба волк скалит зубы.

На первом плане махровый мак,
У девочки цветы на русой головке,
А сказка известна — и что, и как,
И чем окончились волчьи уловки.

Ах, сказка всё та же, да я не тот!
Навернулась улыбка жалко и скупю.
Год за годом, за годом год,
И вот Красная Шапочка смотрит глупо...

И вот цветов таких вовсе нет,
Совсем безвкусно подобраны краски,
Черной лавиной несокрушимых лет
Стерло обаянье волшебной сказки.

Я как будто бы потерял любовь.
Сердце пястью могучей смято.
Я не могу уже творить вновь
Из ничего красоту, как ребенком когда-то.

Грустно мне, грустно, как никогда.
Ведь у вас тоже такие минуты были?
Господи! Вы любите сказки? Скажите: да!
Я хочу, чтобы вы их любили.

<1915>

111. ЛИПА

Липа на огороде росла у Яна,
К тыну прижавшись горбатым боком.
Каждую весну цвела медвяно,
Пчел оделяя душистым соком...

Каждую весну торопились птицы
От берега до берега океан измерить,
Липе рассказать красивые небылицы,
А та и не знала — верить или не верить?

Развешивала низко зеленые лапы,
Тайное на себя принимала обличье,

Чтоб дети-баловники, когда идут из школы,
Не заметили в ветвях гнезда птичьи. . .

У листьев — шорохи, у сучьев — скрипы,
У цветов — ароматы медово-пьяны,
Было и лыко для Яна у липы,
Были и лапти к зиме у Яна. . .

Но только однажды со свинцовым градом
Налетели тучи, сверкая ало,
Липу ударило стальным снарядом,
И была липа — и как не бывало. . .

Ветер не играет еще зелеными волосами,
Ни шороха не слышно, ни протяжного скрипа,
Ну, люди — так люди, разберутся сами,
А причем дерево? А причем липа? . .

Осень прошла, слезы капели
Застыли в хрустальные острые веретенца,
Зима миновала, и льдинки запели
О большом счастье умереть от солнца. . .

Вылетели пчелы за липовым цветом,
Ветры весенние свежи и знобки,
Липа, разбитая прошлым летом,
Щепьем лежала поперек тропки. . .

По старой памяти прилетели птицы
Липу поздравить с Новым годом, —
Да так и не нашли, где и приютиться,
И долго в тревоге кружили над огородом. . .

И только Ян не пришел за лыком —
За лыком для лаптей по весенним росам,
Потому что Яну перед Судьей Великим
Можно было предстать и босым. . .

<1915>.

112. ЖИВОПИСЕЦ ПЧЕЛКИН

У кого к чему способности есть.
Кому шофером быть, кому стричь бороду,
А у Пчелкина вывески — глаз не отвести, —
Ходи да рассматривай по городу. . .

Туда ли, сюда ли — в любой конец,
Пока не пробьет испарина.
У мясной погляди на коров и овец,
У портного — на офицера и штатского барина.

Табачная лавка — тропический сюжет:
Арап на слоне ли, на верблюде ли,
Там гирлянды висят монополь-манжет,
Там скорняк — и на вывеске скачут пудели.

Ну, куда тебе Репин? Хорош, да не то!
Наш бы Пчелкин всегда подбрлил его —
Нарисуй-ка, старичок, с яйцами решето
Для купца-оптовика Гаврилова!

Репин — гений! Этакий ведь пущен слух. . .
Одеколончиком потрите-ка вы виски
Да посмотрите лучше, сколько мух
У хлебопекарни живёт на вывеске.

Потому что у Пчелкина ситный хлеб
Изображен до последней, так сказать,
реальности. . .

Любуйся, любуйся, кто не ослеп,
Ей-богу, надо ему медаль поднести! . .

С этим согласится и друг, и враг,
У Пчелкина и не будет марки иной,
Недаром же он вступает в законный брак
С прачкой-хозяйкой Анной Марковной.

Заведенье у Марковны — первый сорт,
Стирка без щеток и без разной химии.
А всё-таки Пчелкин — хитрый черт,
Прости мне, господи, грехи мои. . . —

Приходит он в прачечную брать заказ
И заводит Анне Марковне речь о том,
Что вот, мол, хорошо бы нарисовать вас
Для вывески — с утюгами и в платье клетчатом.

И уж такую красавицу написал, егоза,
Кто ни взглянет — берет кураж того,
Даже косые Анны Марковны глаза
Правильно глядели, как у каждого.

Пчелкину слава, Пчелкину честь,
Женился, а дело у Марковны доходное,
У кого к чему способности есть —
Вот что значит ремесло благородное!

<1915>

113. НА УЛИЦЕ

Пришла на свиданье у остановки трамвая...
Вот выбрала место! И без нее здесь тесно...
Ну и барышня! Некрасивая такая...
Неужели и она кому-нибудь интересна?

Края шапчонки заломлены круто,
Каблучком отбивает по панельным плитам,
Как раз для нее пословица будто:
«Туда и рак с клешней, куда конь с копытом».

Ах ты, смешная, надушилась тоже!
А духи-то, духи — одна забава,
Четвертак — флакон, едва ли дороже!
Ну как же, ну как же не улыбнуться, право?

Вот и «предмет» — казначейский чиновник:
Лицо — как терка для зеленого сыру,
Но однако и он, и он — любовник,
На высокий тон настроивший лиру.

Значок на фуражке вычищен мелом,
На классный чин только что сдан экзамен.
И в деталях, конечно, — конечно, и в целом
Кавалер, безусловно, нравится даме. . .

Дружно под руку и за угол налево,
Замесились в толпу, в черное тесто.
Старая история — Адам и Ева,
Вечная сказка — жених и невеста.

Много женщин красивых на свете есть ведь,
По кафе, квартирам, среди идущих мимо,
Но моя незнакомка лучше раз в десять
Каждой из них: она же любима!

Так же и он, сказать по чести.
Сколько мужчин — непохожих друг на друга!
Но они не стоят, все взятые вместе,
Одной его остроты, надуманной туго. . .

Проходили трамваи, вагон за вагоном,
Глубоко взволнованный, хотя спокойный наружно,
Я с радостью глядел вслед ушедшим влюбленным
И забыл, что мне ехать куда-то нужно. . .

И казалось мне, что я в суть новых вещей вник,
Что город — храм, шумная улица —
брачная слава,
А сам я — молодой уличный священник,
Благословлять любовь имеющий право. . .

<1915>

114. НАВОДНЕНИЕ

Западный ветер — здоровый дядя —
Думу надумал, напружил грудь;
Губы и щеки враз наладя,
Стал себе в невшское устье дуть.

«Вот остужу, изловчусь и выпью,
Люди проснутся и — нет Невы. . .»
Ухает ветер голодной выпью,
Роет в пучинах ямы и рвы.

Невская барыня — шашть обратно,
Откуда взялась у старой прыть?
Оно и понятно: разве приятно
Этаким зверем выпитой быть?

Половина взморья за Невой вперла,
Падает берег за футом фут.
Рвякнули пушки в доброе горло:
«Братцы, спасайся — стихии прут! . .»

С плачем и воем, с миллионом истерик
Через барьерный гранит и мосты
Кинулись волны от ветра на берег —
По дворам и подвалам пряча хвосты.

Месяц погас, как дрянь-огарок,
Но напоследок головой покачал,
Когда десяток ленивых барок
Ветер с чугунных сорвал причал.

Не дома в переулках, а прямо — губки,
Только огонь в лампах сух;
Вот показались первые шляпки —
С чердаков обирать ребят и старух.

Узлы пересыпанной пухом ноши,
Треск подмытых водой ворот. . .
Кто-то ругался, что забыл калоши,
А самому Нева забиралась в рот.

Дует со взморья черная морда,
Валит на Невском прохожих с ног,
Даже Фонтанка вздыбилась гордо,
Таская дряхлый живорыбный садок.

В окнах тонко кричали стекла,
Визжали на крышах флюгера-петухи,

Целую ночь столица мокла,
Продувая и мѡя свои грехи.

В каждой трубе черти вопили,
В уличных фонарях метался газ.
И до утра на Адмиралтейском шпиле
Ехидно подмигивал зеленый глаз.

И всё настойчивей, час за часом,
Забыв назначенье — гибель и смерть,
Добрые пушки бархатным басом
Били тревогу в ночную твердь.

<1916>

115. ТРЕВОГА

Кривобокий, серенький, доживающий век,
Деревянный дом на набережной Малой Невки...
Сегодня сам Иван Иванович разгребает снег
После того, как пришел со спевки...

Любому дворнику вперед двадцать очков даст,
Не гляди, что почти духовного звания особа...
Широкой лопатой режет за пластом пласт
От навалившегося на крыльцо голубого сугроба...

Жметса калитка подле сквозных ворот,
За забором черемух переплелись черные лапы,
Ветка одна далеко на улицу выдается вперед
И с прохожих по темным вечерам сбивает шляпы.

Оно, конечно, неприятно, если в грязь,
Но как-то жаль отрубить ветку озорную эту.
Свои привыкли, ну а чужой — не лажь,
Иди по дороге, здесь не Садовая, автомобилей нету,

Спортил шляпу — сам виноват;
Электрический фонарь тебе, что ли, повесить?

.
Иван Иванович не то чтоб женат,
А просто с Маришей живет лет уже десять.

Шутка ли прожить с человеком десять лет?
Ни словом не обидеть друг друга, ни звуком...
Вот и сейчас Мариша готовит обед:
Форточку открыла, и на морозе запахло жареным
луком.

Пар вылетает за клубом клуб.
Шумят воробьи на заметенной снегами крыше.
«Дай, Иван Иванович, на гадалку рупь!» —
Утром в голову взбрело сегодня Марише.

Дал моментально, отчего же не дать?
Иди, побалуйся, коли пришла охота,
Только на что бы Марише, кажись, гадать?
Ни с того, ни с сего — удивительно что-то!..

Живем, как жили, домишка — свой,
В постели — пух, а не сено-солома;
Если на вчерашний проклятый собачий вой —
Так он не у нас, а за четыре дома...

Что же такое? В толк прямо не взять,
Уж не мать ли ее мутит — верное слово!
Только и слышишь «Зять да зять!»
А за глаза мышьяком обкормить готова...

Ну играл бы на бильярде, ну пил бы вино,
Позволил в чем бы другом себе лишку —
Да и гаданье, по правде, — вранье одно,
Ей-богу, возьму и не пущу Маришку!

Слепит январский солнечный свет,
Ткут на голубом небе черемухи тенета,
Что-то было у Ивана Ивановича — и вот уже нет,
Всё по-старому — и уже нет чего-то...

Иван Иванович в раздумьи потер лоб, —
Ах, Маришка, засадила занозу!
Лопату по рукоятку вогнал в сугроб
И взошел на крыльцо, барабанное от морозу...

<1916>

116. ТОЧИЛЬЩИК

Закрываются хлебные и овощные лавки,
Ушла последняя торговка прочь, —
Солнце не уберегло золотой ставки,
Всё заграбила с кона черная ночь.

Жадной лапой червонец к червонцу
Воровато спрятала в бездонный карман.
А солнцу не жаль — утром же к солнцу
Новый прибудет золотой караван.

В каменных веригах город-подвижник
К ночи умерил протяжный гул.
Костлявым хребтом на мостовой булыжник
Упал и к небу лицом уснул.

В окнах погасло, да уже и пора ведь,
Врылся в тучу серебряный крот.
«Точить ножи-ножницы, бритвы править! . . .» —
В сонной безмолвности точильщик поет.

Справа и слева заржали ворота,
Салом не мазанные десятки лет,
Люди вышли, вынесли что-то,
На чем загорелся месячный свет.

Мужчины и женщины, старики и дети —
Никто под одеялом остаться не мог,
Незнакомые друг другу, в лунном свете,
Окружили точильщика и его станок.

«Серп-работник минувшим летом
Ладно резал спелую рожь,
Веруй слову — по всем приметам,
Будет еще хозяину гожд.

Твой сапожный — тоже наточим,
Ничего, что короток, — давай его,
Шепну тебе на ухо, между прочим:
До любого сердца — вершок всего! . . .»

Вертятся колеса, юрки и быстры,
Сталь на всю улицу подняла визг,
В бороду точильщику брызжут искры,
В небе догадывается лунный диск.

«Точить ножи-ножницы, править бритвы!»
Точильщик поет у каждых ворот.
А на юго-западе зарево битвы
Скалит из-за крыш кровавый рот.

Там и там стонут ворота,
Салом не мазанные десятки лет.
Люди выходят и выносят что-то,
На чем вспыхивает лунный свет...

Старый точильщик ходит и точит,
Из улицы в улицу переходит он,
А город не верит и верить хочет
В свой бредовый прекрасный сон.

<1916>

117. ПРЕОБРАЖЕННАЯ ЛЮБОВЬ

К твоим ногам падал я в униженьи,
Молился тебе: прими и благослови.
Вот наступил праздник Преображенья
Неутоленной Любви.
Безмерна, бездонна
Преображенная моя любовь.
Жизнь благосклонна
Вновь.
Божеству тепло свечи,
Но иступленный к тебе мой крик.
Твои — плечи!
Твой — лик!
Ничего мне не нужно,
Я тебя оставить готов.
Разве не с тобой дружно
Сочетанье цветов?

Снежной вершины митра,
Горбатых радуг мосты —
Твоя палитра,
Всё — ты!
Ты пьешь, а не уставший пахарь,
Которому я воды из ключа принес,
Тебе брошу на плаху,
А не казненному, — белых роз.
Жалят острия придорожных терний,
Твою жестокость тая,
Знамя восставшей черни —
Одежда твоя.
Тебя мне не надо,
Всё равно без тебя ничего нет.
Ты блеск пожаров, гул водопада,
Лунный свет...
Неподвижность, движенье,
Пресмыканье страсти и взлет,
К твоим ногам падал я в униженьи,
Но вот Преображенье — вот!..

<1916>

118. НА ВЕСЕННИХ ПОДМОСТКАХ

Луч у Солнца, у Дворника — скребок,
Вот какие настали дни:
Дворник и Солнце на улице хозяева.
Греет улица свой правый бок,
Жаль, что левый мерзнет в тени,
Хочешь не хочешь — побаловать нельзя его.
Клячи сами норовят вскачь,
Лед умирающий везут на ледник,
Голубей весенних слушают плач.
Солнце и Дворник —
Рука об руку:
Как у Дворника, на Солнце белый передник —
Облако;
Рубаха, как у Дворника, —
Красный кумач.
Девушки на улице — живой персонаж

Из последнего лирического сборника
Влюбленного поэта.
Солнце и Дворник! Сегодня праздник ваш!
И что сегодня бенефис Солнца и Дворника,
Разве не правда это?
Замечайте же в сточный дренаж
Лучи голубого света!
Дворник и Солнце! Сегодня праздник — ваш!
Загорайся, снег, гори дотла!
Мети, метла —
Розовая!
Солнечная — золотая метла!
Дворницкая —
Березовая!

<1916>

119. ВЕСЕННЯЯ ПРОКАТНАЯ КОНТОРА

Не подумай, что и правда он очень прост,
Что умиленными слезами тяжки его ресницы, --
Всё это — красные перья в хвост
Обнаглевшей весенней птицы.
Он такой потому, что разбитых льдов,
Горбов жемчужных на плотину наперло:
Ласков жеребец, но в страсти готов
Стройной кобыле перегрызть горло.
В любви неразлучны правда и ложь:
Украшайся, хитри, но добейся ласки,
С каждой самкой породу умножь,
А самка любит красные краски.
Я сегодняшнюю ночь провел без сна
И зато интересное видел сегодня;
Вот так штуку удрала весна,
В шали голубой хитрая сводня.
Сняла особняк, прибила плакат,
Фирмовой знак — виноград в кубке —
«Прокатная контора»: отдаются в прокат
Благородные качества и великодушные поступки.
Прейскурант повесила на входную дверь:
Цена без запроса, товар без обману,

Птица ли, человек ли, просто ли зверь —
Выбирай любое, что по карману.
Я сегодняшнюю ночь провел без сна,
Клянусь, пережил удивительные моменты, —
В самую точку попала весна:
И летели, и шли, и ползли клиенты.
Разукрасился щедро матерый фазан,
Обольстителю в красоте нужна ли мера?
Фазанихи, поди, не поверят глазам,
Увидя такого пестрого кавалера.
Тут же у прилавка ползал уж,
Правда, у него с красотой — слабо,
Но чем же уж не любовник и не муж,
Если имеется и уж-баба! . . .
А вот и твой хитроумец — вот!
Приобрел по дешевке шлем Дон-Кихота,
Ты подумаешь — и вправду он Дон-Кихот,
А ему просто до тебя добраться охота. . .
О самки прелестные, всё для вас:
И мелкой страсти шумливый Терек,
И напев тропарей на четвертый глас,
И чудеса давно открытых Америк.
Ну и что же такого? Очень рад!
Мне-то что? Да ничего — ей-богу!
Через месяц клиенты придут назад,
Ещё обратно сдадут понемногу.
Соловей вернет за романсом романс,
Добился цели и теперь на попятный.
Хитроумец твой пойдет в преферанс
Играть к соседу по одной пятой.
Зато наседки по гнездам сидят,
Волчицы тяжкое растят вымя,
И в страницах календаря твой усталый взгляд
Позвучней выбирает имя.
Печаль твоя, как хрусталь, ясна,
Но поверишь ли кому еще ты,
Увидя, как положит прибыль весна
На конторские большие счета.

<1916>

120. НЕОБЫЧАЙНАЯ ИСТОРИЯ

(ОРФЕЙ НА НЕВСКОМ)

Событие в гостинице для приезжающих «Рига».
Дело не только что — плюнул да вытер,
Пращур Моцарта, Шопена и Грига —
Импровизатор Орфей пожаловал в Питер.

Побранился с прислугой за углы с паутиной,
Такой несдержанный, такой резкий. . .
А номер хороший, за пять с полтиной,
Даже с балконом на самый Невский.

Шею освободил от хомута-крахмала,
Расстегнул пуговики на пикé-жилете,
Детина — троих на один взмах мало,
Вот они — античные греки эти.

Вышел на балкон — господи боже! . .
А народу! А шуму! Экое место,
Точно в квашне крепкие дрожжи
Пучат и пузырят черное тесто.

«Так ли мы жили когда-то в Элладе», —
Думал Орфей, облокотясь на перила.
Каменная улица во всем параде
Миллион очей в Орфея вперила.

Всё заманчиво, всё искусно,
Только глядеть, глядеть да дивиться.
Но эллину бедному стало грустно. . .
А когда же художник за мольберт садится?

А когда ж хочется письменно и устно
Излить обуревающие тебя чувства?
Еще раз повторяю: когда грустно.
Именно грустью живо искусство.

Господа репортеры! Легко и просто!
Обеспечьте на завтра строк по двести,
Спешите на Невский — дом девяносто.
Сто целковых заработаете все вместе.

Прити вашей превысьте меру,
Очень интересно, кто из вас лише:
Орфей хочет возобновить карьеру
И с арфой своей на балкон вышел.

Ведь на улице нельзя завязать шарфа:
Глядишь, толпа собратся успела.
Что ж случилось, когда чудесная арфа
Звучной пеной над проспектом вскипела?

Фонтанами голубыми взмыли аккорды,
Солнечная песня на Невском нависла.
И вот автомобильные тупые морды
Вдруг насторожились, полные смысла.

Миг — и панель запрудили люди,
Черной, мягкой и беззвучной ватой.
Еле-еле продвигался в запруде
С полным трамваем вагоновожатый.

Стоп вагон! Третий! Четвертый!
Лошади и моторы — все в кучу.
Кто-то кого-то послал к черту
И полез на фонарь, чтобы слышать лучше. . .

На резиновой шине жук каждый,
Дома и мостовая стали из пробок.
Кинулись на улицу с неутоленной жаждой
Песня и тишина бок о бок.

И даже тот, кто всегда неистов,
Был у Орфея победным трофеем.
Разгонявший с городовыми публику пристав
Головой поник, очарован Орфеем.

А городу снились допетровские ели,
Топкие болота с озорным лешим. . .

.
Пусть это было на самом деле —
Хочешь, читатель, друг друга потешим?

<1916>

121. КОНЦЕРТ БАНКИРА

1

О МУЗЫКЕ ПООБЩЕ

Может быть, вы тоже к музыке пылки,
А по-моему, так это глупости;
Лучше самому дома гвоздем по бутылке,
Чем для этого куда-то рубль нести.

Ну, сыграет вундеркинд лет под сорок,
Ну, споеет какая-нибудь каракатица, —
Пускай вундеркинд своей маме дорог,
А я на него не желаю тратиться.

Пусть каракатицу обожают князи,
Графы всякие и разные сиятельства; —
В голосе не связки важны, а связи —
Истица, не требующая доказательства.

2

ОБРАЩЕНИЕ К ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ

Послушайте, милостивые государи —
Глубокоуважаемые, любезные и прочие!
Кто сегодня из вас в ударе?
Чье лицо полно сосредоточия?

Кто, благовоспитанный, не плёбет на пол,
Обходится без крепкого выражения
И покаянными слезами ни разу не капал
В странице уголовного уложения?

Пожалуйте к банкиру с визитом,
Но достаньте прежде рекомендации,
В том, что придете абсолютно сытым
И доброжелательным, как цвет акации.

Банкир покажет такой игры вам,
Музыки такое величество,
Что, охваченный экстагическим порывом,
Атеист-насмешник примет католичество.

Возьмет палку и шляпу,
Сходит в баню, побреется,
И поедет целовать римского папу —
Не в щеку, а в туфлю, разумеется.

Поклонится и спросит робко,
Умиленностью сердце трогая:
«До сих пор был я глуп, как пробка,
И только теперь понял бесконечно многое».

8

ВОТ ЭТО — МУЗЫКА

Сто миллиардов — иначе миллионов сто тысяч .
Эй, Ваше Убожество,
Попробуйте на своей зажигалке высечь
Искр такое же множество!

А ведь столько прибыли положил на счета
Банкир вчера вечером!
Великие нечеты, великие четы,
Целый мир под золотым глетчером.

Сидел я, почтительный, в глубоком кресле,
Со скромностью думал горлицей:
Ведь вот у банкировой жены не Крез ли
Должен служить подгорничной?

Торопливо за мороженым ходить на ледник,
Казачков завлекать марьяжами,
Кокетливо мять плоеный передник,
Беседуя с поварами ражими.

Бегали костяшки, юрки и шустры,
И когда сливались рубли миллионами —
Дрожали в кабинете банкира люстры,
Поперхнувшись глухими стенами.

Едва над счетами делаешь взмах ты,
Чтоб бешеное произвести сложение, —
Я вижу, как опускаются люди в шахты
Дать стихиям сражение.

Захлебнуться во тьме рудниковым газом
С мотыгами в руках железными,
Каждым добытым из недр алмазом
Возвысить твой трон над безднами.

Слуг твоих верных не дремлет свора,
Недаром работает свора та.
Вот с поличным сейчас поймали вора —
Алмаз проглотил в три карата.

Ну что же сделаешь — сознался в краже.
Парень с большим был норовом,
А вроде этим ничего не нажил,
Только угостился маслом касторовым.

Рассеянно игру молодой наяды
Слежу на разрисованном плафоне я,
И как магометовы и дантовы ады
Банкирская творит симфония.

Его — затопившего рублями биржи,
Захлестнувшего долларами и кронами —
Этот самый поработанный мир же
Короновал десятью коронами.

Но, однако, приятель, чего тебе нужно?
Успокойся, демократические узы кинь,
Послушай, как фабричные гудки дружно
Примешались к банкирской музыке.

Как вагонов товарных поют колеса,
И небо шумит афишами,
Имя банкирское на которых косо
Чертит дым, разлученный с крышами.

Колосится пшеница, цветут каштаны,
Надо всем — золотой меч его,
Бьют в горах нефтяные фонтаны,
Где украсть даже рабочим нечего.

Его — бесконечность лесов окружных
Вместе с бабочками, вместе с птицами,
Для него наплетают мили кружев
Кружевницы, мелькая спицами.

Громов, гроз и синичьих трелей
Преисполненная симфония великая —
И смешон перед банкиром Ян Кубелик,
На скрипке своей пиликая.

Симфония золотая, и только в ней-то
Красота — и стоит ли быть Шаляпиным,
Который попискивает, как дурная флейта
С испорченным изрядно клапаном.

4

МОЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Сто миллиардов — иначе миллионов сто тысяч,
А ну-ка, Ваше Убожество,
Попробуйте на своей зажигалке высечь
Искр такое же множество!

Банкир покажет такой игры вам,
Музыки такое величество,
Что, охваченный высоким порывом,
Вы погасите у себя электричество.

Посмотрите, соседей дома нет ли,
Снимите пиджак с заплатою,
Устройте для практики четыре петли
И набросьте на горло пятаю.

Быть бы и мне, такому худому,
Такому неприятному, висящему.
Шел от банкира обратно к дому,
Но тянуло совсем к неподходящему.

МОЯ ПЕСНЯ В ТОТ ВЕЧЕР

Три козы у реки.
 На реке пузырики.
 Дождик кап-кап-кап —
 У кого больше лап?
 У птички две —
 Скачет птичка в траве,
 У собачки едва
 Больше раза в два,
 А у пчелки шесть,
 А у дождика не счесть.
 На реке пузырики.
 Три козы у реки.
 Дождик кап-кап-кап —
 У кого больше лап?

<1917>

122. ИЗВЕЩЕНИЕ О ТОМ, ЧТО БЫЛО

Всем, всем, всем!
 Во все части света,
 Всем народам всех стран...
 Для Африки и Азии это,
 Для Америки и Австралии это,
 Для тебя, Европа, умирающая от ран!
 А ты, полузадохшаяся под юнкерской тушей,
 Несчастливая Германия,
 Ты особенно слушай,
 Я требую твоего внимания!

Счет немецким победам баста весть.
 Мы устали.
 Довольно.
 Распинать русскую честь
 На кресте из немецкой стали
 Не хотим. Больно!

Шел публичный аукцион,
 Гнусная шла продажа,

Малые дети даже
Знали, что министры и трон —
Трон!
Даже он! —
Безответных тверских,
Бородатых вятских
Продавал
И усеял страну
Курганами могил братских.

Эй, китайцы, возделывающие рис!
С берегов Ганга созерцатели йоги!
Искатели жемчуга у осьминога в берлоге!
Отважные рыбаки, поймавшие бриз
На острый туго натянутый парус!
Рукодельные персы, шелковый гарус
В драгоценный ковровый претворяющие узор!
Бур из Наталя!
Бедуин на верблюде,
Обегающий Великой пустыни пески!
Кончен позор,
Люди!
Тают глыбы вселенской тоски.
Глядите:
Высоко
И выше вот еще
В красном пламени
Хлещет в воздух красного знамени
Захлестнувшее полмира полотнище...

Струпья, короста —
Рабья маска
Упала...
А ужас твоих побед?
О Германия, Черная каска,
Смотри, как просто:
Твоих побед —
Их уж мало,
Их нет.
Слушай перегуды славянских гусель,
Вот мы сделали всё, что могли:

Ты разорила рабочий Брюссель,
А мы жандармские гнезда сожгли,
В ноги могучие твоим бурям
Пала Ковна,
Пала Варшава ниц,
А мы разбили императорских тюрем
Серые камни,
Черные бревна,
Освободили птиц.
Воля крыльям!
Черное было
И поросло быльем!
Лейте, колокола,
На леса и поля
Молитвы:
Спаси, господи, люди твоя!
Благослови его битвы,
Его новую долю —
Землю и волю.
Спаси, господи, люди твоя!

Германия, стража Железного трона!
На каждую сотню твоих побед
Разве же сотни наших нет?
Есть. Мы равны.
А теперь
Оборона:
Надо волю беречь от Железного трона,
На котором кровожадный сидит зверь,
Не на жизнь, а на смерть.
Оборона теперь...
Всем, всем, всем!
Во все части света,
Народам всех стран!
Для тебя, старая Европа, это,
Умирающая от ран...
А ты, навалившаяся на мир кровавой тушей,
Я требую твоего внимания,
Ты особенно слушай,
Таран палачей — Германия!

<1917>

123. В ПУТЕШЕСТВИИ

Вижу большие дороги —
Солнце и небо,
Много дорог:
Эти — круты,
Эти — пологи,
А эти, в серебряной от солнца пыли,
Легли
Ровно...
Солнце и небо!
Нагруженные тяжко возы:
Ароматные бревна
С янтарными слезами смол,
Ворохи пакли конопатить пазы —
Нагруженные тяжко возы...
Мельниц крылатых последний помол:
Недалеко до свежего хлеба.
Солнце и небо!
В стороне оконченный сруб,
Взвизги пил,
Кирпичные кладки:
Для печей да для труб
Хозяин купил
Кирпич;
Наводит порядки —
Надо!
Двигется стадо,
Щелкает бич,
Жужжанье радостных мух, —
Двигется стадо;
Кричит пастух...
А из лесу
Птиц,
Переполнивших зеленый клирос,
И пенье, и свист, и крик
Из лесу...
Господи!
Как вынесу?
Кому не прощу?
О господи!
Как вмещу

Счастье жизни?
Не осуди —
Мало сердца! Мало груди
Для Прекрасного Извне!
Как вмещу
К жизни
Любовь,
К небу,
Цветам,
Сжатому хлебу,
К робкому на дубе плющу —
Как вмещу?
Если горы — амвоны,
Ризы — поля,
Если в поцелуе вечернем,
Слушая вечерние звоны,
Земля
Поет
Кузнечным в ответ молотом,
А закатное солнце пьет
Пьяный мед,
Платит золотом;
На червонном сидя пороге,
Оглашая дороги,
Трубит в кованый рог,
Облачные следит преображенья,
В кованый трубит рог,
А кругом великое трудовое движение
На несчетных верстах дорог.

<1917>

124. ВСЕЛЕНСКОЕ

Малое — чье? Или великое — чье?
Ни малого, ни великого, а всё — нужно.
Рубит избы бородатое мужичье,
Дубы щербатые валит натужно.

Роет глину, обжигает кирпич,
Ставит в углах столетние печи, —

Ничего в руках, топоров опричь,
Помощь — одна: пологие плечи.

Прячет скопидом доброе в клеть,
Полосует спину кобылы рыжей, —
Что ее, кобылу, жалеть,
Коли сам под погоду мается с грыжей.

Грешен мужик, да нехитрый поп
Крепко за темной стоит деревней,
Молится за великий сермяжный скоп
На глухом погосте, в часовне древней.

Хмур мужик, да на добрый смех
От поры до поры оскалит зубы:
Гармонист Серега распутней всех,
А Серегины песни — сердцу любы.

Жаден мужик, да черту в пасть
Душу не тиснет — в крепкой ограде:
Не даст бородатому вконец пропасть
Вася, юродивый Христа ради...

Сегодня короткий сапожный нож
На соседа хозяин ладит в злобе,
А завтра Васе под ноги — грош,
И вот воскрес сущий во гробе.

Малое — чье? Великое — чье?
Кто распознает? Какой такой знахарь?
Правит работу мир — мужичье:
Купец и работник, прасол и пахарь...

У черных ли машин в аду-городу,
Там ли, где всё еще никнут вязы, —
Каждый у солнца в обед на виду,
Каждому солнцу посмотрит в глаза...

Молитвы и золото, песни и рожь —
Всё в магазее пойдёт единому.
Каждый в деле артельном гож,
Всё мужику, всё ему — господину.

Люди сойдутся на вселенский дуван,
В надобный час прокликает кочет,
Каждый будет и дорог и зван,
Каждый возьмет себе всё, что захочет.

Вкруг магазинов, при свете зари
Мир соберется, мир — так уж весь он,
Знай себе пригорстью щедрой бери
Золота, хлеба, молитвы и песен.

<1917>

125. ЗАЧЕМ РАЗРЕШИЛ?

Господи!
Зачем порох
Позволил выдумать людям —
Синий порох?
А сам до сих пор их
Оставляешь без света...
Милосердно ли это
К людям?
Как будем?
Как?
Проживем ли на свете,
Если — порох!
Если — олово!
Да ведь люди же — дети,
Горячие головы:
Глаза,
Полные страха, если гроза;
Улыбки,
Если в запруде
Плещутся золотые рыбки, —
При солнечном свете
В запруде.
Господи!
Только дети,
Да пойми же, —
Дети только — бедные люди!

Пойми же! . .
Им серебряные коньки бы,
Им бы лыжи,
Мячи,
А не бомбы дать бы!
Пуškai бы играли в свадьбы,
В дни воскресные
Ловили бы солнечные лучи. . .
Маленькие, смешные, неизвестные,
Пуškai бы пели над пашней
И каждый сегодняшний день
Благодарили бы за день вчерашний.
Ну, а уж если порох есть,
И никто не уничтожит —
Сил нет, —
Если порох есть,
Разве же человек не может
Множество изготовить ракет,
Как в стародревнем Китае,
Если порох есть —
В небе ночном тая,
Почему бы цветам не цвeсть?
Миллионами искр
Падать бы вниз
В цветеньи зеленом,
Алом,
Лиловом —
К стройным колоннам,
Темным каналам,
К рыбачьим щедрым уловам
На уснувший залив,
В дикий горный обрыв,
Где на дне камни молчат,
Волчица стережет сонных волчат,
Прошлогодних листьeв сгребши ворох, —
Было бы хорошо так —
О господа!
Зачем же разрешил порох,
И ружья, и пушки, и власть тюремных решеток?

<1917>

126. НЕЧТО ОБ АВТОРСКИХ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯХ

Был добрый дух приставлен к поэту,
Дабы поведенье его блюсти.
Поэт уважал чужую монету,
Поэт ни разу не ночевал в части.

Много прекрасного людям вырек
В ясных книгах мудрый поэт;
Чистейшей воды прозрачный лирик,
Поэт излучал из темени свет.

Доброму духу жилось чудесно,
Полнел на покое — никаких забот.
Лирик — так лирик. Оно известно:
Всё то же самое из года в год.

Всё тот же и тех же букет комбинаций:
Печаль и вечер, любовь и закат,
Тоска жасминов, радость акаций,
А в сердце никем не открытый клад.

С виноградной кистью примитивное пьянство,
Пара рыданий на сельский погост.
Всё красиво, никакого хамства,
Ровный, приятный, выше среднего рост.

И вот однажды неожиданно вырос
И стал драматургом тихий поэт.
Вступил на шумный многожизненный клирос
К возрасту пятидесяти шести лет.

Стал великие изобретать страсти:
Любовь с кинжалом, ревность и яд,
Гипноз незнакомой роковой власти,
А в пьянстве коньяк, а не натюрель-виноград.

Тайны перевоплощения постиг пиита,
Созрел, как орех кокосовый, он;
Теперь от него ничего не скрыто,
Он сам Раскольников, сам Гарпагон.

Сегодня злодеем идет к злодеям,
А завтра мессы творит в тиши.
О лириках думает: куда им, где им
Постигнуть ширь объективной души.

Хочу — и вот я Иван Иваныч,
Хочу — и вот негритянский князь.
Пророк я и девка — возьмите на ночь,
Со всеми и с каждым вступаю в связь.

Сегодня чужую не уважаю монету,
Завтра должен сидеть бы в части.
А добрый дух был приставлен к поэту,
Дабы поведенье его блюсти.

Перевоплощеньями разными сбитый с толку,
Добрый гений без дальних слов
Как-то собрался втихомолку,
Взмахнул крылами и был таков!..

<1917>

Василий Васильевич Князев (1887—1938) родился в Тюмени. Его дед, К. Н. Высоцкий, был организатором коммуны чернышевцев, в которую входил и отец поэта В. И. Князев, человек с широкими культурными запросами.

Учился Князев в Екатеринбургской гимназии, окончив которую, поступил в земскую учительскую семинарию в Петербурге. Вскоре он стал свидетелем революционных событий в столице. О своем участии в них Князев рассказал в воспоминаниях «1905 год». Исключенный из семинарии «за политику», он вынужден был зарабатывать на жизнь литературным трудом.

В 1905—1906 годах Князев сотрудничал во многих сатирических журналах: «Скандал», «Застрельщик», «Овод», «Серый волк», «Сатир», «Поединок», «Гном», «Маски» и других. Молодой поэт выступал под десятками разных псевдонимов: К. Н. Язев, Буревестник, Одинокий Буревестник, В. Серый, Базиль, Василий Кучинский, Смиренный Василий и другими.

Князев высмеивал царских генералов и финансовых деятелей («Романсы», «Куплеты в лицах», «Меры предосторожности»), издевался над царским министром С. Ю. Витте («В альбом С. Ю. Витте»), разоблачал руководителей «черной сотни» («Песня черной сотни», «Русскому знамени»), обрушивался на кадетов и октябристов. Задачу поэта Князев видел в том, чтобы «разить врага» грозным мечом слова, звать народ на бой («Вперед, творец живого слова...»). Пытаясь показать, как звучит горьковская «Песня о Буревестнике»

в новых условиях освободительного движения, он дал ее переложение под названием «Песня свободных». Самое значительное произведение Князева этих лет — «Народный марш», написанный на музыку Г. Мурденгофа («По фабрикам душным, по тюрьмам холодным...»), ставший впоследствии популярной песней рабочих.

В политическом отношении произведения Князева 1905—1906 годов весьма остры, но художественные их достоинства довольно скромны.

С наступлением реакции революционность Князева постепенно улетучивалась. Характерно его собственное признание: «Свистать гаменом я свистал, «поумневшую» и начавшую уже явственно разлагаться публику освистывая, но... но... я и сам был из этой публики. Я и сам... сочувствовал всему, чему она сочувствовала, болел ее болезнями, страдал ее пороками...»¹. Из либеральных сатирических журналов, как правило оппозиционных по отношению к правительству, Князев перешел в беззубо-юмористический «Будильник», «Осколки», «Скандал», мещанскую «Ниву». Подобно многим тогдашним литераторам, он пытался уйти от жизни в «чистое» творчество. В дальнейшем крайняя шаткость литературной позиции, неоправданная смена идейно-политических пристрастий сопровождается Князевым на всем протяжении его дооктябрьского творчества.

С 1908 года поэт начал сотрудничать в «Сатириконе». Он занял обособленное положение в редакции, хотя и пытался усвоить общий тон журнала. Многие в нем было неприемлемо для Князева. В частности, он осуждал «беспартийность», незлобивость сатириконской поэзии и с этой позиции вступил в полемику с Сашей Черным («У пейзажа», «Елка», «Письмо из деревни», «У жизни в лапах», «Медички и лягушки», «Жизнь хороша, как скумбрия в томате...», «Месяц в деревне», «Басня»).

Завершением раннего периода творчества Князева явилась небольшая книга стихов, вышедшая в 1910 году, — «Сатирические мотивы». Поэт включил в нее юношеские произведения и стихи, помещенные в «Сатириконе». В сборнике три раздела: «Ненаписанные песни Беранже», «Этюды» и «Поэмы».

В годы реакции Князев все чаще возвращался к мысли о том, что мрак нескончаем. Но тем не менее, размышляя над коренными вопросами жизни, он высмеивал тех, кто отказался от мечты о лучшей жизни (см. стихотворение «Разумные речи»).

¹ В. Князев, «1905 год». — «Звезда», 1930, № 6, с. 250.

В 1911—1912 годах Князев изредка печатался в большевистских изданиях (см., например, «Вчера не мог заснуть я до рассвета...»). Несколько его стихотворений было опубликовано в «Правде». Однако в ту пору Князев так и не решился пойти на сближение с большевиками, которые отпугивали его своей непримиримостью в отношении современного общественного уклада.

В творчестве Князева середины 1910-х годов заметным образом сказывается увлечение фольклором. Вместе с П. Потемкиным он начинает собирать частушки, систематизирует и изучает их. В результате появилась книга «Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки СПб. губернии» (СПб., 1913), отмеченная почетным отзывом Академии наук. Продолжением этой книги были «Современные частушки», изданные Князевым после революции, и два сборника русских пословиц.

Итогом дореволюционного творчества Князева явилась книга «Двуногие без перьев» (1914), вышедшая в «Библиотеке „Сатирикона“». В стихотворениях этого сборника («Настенька», «Митрошкина любовь», «Хороводная», «Кухарочка», «Дворничья частушка», «Молодь») Князев рисует колоритные типы людей из деревни, напоминая галерею потемкинской «Герани». В отличие от Потемкина, он передает подлинное звучание языка петербургской деревни. Этой особенностью своей поэзии он был близок к стихотворениям, сказкам и песням Горянского в народном духе. Усвоив поэтику частушки, Князев пишет стихи, которые трудно отличить от записанных им самим в народной среде.

Однако наиболее значительным разделом книги были сатирические циклы «Двуногие без перьев» и «К позорному столбу», направленные против политического ренегатства и обывательщины.

В середине 1910-х годов литературная позиция Князева крайне непоследовательна и подчас оборачивается прямой беспринципностью. Напечатав в 1914 году стихотворный памфлет «Аркадий Лейкин», направленный против А. Аверченко, он порвал с «Новым Сатириконом», а после «Итогов» (1914) — стихотворения, высмеивавшего идейную целеустремленность большевистских изданий, ему были отрезаны пути в марксистскую прессу. Поэт оказался между враждующими лагерями: нигде его не хотели признавать за своего.

Князев становится постоянным сотрудником умеренно либеральной газеты «День», где из номера в номер ведет «Маленький фельетон». Приспосабливаясь к требованиям редакции, он пишет веселые куплеты на злобу дня. Вспоминая потом этот период своей жизни,

Князев окрестил себя газетным невольником, производителем «од-нодневок-строк».

Другим видом литературной работы Князева для газеты были помещенные в ней «Песни города». В них раскрывается тема Петрограда — «проклятого города» («В Питере два миллиона», «Бедные дети столицы», «Наводнение», «Городская лирика» и другие). Князев изображает Петроград злым городом-спрутом, задушившим в своих объятиях беспомощных людей.

В 1915 году поэт был ненадолго призван в армию.

Вернувшись в столицу в 1916 году, Князев попытался создать новый сатирический орган — журнал «Бич». Здесь он опубликовал иронический цикл «Требник капиталиста», раскрывающий тему губительной власти золота и капитала. «Требник капиталиста» свидетельствовал о нарастании оппозиционности Князева в последние предреволюционные годы.

Февральская революция не удовлетворила Князева. Поэт уверен, что впереди — новые битвы. «Ой, не знает Руси, кто ей тризну поет!» — обращается он к сатириконцам, с которыми вновь стал работать в начале 1917 года. В это время центральное место в творчестве Князева заняла сатира на либерального интеллигента, испуганного грандиозным размахом народного движения («Ария нового Лазаря», «Паника», «Народ и интеллигенция», «Песенка о русском интеллигенте»). Теперь он целиком на стороне восставшего народа.

После Октября Князев перешел на сторону революции. Он познакомился с А. В. Луначарским, начал сотрудничать в «Красной газете» В. Володарского. В январе 1918 года «Красная газета» сообщила о желании бывшего сотрудника буржуазной прессы Князева «отдать свой талант на служение народу». «Пусть же его стих, — говорилось в статье «Интеллигенция и народ», — довершает победу восставшего народа, пусть поэт станет рядом с народным трибуном, с солдатом революции, с строителем новой жизни».¹

В 1918—1920 годах Князев пережил большой творческий подъем. За два года он написал свои лучшие книги: «Красные звоны и песни», «Красное Евангелие», «Песни красного звонаря», «Фабрикант и рабочий», «О чем пел колокол». Его знаменитая «Песня коммуны» была одним из любимых «пафосных» произведений В. И. Ленина.² Путь Князева показателен: порвав с лагерем буржуазной интеллигенции, он испытал небывалый творческий взлет, незнакомый ни одному сатири-

¹ «Красная газета», 1918, 29 января.

² Н. К. Крупская, О Ленине, М., 1965, с. 96.

концу, бежавшему из России. Саша Черный, Потемкин, Горянский во многом были талантливее его, но их талант медленно глох на чужбине, в то время как Князев, породнившись с революционным народом, создавал лучшие свои произведения.

Литературная деятельность Князева в послеоктябрьские годы является совершенно новой страницей его биографии, тесно связанной с историей советской поэзии.¹

¹ Подробнее о послеоктябрьском периоде литературной деятельности Князева см. данные, приведенные Р. А. Шацевой в сборнике «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1959, с. 524—525.

127. НАРОДНЫЙ МАРШ

По фабрикам душным, по тюрьмам холодным
Несется задушенный стон;
По хатам убогим, полям недородным
Как эхо разносится он!

Но скоро поймут угнетенные братья,
Что сила — в народных руках!
И вместо молитв — раздадутся проклятья,
И месть запылает в очах!

Прочь непогода,
Солнце встает!
Всё — для народа;
Все — за народ!

Пусть жизни хоронят во тьме каземата;
Пусть стонет несчастный народ, —
Ведь каждое слово погибшего брата
Нам новые силы дает!..

И время настанет: исчезнет насилье,
Как долгий томительный сон...
И в битву *мы* вступим, расправивши крылья,
Под сенью кровавых знамен!..

Прочь непогода,
Солнце встает!
Всё — для народа;
Все — за народ!

И в битву мы вступим, не зная пощады,
Свершим мы отмщения пир,
И всюду построим тогда баррикады,
И ими покроем весь мир!..

Сбивайте ж, друзья, трудовыми руками
Позорные путы оков!
Идите скорее с косой и серпами
Под знамя народных борцов!

<1906>

128

Вперед, творец живого слова!
Рази врага мечом сурово!
Твой грозный меч — живая речь!
Вперед, о мститель беспощадный!
Топчи конем врага нещадно,
Твой верный конь — души огонь!
Твой лук — твой ум, а мысли — стрелы,
И жажда мщенья — твой колчан;
Шишак и латы — подвиг смелый,
А шпоры — боль народных ран!..

Вперед! Забудь свои сомненья,
Тяжелых дум гнетущий рой,
Забудь житейские волненья,
Отдайся делу искупленья —
Иди на бой!

Иди на бой!

<1906>

129

Коли вспомнишь подчас,
Что творится у нас, —
Удивительно!
От октябрьских свобод
Чешет спину народ...
Отвратительно!

131. БЕДНЯК

Он весь свой век корпел, уткнувши нос свой длинный
В болото мудрости зело научных врак,
Оброс он плесенью, покрылся паутиной...

— Вот как?

Оброс он плесенью, покрылся паутиной?
Бедняк, бедняк!..

Он сотню написал умнейших диссертаций,
Где фигурируют юсы и твердый знак,
Но он не мог понять, за что мы любим граций...

— Вот как?

И он не мог понять, за что мы любим граций?
Бедняк, бедняк!..

Дни юности своей, дни вешнего брожения
Провел в архивах он, где вечно пыль и мрак,
Не ведая любви, ни мук, ни наслаждений...

— Вот как?

Не ведал он любви, ни мук, ни наслаждений?
Бедняк, бедняк!..

Он умер и зарыт на грязеньком кладбище.
Под черепом его живет теперь червяк;
Он жадно точит мозг и рад научной пище...

— Вот как?

Червь жадно точит мозг и рад научной пище?
Бедняк, бедняк!..

1907.

132. СУПРУГИ МИТИНЫ

Супруги Митины?.. Вот милая семейка!
Как посещу их дом, так сам себя стыжусь!
Для них народ — кумир!..

Но что там за индейка!
Ах, что за гусь!..

Он часто говорит: «Вот если б воедино
Нам удалось сплотить голодный, бедный люд —
Настал бы Судный день!..»

Но что у них за вина!
И где берут?..

Она не отстаёт: «Мне все страдальцы — братья!
Подумайте: иной в лохмотьях кру-углый год!
Ах, как мне жалко их!..»

Но что у ней за платья!
В шестьсот! в семьсот!

А как живут они! — что месяц, то обновка!..
Недавно он купил картину ей: «Погром» —
Две с лишним заплатил!..

Ну что за обстановка!
Ах, что за дом!..

<1908>

133. О КА-ДЕТКАХ ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

Их устои — шатки,
Их победы — редки,
Но их речи — сладки,
Их сравненья — метки!
Вечные нападки
Заслужили ль детки?
Бедные ребятки!
Паиньки ка-детки!

<1908>

134. ПРИЗНАНИЕ МОДЕРНИСТА

Для новой рифмы
Готовы тиф мы
В стихах воспеть,
И с ним возиться,
И заразиться,
И умереть!

<1908>

135. ПАВЕЛ

Мой приятель Павел,
Патриот по духу,
Выше рома ставил
Русскую сивуху.
Был борцом известным,
Златоустом местным
Русского Союза,
Но ему, о муза,
Выпал тяжкий номер:
От патриотизма,
От алкоголизма —
Помер!

<1908>

136. ЛИБЕРАЛ ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

— Долой прогнивший, затхлый мрак!
Лишь новые порядки,
При коих счастлив будет всяк...
Не те! .. не те! .. молчи, дурак!
Не те даешь перчатки! ..

— Мы, господа, имеем честь
Быть центром возрожденья!
Корабль народный к счастью весть...
Иван, цилиндр! .. тут, право, есть
И честь и наслажденье!

— На этом кончу я... Итак —
Ура-а! да канут в Лету
Прогнивший строй, прогнивший мрак...
Пальто! .. не то! .. молчи, дурак!
Вели подать карету! ..

<1908>

ЦІОК
ВБ провнція 12 коп.

САТИРИКОНЪ

1908 еженедѣльное изданіе № 6

РУССКІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Рис. Р. Ма.

1905

1908

ПРАВИЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ.

Обезьянам (перед клеткой с людьми): — Вот, как измалычь и выродился нашъ некогда великій родъ.

137. ДУРАК

Всецело преданный минувшего заветам,
Он страстно бичевал царящий в жизни мрак
И часто голодал, и был гоним при этом...

— Вот как?

Он часто голодал и был гоним при этом?

Дурак! дурак!

Порой смущал его горячий призрак счастья,
Но он... бежал тогда на бедный свой чердак,
Чтоб разрушать... пером — твердыни

самовластья...

— Вот как?

Он разрушал... пером — твердыни самовластья?

Дурак! дурак!

Он ясно понимал, что мог бы быть известным
В наш век упадочный бездарнейших писаек,
Но он решил в душе быть искренним и честным...

— Вот как?

И он решил в душе быть искренним и честным?

Дурак! дурак!

—

Недавно я, бродя бесцельно по столице,
Зашел к нему... увы! — был пуст его чердак!
Он умер, господа, в Обуховской больнице...

— Вот как?

Так, значит, умер он в Обуховской больнице?

Дурак! дурак!

<1908>

138. ПАТРИОТ-ГУБОШЛЕП

Отчего, почему? — старожилы спроси,
Я и сам-от немало дивился,
Как проведаль впервой, сколь у нас на Руси
Патриот-губошлеп расплодился!

Заморянин везде: на Урале, в Баку,
В Петербурге, в Сибири и в Сочи,
А природный русак знай лежит на боку —
Мы, де, больше к полатам охочи!
Хочешь лесу? — так што ж: откупей да руби!
Аль боишься: не хватит, мол, места?
Да у нас... от Невы вплоть до самой Оби
Ни во што, брат, не ставится лес-то!
Да уж мы, брат, не вы! да у нас, брат, всего —
Изобилие, полная чаша!
Англичанин? француз? немчура? — о-го-го! —
Всех вас кормит росейская каша!
К нам, на Русь-то, ваш брат приползет нагишом,
Егозит, лебезит у заборов,
А проходит годок, глядь — и смотрит ершом,
Станет сытый да гладкий што боров!

Отчего, почему? — старожиллов спроси,
Я и сам-от немало дивился,
Как проведаль впервой, сколь у нас на Руси
Патриот-губошлеп расплодился!

<1909>

139

О чем писать?.. А тем так много,
Живых и благодарных тем,
Но между тем —
Не трогай их, не трогай, ради бога!

Ведь наша рать и так уж поредела,
А впереди — всё тот же черный мрак:
И нет конца ему, и нет ему предела...
Скрывай до времени, что в сердце наболело, —
Всесилен враг!

<1909>

140. С НАТУРЫ

После сытного обеда
В кабинете у Володи
Долго шла у нас беседа
О страдающем народе.

«Да, — вздохнув, промолвил Фатов,
Развалившись на диване, —
Гибнут в царстве плутократов,
Гибнут русские крестьяне!»

— «Что ж поделывать? — отозвался
Князь Павлуша Длинноногий. —
Я работал, я пытался...
Но налоги...» — «Ах, налоги!»

— «Да, налоги и при этом —
Темнота, разврат и пьянство!
Проследите по газетам:
Вырождается крестьянство!..»

После сытного обеда
(Ну и повар у Володи!)
Долго шла у нас беседа
О страдающем народе...

<1909>

141. ГОСПОДИН СМЕРДЯЩИЙ

Похотлив и сален,
Идеалы спален
Восхваляет нам
На всю Русь гремющий
Господин Смердящий,
Развращенный Хам!

«Упивайтесь смело
Вешним хмелем тела;

Стыд — пустой мираж!»
Что за мысли! Bravo!
Честь тебе и слава,
Просветитель наш!

Щеголял ты прежде
В нищенской одежде,
Развлекал трактир,
А теперь ты — гений!
И твоих «творений»
Жажде! «целый мир»!

Но... «творенья» эти
Ведь прочтут и дети...
Ах, какой пассаж!..
М-да, досадно, право!..
Честь тебе и слава,
Просветитель наш!

<1909>

142. ПАТРИОТ СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА

М-да-с, едва ли
Вы знавали
Ферапонта Ильича!
Ноги — бревна,
Чрево — эва!
Нос — краснее кумача!
Как он пылок
Средь бутылок!
Только гаркнет: «О-го-го!
Бей стаканы!»
Океаны
По колено для него!
«Что нам немцы —
Иноземцы!
Лондон, Бёрлин, Вена, Рим?!
Мы, славяне,
Этой дряни
И дохнуть-то не дадим!

Молвим слово,
И — готово:
От Амура до Оки
Засверкают,
Забряцают
Измаильские штыки!»

М-да-с, едва ли
Вы знавали
Ферапонта Ильича!
Ноги — бревна,
Чрево — эва!
Нос — краснее кумача!

<1909>

**143. ГОСПОДИН ВСЕРОССИЙСКИЙ ОБЫВАТЕЛЬ
НАШИХ ДНЕЙ**

Сологуб
(с пафосом)
Я верю в Дьявола! Я верю в Сатану!
Обыватель
(зевая)
Да ну?
Толстой
(учительно)
В непротиелении подобны будьте льну!
Обыватель
(тупо)
Да ну?
Мережковский
(трагически)
Вы бога ищете? Я бога вам верну!
Обыватель
(ковыряя в носу)
Да ну?

Утопающий
(*вопит*)

Спасите!.. Боже мой!.. Товарищи!.. Тону!..

Обыватель
(*с берега*)

Да ну?

<1909>

144—146. ДИКОЕ МЯСО
ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

1

ДЯДЯ САРАЙ

У дяди Сарая
Натура сырая:
Что лапоть носище,
Что стог животище,
А ноги-то — ровно
Мореные бревна.

Для дяди Сарая
Ненадобно рая:
Была бы избенка,
В избенке — бабенка,
Да в клети у бабы
Холстина была бы.

Возьмешь — не узнает,
Пропьешь — не облает:
«Моя-то Алена —
Куды как смирена;
А пикнет — так разом —
И вспухнет под глазом!»
В оглоблю ручища,
В сто пуд кулачище!

2
КАЗИМИР

Мой приятель Казимир
Мыслит очень здраво:
Если вправо есть трактир —
Он идет направо.
И — хоть тресни левый стан,
Он — не повернется!
Разве... только... ресторан —
Слева попадетсЯ.

3
ВАВИЛА

Вавила Утробин —
Тюленю подобен:
Инертная глыба,
Немая, как рыба.
Усядется рядом,
Окинет вас взглядом:
«Што... мать-то... здорова?» —
И... больше ни слова!

<1910>

147

Блещет солнце золотое.
Блещет небо голубое.
В сладкой неге движет воды полусонная река.
У воды — толпятся ивы,
И — легки и прихотливы —
Надо мною чередою проплывают облака.

Я лежу в траве высокой,
Я гляжу с тоской глубокой,
Но... не рвусь уже душою в неразгаданную даль.
Крылья — смяты, грудь — разбита...
Но всего, что пережито, —
жаль...

<1910>

Мы — дети веселого смеха.
 Мы — солнечной сказки пророки.
 Как мы одиноки!..
 Лишь эхо
 Нам вторит...
 Мы — дети веселого смеха.
 Кто путникам двери отворит?..

Давно уж в холодные груди
 Стучим без успеха:
 «Впустите нас, люди!» —
 Лишь эхо
 Нам вторит!..
 Нам двери никто не отворит!
 Мы — дети веселого смеха,
 Мы — солнечной сказки пророки.
 Как мы одиноки!..

<1910>

149. КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Тили-тили-тили-бомм!
 Били, били стены лбом;
 Били так, и били эдак,
 И решили напоследок:
 «Кто не хочет быть рабом
 (Бим-бам-бом!),
 Кто не хочет быть рабом —
 Пробивай дорогу лбом!»
 Бомм!

Тили-тили-тили-тили!
 Стены лбами колотили,
 Кулаками молотили —
 Запретили!
 (Бим-бам-бом!)
 Много шуму, много пыли!
 (Бим-бам-бом!)

«Кто не хочет быть рабом —
Упирайся в книги лбом!»
Бомм!

Тили-тили-тили-бомм!
Упирались в книги лбом!
В пыльном хламе библиотек
Ждал несчастный идиотик:
Вот, мол, вот! —
Отращу себе животик. . .
Вот, мол, вот! —
Под эгидой мудрой власти
Позабуду все напасти;
Перестану быть рабом.
Бим-бам-бом!
Бим-бам-бом!

Тили-тили-тили-тили!
Ждали, ели, спали, пили;
Мозг и сердце притупили,
Но вопили
(Бим-бам-бом!):
«Мы погрязли в грязном иле!»
(Бим-бам-бом!)
«Кто не хочет быть рабом —
Постучись к Форелю лбом!»
Бомм!

Тили-тили-тили-бомм!
Снова били в книгу лбом!
Били так, и били эдак
И решили напоследок
(Бим-бам-бом!):
«Как привольно жил наш предок!»
(Бим-бам-бом!)
«Вольной воли не калеча,
Собирался он на вече.
Да уж... видно — не про нас
Дедов квас! . . .»
Мда-с!

<1910>

150. СЛЕПОЙ

Пустынной и дикой тропой,
Поросшей колючей травой,
Ползу я, несчастный слепой,
Ползу я и жалобно вою,
А ветер, могуч и свиреп,
Рвет в клочья дырявое платье...

— Подайте калеке на хлеб!
Не будьте жестокими, братья!
Подайте калеке на хлеб!
Он в лучшие, светлые годы
От солнца желанной свободы,
От близкого солнца ослеп.

Я помню великие дни,
Я помню святые недели...
Как ярко пылали огни!
Как царственно песни гремели!
Уж рухнул томительный склеп,
Как вдруг... отовсюду... Проклятье!

— Подайте калеке на хлеб!
Не будьте жестокими, братья!
Подайте калеке на хлеб!
Он в лучшие, светлые годы
От солнца желанной свободы,
От близкого солнца ослеп.

Нас встретил внезапный отпор,
Стихийный и бурный, как море;
Мы — пали... Но, помня позор
И жажда забвения, вскоре
Мы бросились в грязный вертеп,
К пьянящему блюду в объятья...

— Подайте калеке на хлеб!
Не будьте жестокими, братья!
Подайте калеке на хлеб:

Он в лучшие, светлые годы
От солнца желанной свободы,
От близкого солнца ослеп.

<1910>

151

Вчера не мог заснуть я до рассвета:
Случайно найденная старая газета
Навеяла воспоминаний рой
О днях былого... Предо мной

Вставали площади, покрытые толпою,
И гордый смелый гимн торжественно звучал,
И речи страстные лились рекою;
Прибой крепчал!..

Я вспомнил дни Московского восстанья
И смерть борцов на гребнях баррикад,
И палачей, не знавших состраданья,
И виселиц безмолвный ряд...

.....
Я вспомнил всё, и до рассвета
Лежала предо мной газета...

<1910>

152. ЕЛКА

1

О, дайте нам елку, волшебную елку
С гирляндами пестрых огней;
Заставьте томиться, заглядывать в щелку,
Гореть у закрытых дверей.

Насытите нам взоры обманчивым блеском
Сверкающих нитей и бус;
О, рвитесь, хлопущи, с неистовым треском.
Визжи от восторга, бутуз:

«Сюрпризы! Сюрпризы!.. Смотрите-ка, краски!
Бумажное платье... Кольцо!»
И блещут, как звезды, довольные глазки,
И пышет восторгом лицо.

2

Я вместе с толпой изможденного люда
Томлюсь у заветных дверей:
«О, дайте нам чуда, прекрасного чуда!
Впустите голодных людей.

Мы серы, как пепел, мы голы, как крысы,
Но мы обещаемся впредь —
Поверить в афишу, забыть про кулисы
И только на сцену смотреть.

Пусть взор нам насытит невиданным блеском
Сокрытых рефлекторов ряд.
(О, падайте, горы, с неистовым треском!
В заслонки, статистов отряд!)

Сюрпризы. Сюрпризы... Ба, «Синяя птица»!..
Прогресс... Человечество... Бис!»
О, как хорошеют изжитые лица,
Согретые чудом кулис!

3

О, дайте нам елку, волшебную елку
С гирляндами пестрых огней;
Заставьте томиться, заглядывать в щелку,
Гореть у закрытых дверей!

1910

153. РЕКВИЕМ

Мы — пассажиры с разбитого брига,
Сжатого льдом;
Всем нам мерещится, ночью и днем, —
Белая лампа над белым столом,

Тихая комната, мирная книга...
Мы — пассажиры с разбитого брига.
 Нам ли, живущим в былом,
 Сбросить стоцепное иго!..

.

<1911>

154. НЕДРЕМНОЕ ОКО

С конки на конку,
Кубарем вдогонку,
Соколом в трамвай,
За крамольным пледом,
Следом, следом, следом --
Дуй, не унывай!

Линия?.. Рота?..
Из ворот в ворота,
С лошади на трам,
Шариком на конку,
Кубарем вдогонку,
Гончей по следам.

Острым глазом
В пять карманов разом:
«Это что за груз?..
(Смотрит хмуро-косо,
Сам — длинноволосый...)
Бомба иль арбуз?..»

Прочь, сомненье!
Миг на размышленье —
И движеньем лап
За убогий ворот
(Порот-перепорот)
Мышку — цап-царап!

<1911>

155. ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ «САТИРИКОНА»

Мистер Кранец — иностранец,
Верноподданный Вильгельма.
Сюртучок на нем без складки,
Глазки — масло, речи — сладки
(Замечательнейший шельма!),
Слаще патоки и меда. . .
Мистер Кранец — иностранец,
Сын культурного народа,
Изобретшего колбасы
И измучившего Гейне. . .
С берегов зеленых Рейна
Без штанов на Русь приехав,
Мистер Кранец — иностранец,
Представитель высшей расы,
Пожинает ряд успехов:
 Очень мило
 Бьет баклуши
 И без мыла
 Влазит в души.

<1911>

156. А. И. ГУЧКОВУ

Совет:
Наплюй на думы!
«Совет» —
Повыше Думы!

<1912>

157—158. <ИЗ ЦИКЛА «ВОЛЧЬИ ПЕСНИ»>

1

..Morituri vos salutant! ¹

Привет победителям жизни!
Упитанным, трезвым и сытым,
Над полным житейским корытом
Лежащим! —

¹ Обреченные на смерть вас приветствуют (лат.). — *Ред.*

В навозе, на брюхе!
Пусть реют тревожные слухи,
О черном позоре,
Грозящем
Отчизне;
Пылают кровавые зори,
И люди, как слизни,
Беспомощно бьются и гибнут в объятиях тины!
Ликуйте, кретины!

Привет победителям жизни!

<1910>

2

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Волчонок, спи! ты — должен спать!..
Ты должен силы накапливать,
Чтоб в дикой жизненной борьбе
Кусок достался и тебе!..
Коль быть не хочешь на цепи,
Волчонок, спи!

Мы не собаки — волки мы!..
Мы для людей — страшной чумы;
Ты слышишь, щелкают курки?..
Расти, мой сын, точи клыки!
Бессильным места нет в степи;
Волчонок, спи!

Лишь когти кормят нашу рать!..
Мужай, коль хочешь жить и жрать
И, встретив пса в глухом лесу,
Клыками впиться в горло псу!
Волчонок, спи! волчонок, спи!
И в сердце ненависть копи!

<1913>

159. В ЧЕМ ДЕЛО?

Гродненский губернатор не разрешил поэту Яффе прочитать лекцию о Палестине.

(«Правда»)

Прочитавши весть об этом,
Я в душе почувял бунт:
Палестина под запретом!
Па-ле-сти-на!! Вот так фунт!
Но, остыв, я понял ныне,
Что неверен был мой путь;
Дело тут — не в Палестине,
Дело — в Гродно!.. Вот в чем суть!

<1913>

160. АРКАДИЙ ЛЕЙКИН

1

Я помню дни: в веселой нашей роще
Царил и властвовал ремесленников цех,
Цвел трафарет и гарцевал на теще
Замызганный, лишенный хмеля смех.
И в эти дни, которые я вправе
Брезгливо выкинуть из памяти моей,
Явился — Он, с могучим словом «Ave»,¹
И развенчал всех наших королей.

Он был как вихрь. Влюбленный в жизнь
и солнце,
Здоровый телом, сильный, молодой,
Он нас пьянил, врываясь к нам в оконце,
И ослеплял, блестя меж нас звездой.
Горя в огне безмерного успеха,
Очаровательно дурачась и шая,

¹ Да здравствует, славься (лат.). — Ред.

Он хохотал, и вся страна, как эхо,
Ликуя, вторила веселью короля.
О, как он был в те дни России дорог!
О, как мы верили, что он наш светлый Феб!
Мы, изглодавшие мильоны черствых корок,
Давно забывшие, что значит свежий хлеб.

2

Шли дни. Король шалил. Талантливо-блестяще
Лишь над поверхностью гнилых болот скользя,
Он их не осушал и в гиблой дикой чаще
Не вешал вывесок: «Друзья, здесь жить нельзя».
Шельмуя и грома казенных геродотов
За их убожество, за пошлость их речей,
Он сам — по лоб увяз в еврейских анекдотах
И полузатонул в трясине мелочей.

Его животный смех, столь милый нам вначале,
Приелся, потеряв пикантность новизны;
И тщетно в нем искать застрочных нот печали,
Духовной ценности, идейной белизны.
Веселый, грубый смех. Смех клоуна. Как странно.
Но разве нужен нам *такой* дешевый смех?
О, если б он звучал под крышей балагана,
О, если бы он *там* жал бешеный успех!
Но он звучит — среди нас! Талантливо-блестяще
Над потным зеркалом гнилых болот скользя,
В то время, как вся Русь блуждает в гиблой чаще
И хочется кричать: «Так больше жить — нельзя!»...

3

А... «волчьи ягоды»? Конечно, для мальчишек
Такие ягоды — геройства верный знак.
Но... диво ль шельмовать ничтожных шалунишек
Для удовольствия большущих забияк?

<1913>

Скоро стукнет восемь лет,
Восемь лет, как солнца нет. . .

Время подлое и злое
Завалило к солнцу дверь,
И недавнее былое
Сказкой кажется теперь.

Где вы, яркие одежды
Нашей солнечной весны,
Упоенья и надежды,
Откровения и сны?

Где вы, люди-исполины
С бурным пламенем в груди?
Где победные дружины?
Где могучие вожди?

Где?.. Ужели всё разбито:
И мечты, и наша рать,
И без нового корыта
Нам придется помирать?

Неужели к нам в оконце,
Разодрав завесу туч,
Воскресающего солнца
Не заглянет яркий луч?

«Неужели?» И, как колос,
Бард осел, склонив главу. . .
Вдруг он слышит громкий голос:
«Кто здесь хнычет?.. Эй, ау!..»

«Что случилось?» — «Небо пало!» —
«Вот как, вправду?» — «Брат, беги!
Всё погибло. . . всё пропало. . .
Видишь сам: вокруг ни зги!!!»

«Слушай, — молвил бодрый голос, —
Смелым духом нет преград!
Ваше сердце — расколосось;
Наше — бьется! Понял, брат?..

Мы дорогою одною
Шли доньше, но теперь —
Проходи, брат, стороною,
Не мешай таранить двери!»

Скоро стукнет восемь лет,
Восемь лет, как солнца нет...

2

Мы были вождями в те бурные дни,
А преданным войском — они.
С могучею верой: победа близка! —
Бросали мы в сечу войска.
Прошли, отшумели те бурные дни.
Мы — пали... Но... где же они?
Ах, горестна участь несчастных людей,
В бою потерявших вождей!

Друзья, я теряюсь... друзья, я смущен...
О боже, какое нахальство:
Войска уцелели, но ими смещен
Весь корпус бывшего начальства.
Я было толкнулся (ужасный момент!)
В их лагерь, окопанный рвами:
«Гей! кто там? Что нужно?» —
«Я — интеллигент».
— «Ну?» — «Прибыл командовать вами».
— «Да? Вот как?» — В ответ мне загрохали
рвы.

«Да? Вот как?» — хихикнуло эхо,
И около часу служил я — увы! —
Мишенью для грубого смеха.
Финал? Был ужасен неожиданный финал!
Нет в мире печальнее были:

Я плакал, я рвался, взывал, проклинал,
Но в лагерь меня — не пустили...

Мы были вождями в те бурные дни,
Безропотным войском — они.

<1913>

163. ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ
СЛУЧАИ ИЗ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЙ ПРАКТИКИ

1

Портного
Иванова,
Пьяного
И больного,
Ударил городской сапогом —
В грудь. Что есть мочи.
Это было в час ночи.
Стояли люди кругом
И — смотрели.
Я — тоже смотрел.

«Неужели, —
Сказал я, — нельзя обойтись без пинков?
Ведь это же — больно...»
— «А ты... кто таков?!»
И, невольно
Вздвогнув, солгал я: «Мой дядя — писец
Градоначальства!»

Ахнул наглец
И, покраснев, извинился за грубость свою
и нахальство.

2

Четверо били какую-то женщину. Дико
Выла она, сапоги их хватая руками.
Этого крика
Вынести не мог я и к ним обратился с словами:

«Слушайте, бросьте. . .

Стыдитесь, ведь вы — не татары!

Женщину бить — недостойно!»

От злости

Красные все, «Убирайся!» — они отвечали, удары

В грудь мне направив:

«Ну? .. Живо! ..

Откуда явился!»

Гордо пожавши плечами, я гордо от них удалился.

<1913>

164. СО СТОРОЖЕВОЙ ВЫШКИ

Не стройте близ сел драгоценные виллы,
Бегите деревни, как мертвых пустынь,
Здесь зреют враждебные, страшные силы
Для вашей культуры, для ваших святынь!
Как вихрь пролетая по сумрачным селам,
Гоните, бичуйте вспененных коней!
Спешите, спешите, иль камнем тяжелым
Вас сбросит с сиденья орда дикарей!

Безумцы, очнитесь! Покуда не поздно —
В союз: просыпается дремлющий лев!
А если он встанет? А если он грозно,
Как скалы, на город обрушит свой гнев?
Спасетесь? *Куда?* Под стопой великана
Рассыпятся стены твердынь и палат!
Всё рухнет! .. Мы пляшем у жерла вулкана;
Во имя спасенья культуры — *назад!*

Назад! к феодалам! в подземные норы!
За рвы, за окопы, под толстую бронь!
Прочь маски! прочь слепо-гуманные вздоры!
Долг, равенство, братство, свобода — *в огонь!!!*
Остался лишь месяц. . . Осталась — неделя. . .
Он — дремлет, он — встанет. . . Он — встал!
Он — идет! ..

О, боже, он режет холсты Рафаэля!

Он — Данте, он — Грига, он — Пушкина жжет!!!

Мольбы о пощаде? Напрасные звуки!
Щадить? Но скажите: во имя чего?!
Во имя веков униженья и муки?!
Щадить? .. Ну, а вы-то... щадили его?!

Безумцы, очнитесь, вставайте: не поздно!
Еще не проснулся рыкающий лев;
Еще не обрушены, тяжело и грозно,
На светлый ваш город безумье и гнев!

<1913>

165. ГАЗЕТНЫЙ НЕВОЛЬНИК

Посв. А. Славатинскому

Так, день за днем, всю жизнь, без перемены
И проведет замученный поэт —
Среди опилок цирковой арены,
Жонглерством рифм дивя капризный свет.

На каждый шум, ничтожно-злободневный,
Свой отклик даст — свист меткого бича,
Навек расставшись с музой задушевной
И на распятие ее влача.

Поденщик злой, невольник черни праздной,
Производитель однодневок-строк,
Он праздно льет свой стих однообразный
В мгновенно высыхающий поток.

И не собрать, не переплесть их в книги,
Обмолвки-искры острого пера:
Рождаясь, гибнут золотые миги,
«Сегодня» душит робкое «вчера».

В галоп! в галоп! Скачи, не отставая,
За темою сегодняшнего дня.
Минутному все силы отдавая,
В галоп! в галоп! Иль — к дьяволу с коня!

И вот, когда певучее томленье
Его волной горячею обдаст,

Замыслит он высокое творенье
И . . . ничего, бедняга, не создаст!

«Готовых рифм» немолчный рой мгновенно
Мелодию святую заглушит;
И никогда не вырваться из плена
Тому, чей дар служеньем дню убит!

1913

166. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМН ГОТТЕНТОТОВ

Кой толк в ханжах и рёвах?
Бежав от их идей,
Приветствую я новых,
Сегодняшних людей!
Пускай скрипит святоша:
«Одумайся, Антоша!»
Веселого дебоша
Мне по сердцу размах!
Ах ты, моя калоша! . .
Ах, трах, та-ра-ра-рах!

Что жизнь? Одно мгновенье!
Что смерть? Желанный сон!
Во имя дерзновенья, —
Долой ярмо кальсон!
Пускай скрипит святоша:
«Простудишься, Антоша!»
Веселого дебоша
Мне по сердцу игра!
Ах ты, моя калоша! . .
Ах, дзынь-та-ра-ра-ра!

Дрожать над идеалом,
Награды ждать века?
Э! Лучше одеялом
Укутаем бока!
Пускай скрипит святоша:
«Обленишься, Антоша!»
Веселого дебоша
Мне по сердцу размах!

Ах ты, моя калоша!..
Ах, трах, та-ра-ра-рах!

Зернистою икрою
Покрыв румяный блин,
С улыбкою открою
Отверстие в овин.
Пускай скрипит святоша:
«Подавишься, Антоша!»
Веселого дебоша
Мне по сердцу игра!
Ах ты, моя калоша!..
Ах, дзынь-та-ра-ра-ра!
Ура-а-а!

<1914>

167. У ПЕЙЗАН

Как стра-а-нно! К чужим, незнакомым
крестьянам,

Иванам, Петрам и Касьянам,
Попал я — столичный, манерный поэт.
Здесь воздух — моэт,
Но люди... ах, люди — совсем папуасы...
Какой они расы?
Я пробовал дать им понятие о мире,
На солнечной лире
Бряцал неустанно...
Как странно!
Когда мои струны
Перуны метали,
Они — хохотали.
Какой-нибудь Митрич в окошко
Совал мне лукошко
С краюхой:
«Эй, парень, послухай,
О чем ты лопочешь?
Прими, коли хочешь,
И лопай».

И это зовется — Европой!!

<1914>

Слава тем, кто рано понял
 Прелесть жизни молодой,
 Кто весны не проворонил:

 Пред бедой —
 Не двинул бровью,
 Молодой —

 Горел любовью...

Слава тем, кто бодр и весел,
 Кто, под бременем невзгод,
 Нос на квинту не повесил,

 А — *живет!*

<1914>

169—171. *〈ИЗ ЦИКЛА
 «ПРОКЛЯТЫЙ ГОРОД»*

1

Петрограда вы не видите. Там, где
 он должен быть, большое, темно-
 серое, почти черное, пятно. До того
 загрязнен воздух.

(Показание летчиков)

...И стоят на болоте
 Прокаженные зданья.
 В зданьях, в вечной заботе,
 Гибнут божьи созданья.

Каждый год на кладбища
 Их отвозят без счета,
 Бесконечные тыщи
 Жертв гнилого болота.

Но, на месте зарытых,
 Бьются снова и снова
 На проплеванных плитах
 Волны моря людского.

Вот, чахоточный помер —
 Весть несется по дому,

И... сегодня же «номер»
Отдается другому.

А матрац зараженный
Отсылают... кухаркам,
Донельзя пораженным
Этим щедрым подарком.

Небо — вечно в тумане,
Почва — вечно в мокроте:
Как в поганой лохани,
На поганом болоте!

Мудрено ль, что над нами,
Над гнильем Петрограда,
В ясном небе повисла
Туча черного смрада?

2

В Питере два миллиона
Дряблых, хрипящих грудей
Вяло, уныло и сонно
Жизнь проводящих людей.
Черным вампиром болото
Алую кровь их сосет,
Тяжким кошмаром забота
Давит и встать не дает.
Небо там — сумрачно-серо;
Дрянное небо! Под ним
Стынет горячая вера
И исчезает, как дым.

Вяло, уныло и сонно
Люди влачат свои дни,
Смех их звучит похоронно,
Солнца — не видят они.
В мертвых громадах кирпичных,
Мокрых от вечных дождей,
Много их — серых, безличных,
Смертью дышащих людей.

Черным вампиром болото
Алую кровь их сосет,
Тяжким кошмаром забота —
Давит и встать не дает.

8

Около $\frac{1}{3}$ всего количества петроградских школьников никогда не слышало пения птиц.

(Статистика)

Дети каменной неволи
Многоярусных гробниц!
Не бывать в зеленом поле,
Не слышать весенних птиц!

Вместо шума вешних веток,
Вместо песен соловка —
Наглый треск мотоциклеток,
Дробь трамвайного звонка!

Где вы, волны аромата
Расцветающих полей?
Где, в лазури небоската,
Вереницы журавлей?

Небо сдавлено домами,
Блеск лазури хмур и груб, —
Распростерт меж ним и нами
Черный дым фабричных труб!

<1914>

172. <ИЗ ЦИКЛА «ПО ПЕТРОГРАДУ»>

БОЛЬШАЯ ОХТА

Городок в табакерке, со столицей бок о бок,
Сеть коротеньких улиц, бегущих в Неву.
Не дома, а собранье картонных коробок
На дворах, приютивших репей и траву.

Всё игрушечно здесь: и дома, и лавчонки,
И управа, и славный Ириновский путь,
Среди улиц частенько играют мальчонки
И коровы бредут близ Невы отдохнуть.

Поперек же селения лентою резкой,
Местной гордости вечный и сладкий объект,
Протянулся свой собственный, охтинский,
«Невский» —
Большеохтинский людно-базарный проспект...

<1914>

173

Я могучею войною
Побежден:
Сдаться врагу без боя
Принужден.
Пусть в груди иные звуки
У меня,
Преисполненные муки
И огня, —
Хороню их, укрываю
В глубине
И, трепещущий, слагаю
Гимн войне.

Каждый миг противоречья,
Каждый миг!
Но... не в силах сбросить с плеч я
Злых вериг!

Но не в силах позабыть я
В злом плену
Про кровавые события,
Про войну!

Я могучею войною
Побежден
И, застигнутый волною,
Принужден,

Хороня иные звуки
В глубине, —
Петь, стена от лютой муки,
Гимн войне!

Август 1914

174. ПАРАЗИТЫ ВОЙНЫ

Сперва издатель чуть не помер:
Война! застой во всех делах,
Торговле — мат, журналам — крах!
Потом, мах-мах, —
«Военный номер»
Слепил и выпустил... Аллах,
Какой успех! — все до одина
Торгаш распродал номера!..
Ура, товарищи, ура,
Какая чудная картина!

Там, где-то, кровь течет и хлещет,
Там, где-то, бьются грудь о грудь,
А здесь галерка рукоплещет,
Приветствуя гнилую муть
Беллетристической дешевки
Производителей «Биржевки»
Et cetera, et cetera...¹
Война ли, мир ли — всё едино
Для «гениального пера»...
Ура, товарищи, ура,
Какая чудная картина!

Редактор «Синего журнала»,
Шебуев, гордо заявил,
Что он помрет в расцвете сил,
Коль скоро русских будет мало,
Чтоб Русь от немцев защитить...
Какая прыть! какая прыть!
Там, где-то, акт высокой драмы,
Шрапнель, фугасы, волчьи ямы;

¹ И так далее, и так далее (лат.). — *Ред.*

Что пункт, то ад, что яма — гроб!..
А здесь, в целях саморекламы,
Свинцом дырявят медный лоб.
Чернь рукоплещет: «Вот мужчина!
Он между нами — что гора!»
Ура, товарищи, ура,
Какая чудная картина,
Какая дивная пора!

1914

175. ПЕСНЯ ИЗ ПОДВАЛА

Всё слышнее, всё слышнее
Топот ног!..
О, иди ко мне скорее,
Мой сынок.
Изнуренный злой работою,
В тоске,
Я сижу, томим заботой
О куске.
Там, над нами, там, над нами,
Детский бал,
Залит яркими огнями
Шумный зал.
Пышет жар от детских щечек,
Блещет газ...
Только... праздник тот, сыночек,
Не для нас!

Всё слышнее, всё шумнее
Топот ног!
О, иди ко мне скорее,
Мой сынок.
Посажу тебя я рядом
На скамью,
Буду жечь горящим взглядом
Грудь твою.
О; как впала, почернела
Эта грудь!
Только кости... Где же тело?..
Что за жуть! —

Вечно биться и трудиться,
И страдать,
И... в подвале, как мокрица,
Прозябать!

Стены плачут, стены плачут, —
Погляди...
Это значит, это значит,
Что в груди —
Как в могиле: пять-шесть ночек
Не пройдет —
Задохнется твой сыночек
И... умрет!..

<1915>

176. ДМИТРИЮ ЦЕНЗОРУ
ДРУЖЕСКАЯ ШАЛОСТЬ

Дмитрий Цензор плачет сдуру:
«Дал же бог такую кличку.
Все суют меня в цензуру —
Мне ж цензура не в привычку,
Я хочу в литературу!»

Дмитрий Цензор, слезы вытри,
Ты повсюду в ложной шкуре, —
Всё тебе не по натуре.
Ты в поэзии Лжедмитрий
И лжецензор ты в цензуре.

<1915>

177. КАИНОВА ПЕЧАТЬ

Летописцы текущей войны,
Безусловно, отметить должны,
Как откликнулось наше купечество
На мольбы и стенанья отечества.

Как неслыханно хлеб дорожал,
Как кричали ребята голодные,

И без дров, замерзая, дрожал
Угловик в эти ночи холодные.

Дел постыдных нельзя замолчать.
Буря стихнет, гроза успокоится,
Но с чела их позора печать —
Никакими веками не смоеся!

1915

173. ЗАЩИТНЫЕ СТРОЧКИ

Он пропал, пропал безвременно,
Сплюснен тяжким каблуком.
Прикрывайтесь, кудри, временно
Развеселым колпаком.

Ни разящего, ни острого,
Ни иголок, ни кнута,
Но как можно больше пестрого —
Звучных песенок шута!
Чтобы рифмочки-шаркунчики
Мягко звякали в тиши,
Чтоб мыслишки-попрыгунчики
Не гревожили души.

Пробегаемая наскоро
Легких строчек полоса
Щекотала ухо ласково,
Как безжалная оса:
«Ах, друзья, мол, обыватели,
Как приятен свод небес!
Ах, почтенные читатели,
Как красив зеленый лес!
Ах, как славно перелесками
В мураве-траве бродить;
Ах, зачем словами резкими
Прерывать восторгов нить?»

Хорошо! Согласен. Кончено!
Преломись, древно копыя! . .

Подмалевана, утончена
Песня грубая моя.
И в коротеньком камзольчике
Я беспечно, как и все,
Сею рифмы-колокольчики
На газетной полосе.

1915

179. В ТИБЕТЕ

Блещут ярко, ослепляя очи,
Золотые купола на храмах,
Молят ламы бога дни и ночи,
Перед ним лампы возжигая.
И, свершая таинство обряда,
Сыплют рис и в раковины трубят,
Выделяясь нищетой наряда
Среди общей пестроты и блеска.
Много злата, камней самоцветных,
Тканей, шкур, медовых сот и хлеба
Прячут ламы в тайниках заветных,
За стеной высокой монастырской.
Неустанно копят, точно пчелы,
Отнимая от земли для неба
То, что в год голодный и тяжелый
Так нужно голодному Тибету.

Ой, смотрите, берегитесь, ламы:
Словно туча, грозен Шакья-Тубба!
Распахните тайники и храмы,
Ревом гонга доли созывая:
«К нам! Сюда! Здесь золота — без счета!»

.
Но... увы: ни звука за стеною.
А литые, медные ворота,
Как всегда, — на пятерном затворе.

1916

1

СОБОРНАЯ МОЛИТВА

Для спасенья наших касс,
 наших прибылей и нас
 Просвети сознание масс,
 Господи!

Докажи, как дважды два,
 что на сладкий кус права —
 Монополья буржуа,
 Господи!

Ведь, коль скоро люд поймет,
 что полыни слаще мед,
 Пчельник он себе возьмет,
 Господи!

Будет сам блюсти рои,
 сочных сот ломать слои
 И в карманы класть — свои,
 Господи!

Мы ж, без вкладов и без рент,
 кончим жизнь свою в момент,
 Угодив под монумент,
 Господи!

Ведь нигде и никогда
 не вкушали мы труда, —
 Ждет нас лютая нужда,
 Господи!

Для спасенья наших касс,
 вкладов, рент и грешных нас
 затемни сознание масс,
 Господи!

<1917>

2

ВЕРЮЮ

Во единого бога-творца,
 Золотого тельца,
 Жизнь дающего полною мерою,
 Верую.

В чудотворный процент,
Силу вкладов и рент
С их влияний чудовищной сферою,
Верую.

В благородный металл,
Во святой капитал,
Возносящий над участью серою,
Верую.

Обещаюсь идти
По святому пути,
Не смущаем иною карьерою;
Верую.

<1917>

3

СКРИЖАЛИ ЗАВЕТА

1

Я — Золото, божественный металл,
И горести и радости дающий.
Кто мощности моей не испытал?
Хвали меня всяк сущий и живущий,
Я — Золото, божественный металл.

2

Всё прочее — ничто передо мной;
Я — Золото, и всем повелеваю:
Я затопляю мир кровавою волной
И мертвые пустыни оживляю.
Иди ко мне, кто веровать устал
В безгорестный утопий век грядущий,
Я дам тебе опору — капитал.
Хвали меня всяк сущий и живущий,
Я — Золото, божественный металл.

Несть эллина, несть иудея... Есть —
 Мой раб, склонившийся передо мной покорно,
 Обязанный на ниву мира несть
 Моих заветов благостные зерна.
 Честь, совесть, жалость, страх, унынье, гнев —
 Всё покори моей могучей воле.
 Бездушною машиной будь, поколе
 Не принесет тебе плодов посев.
 Иди ко мне, кто, слабый духом, пал,
 Блуждая темною житейской пушей,
 Я дам тебе светильник — капитал.
 Хвали меня всяк сущий и живущий,
 Я — Золото, божественный металл.

<1916>

183. ЖИВОЙ ТРУП

4-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

«Представители народа»...
 Подтасованного рода:
 Через сотни мелких сит
 Вверх проташенный Терсит,
 Что, под фирмою Патрокла,
 Лихо втиснут был за стекла
 Казовых оранжерей —
 Тесь Европу и жирей!

И такой-то плод законный
 Черной магии исконной
 Незабвенных «держиморд»
 И донесь, пятная борт
 Корабля моей отчизны,
 Смеет, в тоне укоризны,
 Рулевому, так сказать, —
 Направление казать?

Но ведь это же... курьезно!
 Нет, подумайте серьезно:

Полусгнивший, жалкий труп
Покидает мирный сруб
И с зловонного погоста
Шлет отчизне (очень просто!)
Свой кладбищенский указ:
«Ближе к берегу баркас!»

Нет, почтеннейшие трупы,
Мы не так просты и глупы,
Чтобы слушать мертвеца
С безмятежностью лица!
Не для вас командный мостик:
Неугодно ль — на погостик?
Вас создавшие — мертвы;
Значит, таковы — и вы!

1917.

184. НАСЛЕДСТВО

Пал тиран. Придавлен с детства,
Встрепенуться б мог народ,
Да проклятое наследство
Душу вольную гнетет.
Ясным солнцем бредят очи,
Ясной сказкой бредит грудь,
А кругом — всё той же ночи
Нескончаемая жуть!
Долго ль плакать и томиться,
В жгучем пламени горя?
Скоро ль в небе загорится
Долгожданная заря?
О, как страшно мы устали!
О, как зло изнемогли!
Как нещадно испластали
Сердце матери-земли!
Братья, есть же в мире средство
Прекратить кошмарный бред!
Братья, к дьяволу наследство —
Хватит! Полно — мочи нет!

В мертвом мраке слепнут очи,
Задыхаясь, тает грудь...
Сгинь, трехлетней подлой ночи
Нескончаемая жуть!

Март 1917

185. НИЩИМ ДУХОМ

Пусть могильная мгла
Край родной облегла,
Тяжким саваном жизнь придавила, —
Невредима скала!
Целы крылья орла!
Не в таких передрягах отчизна была,
Да нетронутой прочь выходила!

Ой, не знает Руси, кто ей тризну поет!
Рано, ворог, кладешь побежденного в гроб:
Ну, а что, как усопший-то встанет?
Сон стряхнет, поведет богатырским плечом
Да своим старорусским заветным мечом
По победному черепу грянет?

Все мы так: до поры —
Ни на шаг от норы,
До соседа — ни горя, ни дела,
А настанет пора —
От Невы до Днепра
Неделимое, стойкое тело!

Беспросветная мгла
Край родной облегла,
Тяжким саваном жизнь придавила!
Э, могуча скала!
Целы крылья орла!
Не в таких передрягах отчизна была,
Да нетронутой прочь выходила!

1917

II

Аркадий Сергеевич Бухов родился в 1889 году. Учился он в Казанском университете. За участие в студенческих волнениях был выслан на Урал (в Кочкарь).

Первая книга Бухова — статьи о Блоке и М. Кузмине «Критические штрихи» (Казань, 1909). В 1910-х годах он написал много юмористических рассказов, опубликованных в книгах: «Пять миниатюр» (СПб., 1914), «Тихие неприятности» (Пг., 1915), «Жуки на булавках» (Пг., 1915), «Точка зрения» (Пг., 1916), «Разговор с соседом» (Пг., 1918).

В 1914 году Бухов был призван в армию, где служил вольноопределяющимся, но, как «политически неблагонадежный», был переведен в маршевую роту, а впоследствии — демобилизован.

Бухов сотрудничал в «Сатириконе» и «Новом Сатириконе», редактировал «Синий журнал», помещал стихи и рассказы в «Солнце России», «Всемирной панораме», «Журнале журналов» и других изданиях. Иногда печатался под псевдонимом: Аркадий Братский.

В 1918 году Бухов эмигрировал в Литву; в Каунасе он в течение ряда лет редактировал газету «Эхо».

В 1927 году писатель вернулся в Советский Союз. Сотрудничал в журналах «Чудак», «Бегемот», «Безбожник» и в «Литературной газете». В 30-х годах был приглашен М. Кольцовым в «Крокодил», где печатался вплоть до 1937 года и выполнял обязанности заведующего литературным отделом. Написал множество сатирических памфлетов, фельетонов и водевилей, частью не опубликованных. В их числе: «Извините» (Л., 1928), сатирический роман «История трех святых и некоторых посторонних» (М., 1930), «Дневник Ильи Пророка» (М., 1931) и др. В 1931 году был издан роман-памфлет Бухова «Черное кольцо».

В 1937 году по необоснованному политическому обвинению был арестован. Умер в 1946 году. Посмертно реабилитирован.

186. ЧТО Я НАПИСАЛ БЫ, ЕСЛИ БЫ ОН УМЕР

Ты в жизни шел походкой робкой,
Не видя часто в ней ни зги.
Под черепной твоей коробкой
Лежали мертвые мозги.
А жизнь-то вся, как на бумаге,
До заключительной строки:
Ни героической отваги,
Ни созидающей тоски. . .
На «нет» — ты отвечал: «не надо»,
На крик, — согнувшись в три дуги,
С улыбкой ласкового гада
Лизал послушно сапоги.
Любовь считал пустой затеей
И убежденья — пустяком,
Ища свой хлеб и лбом, и шеей,
На четвереньках и ползком.
Одет хоть скромно, но прилично
(Где надо — смокинг, где — сюртук),
Ты жил ведь, собственно, отлично
Проворством языка и рук.
Вот умер. . . Что ж. . . Мы все там будем. . .
Мы все свершим загробный путь:
Когда-нибудь да надо людям
От скучных будней отдохнуть. . .
Но я хотел бы для порядка
Тебе в могилу кол вогнать:
Боюсь, тебе там станет гадко
И ты вернешься к нам опять. . .

<1912>

187. ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ

В душе омерзительно сиро,
Всё выела жуткая моль,
Но просит редактор сатиру. . .
Смеяться? Ну что же: изволь. . .

На днях у границы болгарской
В какой-то веселенький миг
Был в виде котлеты пожарской
Изрублен столетний старик.
Старуху гранатой убило,
Да что ей — слепа и глуха. . .
Вот смеху-то, смеху-то было:
Желудок распорот. . . Ха, ха!

Какой-то помещик на юге
Комический выявил пыл:
Под смех трехрублевой подруги
Двух старых евреев убил.
Кричал он: «Я всех бы их в груди
Кромсал и не чуял греха!»
Посмейтесь же, добрые люди!
Ну, что же, редактор: ха-ха!

В провинции власть без поблажки,
Там метод решительный мил:
Профессор сидел в каталажке
За то, что он паспорт забыл.
Ученого хлебом кормили
С водой, а водица плоха. . .
Спасибо еще, не побили.
Редактор! Ну что же: ха-ха!

Мучительно наше сегодня,
Где всё — наболевший вопрос;
Редактор, не будьте же сводней
Сатиры и искренних слез.

Смеяться нетрудно, но верьте,
Что жизнь — не пустой балаган
И в жуткой процессии смерти
Противно пускаться в канкан. . .

<1913>

188. ТРАГЕДИЯ КУБИЗМА
КРИТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Рыдала девушка о брате.

.
Ты понял миг и воплотил:
Поставил окуня в квадрате
И кубом бок ему закрыл.
Замазал небо острым клином,
Вбил абажур от лампы в нос
И, сделав подпись гуталином,
К друзьям на выставку повез.
Пришел туда же критик строгий,
Угрюм, начитан и сердит.
Порывшись в новом каталоге,
Нашел он: «Женщина грустит».
«Грустит. . . — подумал он, — однако
Зачем же зонтик вместо глаз?
А на бровях сидит собака
И ест отточенный алмаз?
Зачем на ухе — точно глыбы
Каких-то розовых камней,
А самый облик — в форме рыбы,
И восемь ромбов жмутся к ней?!
Зачем у ней фонарь под носом?!
Фонарь и нос. . . Фонарь. . . Зачем?»
Он приставал к тебе с вопросом,
Но ты молчал, красиво-нем.
Стемнело. Выставку закрыли.
И опустел печально зал. . .
Как лошадь загнанная, в мыле,
Усталый критик познавал:
«Зачем здесь рыба? . . и в квадрате?!
Что должен куб обозначать?!»

И рвал он волосы и платье,
Не в силах смысла разгадать. . .
Рыдал — и не было ответа. . .
Когда ж забрезжил свет вдали,
К крыльцу подъехала карета:
В больницу критика свезли. . .
И там, в припадке истеричном,
Кричал он, ужасом объят:
«Хочу быть смелым и кубичным!!
Зачем, зачем я — не квадрат?!!»
<1913>

189. ВСПОМНИТЕ!
ЮБИЛЕЙНОЕ

Много вас, в провинциальной тине
Утопивших грустно именина,
Всё еще питается доньше
Распыленным прахом Щедрина.
Много вас, с повадкой хитрой, волчьей,
Под цензурным крепким колпаком
Подбирает капли едкой желчи,
Обронённой умным стариком.
Ваш читатель ласковей и проще,
Чем у нас, — он любит простоту,
Но устал: от гласных и от тещи
И от нравов граждан Тимбукту. . .
Знаю я, когда сосед — Европа,
Тяжело перо переломить,
Между строчек, с запахом Эзопа,
Щедриным исправника громить. . .
Тяжело потертые словечки
Доставать из пожелтевших книг,
Старый смех топить в газетной речке,
Потеряв свой собственный язык.
Так-то так. . . А всё-таки берете,
В тине душ бессилье затая:
Щедриным, друзья мои, живете,
Щедриным питаетесь, друзья. . .
Мы — рабы одной каменоломни,
Что зовется — русская печать,
И теперь одно лишь слово — вспомни! —

Мне собрату хочется сказать...
Вспомни, брат, того, кто нам когда-то
Дал слова, какие знал один...

И услышу отповедь собрата:
«Что пристал? Я сам себе — Щедрин».

<1914>

190. ПРИЯТНЫЙ СОБЕСЕДНИК НАБРОСОК ЖЕЛЧЬЮ

Мысли — как трамвайные билетки,
Жалкие, от станции до станции.
Говорит он много об эстетике,
О Бодлере, Ницше и субстанции.

Весь такой он чуткий и мистический,
Весь такой он нежный и лирический.
Не люблю его я органически,
Я при нем страдаю истерически.

Сколько он со мной ни разговаривал,
Сколько ни прикладывал старания, —
Никогда его не переваривал,
И на то имею основания.

Я смотрю: за черепной коробкою
Этой тли природою положена
Смесь трухи с изжеванной пробкою
И какой-то слизью переложена.

Ничего другого. Ни горения,
Ни сердечных взрывов, ни сомнения,
Ни тоски, ни страсти, ни мучения...
Человек? Нет: недоразумение.

От портного — брюки с заворотами,
От брошюр — солидные суждения,
От кого-то — фразы с оборотами,
От себя — лишь ужас вырождения.

Лучше жить пустыми небылицами,
Углубиться в мерзость запустения,
Чем возиться с этими мокрицами. . .

Плюнь на них — хоть в этом утешение.

<1915>

Выступавший в «Сатириконе» под псевдонимом Евгений Венский, Евгений Осипович Пяткин родился в 1885 году в селе Тимерсяны Симбирской губернии, в семье дьячка. Известно, что он занимался в духовном училище, откуда был исключен. Впервые Пяткин начал печататься в революционном сатирическом журнале «Зритель» (1905) под псевдонимом «Во Евгений». В 1906—1907 годах в Казани он принимал участие в издании журнала «Метеор».

Е. Венскому принадлежит сборник пародий «Мое копыто» (СПб., 1910), книги «О немцах, извините за выражение» (Пг., 1915) и «В тылу» (Пг., 1916). Множество произведений его разбросано по дореволюционным периодическим изданиям: «Будильник», «Всеобщий журнал», «Солнце России», «Бич», «Аргус», «Биржевые ведомости», «Момус», «Питер», «Русь», «Русская молва» и другие. В 1914—1918 годах он был редактором-издателем журнальчика «Трепач», сотрудничал в бульварных журналах «Балаган», «Баный лист», «Кузькина мать».

После революции Е. Венский стал активно участвовать в советских периодических изданиях: «Смехач», «Бузотер», «На вахте», «Пила», «Гудок», «Вопросы труда», «Голос рыбака», «Работница». С 1922 года он работал в «Крокодиле». В 1923 году Е. Венский написал книгу «Слякоть быта», оставшуюся неопубликованной. В 1926—1927 годах вышли отдельными изданиями его книги «Дуня-батрачка», «Кулак Тарас и батрак Опанас», «Петька-подпасок». Ему же принадлежит большое количество стихотворных сказок для детей («Волк Злодеич» и другие), публиковавшихся в 20—30-е годы.

У писателя было около тридцати псевдонимов, в том числе: Евгений Хохлов, Богоявленский, И. Бронный, В. Кубанский, Е. Свиригин, Е. Симбирский, Е. Фролов и другие.

В 1942 году был репрессирован. Умер в 40-х годах.

ПАРОДИИ

191. К. БАЛЬМОНТ

Хочу любви я, как кошка в марте!
Любви в азарте всю жизнь служу.
О Евдокия! Тебе, Астарте,
Обед по карте я закажу.
С тобой ночую, восторги чуя,
За всё плачу я... Не удирай!
Не хочешь, мила, — придет Людмила, —
В саfе вас сила... Знай выбирай.
Придет ли Саша, придет ли Маша,
Или Палаша... Я заплачу.
Не та, другая, — уйдет нагая,
Меня ругая... Я так хочу.

<1910>

192. А. БЕЛЫЙ

Ты вот, ты юн, ты молод,
Ты муж... Тебя уж нет.
Ты был: и канул в холод,
В немую бездну лет.

«Смерть»

Я в «Ру»- я -«не» творю
Всегда в я о- я -хотку.
Дебелую зарю
Могу вогнать в чахотку.
Не слушайте вруна,
Что будто мы с Антошей

Пугаем из «Руна»
Всех старою калошей.
Случился случай раз,
Случившийся случайно, —
Меня ж вообще Парнас
Лелеет чрезвычайно.
Писал, на страх врагам,
Из «Мысли» свинопасам,
Устраивал бедлам,
Кидался ананасом.
«Симфоний» озорных
Вы, черви, не боялись.
Я — «Пепел». . . Не утих! . .
Вы с хохоту катались.
Смотрите! Напишу
Я том сумбурно-бурный!
Нагнитесь — оглушу
И ошарашу «Урной».

<1910>

193. А. БЕЛЫЙ

Альков, веселый льков —
Альков всенощной ночи —
Портьерой томной тьмы
Нас скрыл, закрыл, укрыл.
Тоща, как мощи, ты.
Тоща, кашей те во щи!
Как теща, тощи мощи.
Ты тщетность красоты.
Утечь прочь хочет ночь.
Кишмиш естмышь. . . томит.
Мышь! Кышь! Глядишь, полночь
Тощищу к нам тащит.
Альков, лиловый льков.
Альков лилейной ночи.
Скажу, кажу попроще.
Что ты, что ты, что ты, что ты!
Три оглобли тебе в рот.
Я солдат девятой роты!
Готтентот ты, готтентот ты! . .

<1910>

194. В. БРЮСОВ

Я взойду с рассветом дня
В хлев к тирольским мягким козам.
Напоят они меня
Своих запахов наркозом.
При лазоревой луне
Влезет месяц обнаженный
И застынет, верьте мне,
У окна, замороженный.
Застыдится Сологуб,
Сплюнет деточка Каменский,
Визг поднимет женский клуб,
Укорит Сергеев-Ценский.
Двинет пристав головой, —
Заберут нас полисмены
За любовь мою с козой,
Где лужайку сжали «Вены».

<1910>

195. З. ГИПЦИУС

.. И я такая липкая, —
Влюблюсь, так присосусь.
Люблю мужчинок шибко я.
Люблю — не оторвусь.
Я нежная и милая,
Как критик и поэт,
Возьму наемся мыла я
И взбаламучу свет.
Умильная и мыльная,
К вам в сердце заползу, —
Пиита новостильная,
Стихами загрызу.
Чего хочу — не ведаю:
Запеть ли мне сверчком? ..
Мужчиной быть иль Ледою?
Иль драться с муженьком? ..

<1910>

196. АПОЛЛОН КОРИНФСКИЙ

Уж ты гой еси, мой дремучий бор!
Сила мощная, темь зеленая!
Уж ты гой еси, мой степной простор!
Ты стрела моя закаленная.
Уж ты гой еси, мой свирепый лук!
Уж ты гой еси, Пуришкевич-друг!
Уж ты гой еси, Русь-сторонушка!
Я «союзник» твой — Аполлонушка.
Я надену «знак» да приду в кабак!
подавай жида! Расшибу вот так.
Гусли звончаты я возьму рукой, —
Уж ты гой еси, слушай, мир честной.
Уж ты гой еси. . .

<1910>

197. М. КУЗМИН

Кабинеты, биллиарды, уборные. . .
Художники бархатные, длинноволосые. . .
Репортеры игриво-ольдорные. . .
Литераторы знаменито-сизоносые. . .
Дамочки, что секретничают с официантами. . .
Графины с ходотовскими персонажами. . .
Я со своими «Курантами». . .
Женя Венский с бритвенными персифляжами.
Нет только ни одного детектива
Из «Русского богатства» свинского. . .
Какого, не знаю, потребовать пива:
Жигулевского, Калининского
или Дурдинского. . .

<1910>

198. К. ЛЬДОВ

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВЫКРУТАСЫ

В пустынной улице темно. . .
Не горят фонари.
Это было давно, это было давно. . .

Назад тому приблизительно года четыре иль три.
Стояло метеорологическое лето.
Ах ты щукин сын, проказник мой Балда!
Я хочу спросить про это, вас про это, вот про это:
Ерунда? — Да!
Я писал в то время вирши, да какия!
Гонорар по малости получал.
На «какия» — шикарная рифма: Евдокия.
Городецкий — увы — обогнал, обогнал.
Не пишу я кэк-уоком, боком, боком.
Я поэт из старых школ.
Мне уж, что уж, где уж гоняться за Блоком.
Напишу зато шикарный полицейский протокол.

<1910>

199. Н. М. МИНСКИЙ

Я интеллектом в царстве грезы...
Я рефлексирую в саду.
Над книгой Боруха Спинозы
Я цели жизни не найду.
Вокруг всё полно панпсихизма.
Мэоны прыгают в траве.
Императив эвдемонизма
Стучит перцепцией в главе.
Душа в пространстве трансцендентном
Полна потенциалов и проблем.
И я в желаньи имманентном
А ргіогі¹ три дули съем.
Наш дворник с видом элѳанта
Гармоньей мой терзает слух.
Но я, как выученик Канта,
Свой высоко поставлю дух.
Он груб и полн детерминизма, —
Что для него Бэкон и Юм?
Он звуков, чуждых синкретизма,
Не сменит для высоких дум.

¹ Без проверки, заранее (лат.). — Ред.

Ведь nihil est in intellectu
Quod... quod non prius¹ (Симеон!
Скажу ему я для эффекта!)
In sensu fuerit...² Мэон!..

<1910>

200. П. ПОТЕМКИН

Папироска моя не курится.
Хочу в эту ночь литературиться.
Еду к «Давыдке»... В «Белград» банально.
Кстати, на извозчике!.. оригинально.
Поехали.
Извозчик просит пятиалтынный.
Ну, не потеха ли!
Эдакой дубина, протяженно-длинный,
Сколько хочешь поминай мамашу...
Напрасно городского зовешь.
Ты ли меня, я ли тебя отдубашу,
Я ли тебя, ты ли меня заберешь.

Весь испортили мне стих
Корпусы, петиты.
Пропади ты с глаз моих!
Пропади ты!
Врал-то кто? Кто с похмел:
Что ж он — пьян? С устатка?
Есть «газели», нет «газелл»,³
Ерунда и... смятка.

<1910>

¹ В сознании нет ничего, что не было бы основано на опыте (лат.). — *Ред.*

² В ощущениях будет... (лат.). — *Ред.*

³ *Прим.* В одном из стихотв. Потемкина подзаголовок «Газелла» был по вине типографии переделан в «Газель», Оригинальность и значение стихотворения пропали.

201. И. РУКЛАВИШНИКОВ

ДЕРНЬЕР КРИ КОСМОГРАФИИ¹

Хряснул луч по рылу мра-
Ка, сделал ночи tour de bras.²
День проснулся и в хала-
Те спел мажором тру-ла-ла.
Вздел манишку, вздел манже-
Ты, и за кофе сел манже,³
И сказал слуге: Васи-
Лий, пшел, «Копейку» принеси.

<1910>

202. ТЕМНОТА ЕГИПЕТСКАЯ

В Академии Наук
Заседает князь Дундук.
Ничего не понимает.
Почему же заседает?
Почему? Разгадка есть...
Потому, что...

А. Пушкин

У приказных палат литераторский брат
Собирался.
Щелкал зубом, ворчал, на кого-то фырчал,
Волновался.
Расходился пиит. И в сердцах говорит
В пространство:
«Как тут славу возьмешь! Поневоле начнешь
Пьянство...
Пишешь том, пишешь два, глядь — и ставит молва
Прямо в Франсы.
Дальше крест иль медаль, славы синяя даль
И... авансы...
Хвать — мечтания — пуф! Вера Рудич да Шуф
При медали.
А Бальмонт или Блок уходи за порог
В печали.

¹ Последняя сенсация в космографии (франц.). — *Ред.*

² Со всего размаха (франц.). — *Ред.*

³ Завтракать (франц.). — *Ред.*

Мережковский громил, с ним Измайлов-зоил —
Геральды!
А медали — гляди, понесли на груди
Ай! Хенвальды». «Разойдись! — вышел дьяк, — что за шум, а без драк,
Братцы?
Ведь велик ваш Парнас, я же стар, чтоб меж вас
Разобраться.
Может, есть и талант, — разбирайся, Атлант
Не приказный.
Я совет вам подам: к нам тащите вы хлам
Разный.
Да прошенья при нем (мы их к делу пришьем),
Да три марки.
Через годик, глядишь, ты с медалью взлетишь
В Петрарки».

<1910>

203. ГРАФИНЯ — МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

Кто летит в автомобиле,
Сея в пешех злой протест,
И зачем к нему прибили
Пять флажков и красный крест?

Может быть, там жертвы боя?
Санитары? .. Нет, не то, —
Платье нежно-голубое
И зеленое манто. . .

Браво! .. Bravo! .. Фу, разиня, —
Не узнал? .. Ведь то пылит
Наша добрая графиня,
Анна Львовна Фан-дер-Флит.

На пункте тихо... Белья гора.
Сидит портниха и шьет с утра.
Володя с нею, студент-юрист, —
Куда грязнее, чем трубочист.
Их незаметно,
Их нет среди нас,

Зато, как Этна,
Горяч экстаз.
А по столице, вздымая пыль,
С графией мчится автомобиль.
Там веют флаги и шантеклер,¹
Чертит зигзаги артист шофер.
«Иван, налево,
У пункта стоп. . .»
Студент и дева,
Каморка-гроб. . .
«Ах, как тут мило. . . О Петроград!
Табак и мыло пур повр сольдат. . .²
Мы, без сомненья, отрада их
Там, где сраженья, ан унд фюр зих». ³
Чуть шьет портняжка,
Студент устал,
Несут бельишко
И стар и мал.

А по столице, вздымая пыль,
Вновь дальше мчится автомобиль.
«Иван, тоскую о страшных днях. . .
Марш на Морскую во весь размах.
Ушибла палец,
Но эта боль
Для нас, страдалиц,
Пустяк и ноль».

Нельзя графини нигде поймать,
Графиня ныне солдату мать,
Графиня всюду что репортер,
Являясь люду что метеор. . .
Но вышла драма:
Скривили бок
И «Панорама»,
И «Огонек».

Вот вам награда: пришлось страдать. . .
О Русь! . . Как надо, не могут снять. . .

<1914>

¹ Петух (франц.), здесь: флажок, флюгер. — *Ред.*

² Для бедных солдат (франц.). — *Ред.*

³ Само по себе (нем.). — *Ред.*

204. МАРЬ ИВАННА Д'АРК

Красавица всего мира и его окрестностей, любимица публики (имярек), едет на войну в качестве сестры милосердия. Болезнь, однако...

Артистка Зарайская, милостью рока,
В ту среду поедет далеко-далеко,
Туда, на Карпаты, влекома судьбой,
Сестрой милосердия, — прямо на бой.

Артистка Зарайская грустью томится:
Ее убивает шальная столица.
Весь день телефон... Телеграммы летят...
В гостиной без малого tout Petrograd.¹

Пажи, лицеисты, мышиный жеребчик...
На доброй сестрице холосенький чепчик...
Передничек белый... В очах ее грусть...
Военный стишок на устах (наизусть).

На столике роз аромат предрассветный.
На столике воз вермишели газетной.
В газете заметка... В заметке порыв,
В порыве печаль, а в печали — надрыв.

«На днях из гнезда на Большой Караванной
Поедет в ту среду за славою бранной
Решившая бросить для родины «Парк»
Артистка Зарайская, русская д'Арк.

Прощайте, страдалица, солнышко наше!
Вернитесь скорее бодрее и краше!
Да минет вас смерть, и раненья, и плен!
Прощайте, великая!» (Подпись: «N. N.»)

Дыхание смерти разлито в гостиной.
Душа умиляется дивной картиной.
Тоскуют поклонники, грустно твердят:
«Она уезжает к проходам Карпат...»

¹ Весь Петроград (франц.). — *Ред.*

Молва по столице бежит не смолкая.
«Слыхали, конечно, вы, — новость какая!
Зарайская едет, как русская д'Арк...
Сегодня с венками поедемте в „Парк“».

Курсистки... банкиры... спортсмены... студенты...
Восторги... Записочки... Аплодисменты...
Цветы... подношенья... Над кассой аншлаг...
В уборной «Кристалл», а к нему кавардак.

Вокзал провожает великую диву, —
Буквально там негде упасть черносливу.
Зарайскую взяли поклонники в плен,
Чего так боялся оплаченный «N».

Зарайская едет. — «Прощайте, родная!..»
Зарайская плачет... «Ах, боже, одна я!»
Зарайская стонет... «Измучили, ф-ффу!»
Зарайская «на зиму» едет в Уфу...

<1914>

205. ТРАФИТЬ НАДО

«Лесная сказка» вам возвраща-
ется; может быть, дадите
что-нибудь военное...

В редакции

— Друже, сделайте услугу, —
Я пишу «Войну и мир», —
Растолкуйте мне, как другу,
Что такое «канонир»?

— Уж полсотне беллетристов
Объяснял я сотни раз:
Так в среде кавалеристов
Называется «фугас».

— Ой-ой-ой, пред целым миром
Осрамился б, остолоп:
Я ведь назвал канониром
Блиндированный окоп.

— Пустяки — одна нелепость,
Всё читатели съедят. . .
— А скажите, слово «крепость»
Это то же, что «снаряд»? . .

<1915>

206. КРУГОВОРОТ

Часто снился Варе ус, —
Глупый был у Вари ум.
Некий архивариус
Варю свел в «Аквариум».

Были: «Жак и гусь его» —
Сверхочаровательно,
Ну, а «Марья Лусьева» —
Прямо замечательно!

Ничего подобного
Варя и не нюхала.
С хохоту утробного
Зала так и ухала.

Жался очарованно
Черный к щечке Вари ус,
И шептал взволнованно
Варе архивариус:

«Милочка. . . Варюшечка. . .
Сохну Францем в Вене я. . .
Я готов вас, душечка,
Взять на иждивение.

Помогать же, Варя, вам
Буду очень часто я. . .»
И горела заревом
Физия усастая.

Сильно был нафабрен ус.
Душу выжег Варе ус.
Был с лица что Гамбринус
! Душка-архивариус.

Три четвертых годика
Пролетело с хвостиком —
Родила уродика
Варенька под мостиком.

Злой попался Варе ус.
Глупый был у Вари ум.
Дельный архивариус
Лизу вел в «Аквариум».

Рока (не позевывал!)
Исполнял веление:
Честно утрамбовывал
Плотность населения. . .

<1915>

207. ВОЙНА И БОГЕМА

У художника Алова,
Развеселого малого,
Есть собака по имени Мумм,
Есть подруга Тамарочка,
Стульев сломанных парочка
И нарядный весенний костюм.
У художника Алова,
Развеселого малого,
Вся мансарда восторгом горит:
Алов барски валяется,
Мумм печенкой питается,
А Тамарочка кофе варит.
Кончил Алов с заботами.
Вон икрою и шпротами
Убран солнечно-радостный стол.
Знай целуйся с Тамарою,
Занимайся гитарою
И лежи, как ленивый осел.
На Вильгельма Кровавого
У художника Алова
Десять шаржей купил «Винегрет».
Мумм гудит, заливается,

Алов ест — наслаждается,
Вся Тамарочка — счастье и свет.

У художника Алова,
Разнесчастливого малого,
Нет собаки по имени Мумм,
Нет Тамары-блондиночки,
Развалились ботиночки
И заложен весенний костюм. . .
Там, за черною лестницей,
С пуделихой-прелестницей
Потерявший фасонистость пес
Обнаглел анархически,
Отощал аскетически,
Огрубел, как плимутский матрос.
В Летнем нежная парочка:
Колька Львов и Тамарочка, —
А над ними злодей Купидон.
На Вильгельма Кровавого
В триста строчек без малого
Продал Колька «Заре» фельетон.
Алов стонет и бесится,
Алов хочет повеситься:
Жизнь мрачна, как преступника бред, —
У художника Алова
На Вильгельма Кровавого
Не взял шаржей журнал «Винегрет». . .
<1915>

208. РАЗНЫЕ

Истомно-ароматная,
На всех смотря в лорнет,
Обходит дама знатная
Притихший лазарет.

Пройдет с субреткой бойкою
Весь госпиталь кругом, —
Того оделит слойкою,
Другого пирогом.

Играя тальей гибкою,
Дразня бесстыдством форм,
Кладет на стол с улыбкою
Полдюжины «Реформ».

Напевней Вари Паниной
Чарующий вопрос:
«Солдатик, вы не раненый? . .
Вам надо папирос?

Тепло ли вам в халатике?
Довольны ли судьбой?»
Шуршат в ответ солдатики:
«Спасибо вам, родной. . .»

Крадется ночка темная,
Вползает в лазарет.
Бессонница истомная
Колдует, сея бред.

Кошмарно незабытая
Кровавая гроза. . .
Улыбка чья-то сытая. . .
Зовущие глаза. . .

Манящие, бесстыдные
Кошмары грешных поз. . .
Ненужные, обидные
Улыбки и вопрос.

Гудит, переливается,
Разгулом хмельно-пьян,
Разгулом надрывается
Сбесившийся шантан.

Истомно-ароматная,
Вся грех, порок и зло,
Смеется дама знатная
В блестящее стекло. . .

Колдует ночка темная
За окнами палат.
Внутри и му́ка томная
И лавр кровавый яд.

.

<1916>

209. В КАФЕ

Сижу в кафе я
За шоколадом,
Напротив фея,
Другая рядом.

Вкруг пахнет сдобой,
Теплом, комфортом.
Смеюсь утробой,
Рассевшись чертом.

Впиваюсь страстно
В листок «Минутка».
В окопах жутко,
Но... мне прекрасно.

Да неужель мы
Кого сробеем?
Что нам Вильгельмы
С Энвером-беем?

Ну что нам Францы, —
Ей-ей, умора, —
Иль оборванцы
С берегов Босфора?

Пруссаки храбры,
А мы так втрое.
Хватай за жабры! ..
Вперед, герои!

А. С. Бухов

Тэффи

Евгений Венский

Красный

Шарж на Евгения Венского

В нас сил избытки. . .
Я ж не робею.
Дай под микитки
Любому бею!

Прибей Энвера!
Бей Талаата!

Si non è vero...¹

<1916>

210. Ф. СОЛОГУБ

(ИЗ КНИГИ «ЖАРЬ, КУЗЬМИЧ! СЛОПАЮТ!»)

Ради немца-распрохвоста
Символизм да модернизм
Променял я очень просто
На квасной патриотизм.

Чтобы немца-душегуба
Из Расеюшки погнать,
Надо немцам Сологуба
Вслух на бзуре прочитать:

«Ах ты, жалкий пруссачишка,
Немец-перец-колбаса,
Разнесем тебя, мартышка,
Абсолютно в полчаса!

Прежде чем весна откроет
Ложе влажное долин, —
Будет нашими войсками
Взят заносчивый Берлин».

Вот тогда пускай Вильгельма,
Крепко севши в мокроступ,
И узнает, вредный шельма,
Что такое Сологуб!..

<1916>

¹ «Хотя и неправда...» (итал.). — *Ред.*

211. ОБЫВАТЕЛЬ

Ах, господи боже,
Чего же, чего же?
Не знаю, — досада,
Чего бы мне надо?

Восторга? .. Порыва? ..
Подумаешь, — диво!
Нирваны? .. Не надо.
Досада, досада! ..

На выставку? .. Скучно.
В театр? .. Несподручно.
На лекцию? .. Скука.
Взять книжечку? .. Мúка.

Чего же мне надо?
Стакан шоколада?
Ни кофе, ни чаю, —
Убей, — не желаю.

Отрады молитвы?
Иль отзвуков битвы?
Шантанного танго
Иль яри мустанга?

Тоскливо. . . Тоскливо.
Стаканчик бы пива.
О, где ты, отрада? . .
Пивишка мне надо!

Я душу больную
Отвел бы в пивную,
За стол усадил бы,
И пил бы я, пил бы. . .

О, мúки надрыва!
О, где же ты, пиво?!

<1916>

212. И. СЕВЕРЯНИН

Стихи певучи, как баранина,
Как мыло «Ландыш» от Ралле.
Ах! . . Кто пошлее Северянина
На эго-снеговой земле?

Никто! Люблю восторг я всяческий
И удивленья общий гул.
Живу на Средней на Подьяческой,
Но к славе лезу, точно мул.

Люблю пройтись я с горняшкою,
Как господа, вдоль по Морской,
В «Торжке» сидеть за чайной чашкою,
Стихи писамши день-деньской;

Люблю сниматься в черной блузке я
А la ¹ Бодлер и Поль Верлен;
Люблю читать, как рати русские
Берут трусливых немцев в плен.

Люблю пропеть в бульварной прессе я,
Что предо мной Берлин падет. . .

Своя у каждого профессия,
И всяк по-свойски. . .

<1916>

213. НИК. АГНИВЦЕВ

Бомба слева, бомба справа,
Я убит. . . Убит в живот.
Ничего.
Смотрите вот:

¹ Подобно, как (франц.). — Ред.

Для него
И смерть забава.
Гей, дивизия, вперед!
Как вольготно и легко,
Бри-ки-ки,
Ро-ко-ко,
Разливаются полки
Широко.
Сколько в битвах,
Словно в бритвах,
Ки-про-ко!
Бум и К^о.

<1916>

214. КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Марш звучал кавалерический.
Ус рукою теребя,
Молодой донец классический
Думал так из-под себя:
«Гей! вернись к своей коханочке,
Гей! с «Георгием» к зиме,
Да с повязкою на раночке
По-крючковски, по Кузьме.
Гей! куплю своей зазнобушке
Перед свадьбой много плахт,
Положу вот так в коробушке:
На, Маруся! Абгемахт!¹
Накуплю тебе карамели!
Кушай! . . . Знай, как я люблю.
Для твоей родимой мамеле
Шубку новую куплю,
Платье цветом нежно-колерно. . .
Где ты? . . . Сделай отзовизм!
Мы идем на Гогенцоллерна
За евонный шовинизм! . . .»

<1916>

¹ Готово! (нем.). — *Ред.*

Владимир Васильевич Воинов, по происхождению донской казак, родился в 1878 году. Важный эпизод его биографии — участие в революции 1905 года.

До 1917 года сотрудничал в «Студии», «Живом слове» и сатирических журналах: «Мухомор», «Сатирикон», «Новый Сатирикон» и «Красный смех». Воинов — автор романа «Чертово колесо» (М., 1916), нескольких сборников рассказов и стихотворений («Солнечные рассказы», СПб., 1914; «Сильные духом», Пг., 1915; «Ки-ка-пу», Пг., 1917, и др.). Иногда он печатался под псевдонимами: В. В., В. В. В., Тривэ, Бударин.

В дальнейшем в идейных убеждениях Воинова наступил перелом. Он стал советским литератором, работал в РОСТА, «Красной газете», «Красном вороне» и сатирических журналах «Пушка» и «Бегемот». В 20-х годах создал четырехактную комедию, несколько злободневных театральных обзоров, роман из цирковой жизни, сборники «Ламца-дрица» (Л., 1926), «Головотяпы» (Л., 1927). Воинову принадлежит текст первой советской оперы-оратории «Фронт и тыл», написанной в 1931 году, а также рассказы и стихи для детей («Петроградские чудеса», Пг., 1922; «Вертунок», М., 1925; «Песик — золотой носик», Л., 1925; «Алешкина шахта», М., 1927, и др.). Умер писатель в 1938 году в Ленинграде.

215. ЭХО

Съели марковские мыши
Октябристский катехизис.
В министерском кабинете
Наступил портфельный кризис.
Пахнет порохом в Китае;
В институтах льют кислоты;
Люди вязнут в липкой тине,
Как в болоте бегемоты.
И никто нигде ответа
На вопросы не встречает:
Как в пустыне, тонет голос —
Только эхо отвечает:
«Почему мы о реформах
Годы без толку мечтаем
И торчим, как пень, на месте?»
Отвечает эхо: . . . «таем!»
«Почему, скажи, надежды
„Обстоятельства“ разбили?
Почему мы слабы духом?»
Эхо стонет где-то: «. . . били!»
«Разве мы перед невзгодой
Малодушно отступали?
Или нет „людей“ в России?»
Эхо тихо плачет: «. . . пали!»
«Ну, а Дума? Что же смотрят
Прогрессивные гучковцы?»
Рассмеялось звонко эхо
И затем вздохнуло: «. . . овцы!»

<1911>.

«Уповая свято
 На приход Мессии,
 Можно жить богато
 Даже и в России.
 Я — душою всею —
 Верю, уповаю:
 Не пашу, не сею,
 Вечно сыт бываю,
 Думаю о птичках,
 Не люблю работы,
 Не в моих привычках
 Разные заботы.
 Я не сам родился,
 А меня родили,
 А не сам крестился,
 А меня крестили;
 Я не сам учился,
 А меня учили;
 Я не сам женился,
 А меня женили;
 Я живу, как древо,
 Мысль меня не гложет,
 Набиваю чрево,
 Чем господь поможет.
 Ну их, право, к аду —
 Идеалы, цели,
 Вот возьму и сяду
 Прямо на панели!
 Что? Бока намят?
 Всадят за решетку?
 Может быть, привесят
 На крючок за глотку?
 Что ж, берите, нате,
 Я готов охотно, —
 Мне и в каземате
 Будет превольготно:
 Люди там не плохи!
 Чем дарма шататься, —
 Будут мною блохи
 И клопы питаться.

Если ж ненароком
«Головой уронят»,
То законным сроком
С честью похоронят.
В гроб запрячут махом,
И прощай, темница!
Будут грешным прахом
Червяки кормиться.
Что же вы смотрите?
Я готов на мўки!
Тюкайте, ведите,
Сковывайте руки!
Или вы не ждали
Этаких коленец?
Ну, не ерунда ли,
Я ж — «непротивленец»
Не боюсь я боли. . .
То-то и оно-то:
Ну, берите, что ли!»
— Ну тебя в болото!

<1912>

217. «НАСТРОЕНИЯ»

1

По-весеннему поют колокола. . .
Твердь Исакия, как темная скала,
Круглым куполом уперлась в небеса
И роняет вниз литые голоса.
Волны звуков успокоенно плывут, —
Умирают, нарождаются, зовут,
Будят образы в оттаявшей душе,
Как аккорды под чарующим «туше».
Вспоминаются родимые поля:
Сладко дышит крепко-прелая земля;
Белым паром отуманенный лесок
Жадно тянет из земли холодный сок.
Скоро жаворонок взмоет из травы,
Захлебнется в ароматах синевы,
И услышит зачарованная ель

Золотую и серебряную трель,
И в волнующем и томном полусне
Будет думать о красавице весне...
По-весеннему поют колокола;
Твердь Исакия, как темная скала,
Круглым куполом уперлась в небеса
И роняет вниз литые голоса.
Волны звуков заронили в душу грусть.
Заронили! Эка важность! Ну и пусть!
Я — серьезный, я — упорный, «деловой»,
Вот залезу в корректуру с головой,
Углублюсь в свои обычные дела
И забуду, как поют колокола.

2

По-весеннему цветут овалы лиц...
За решетками опущенных ресниц
Увлажнились, затуманились глаза.
Тело девушек — как гибкая лоза:
В оболочке напряженного трико
Колыхается упруго и легко.
Посмотрите, как шагает... Ну, вот та!
Это — Пери! Это — вешняя мечта!
Подняла волан кокетливой рукой
И спугнула мой обыденный покой, —
Заронила в душу ноющую грусть.
Заронила! Эка важность! Ну и пусть!
Я — серьезный. Деловая голова!
Вот залезу...

Да! Залезешь, — черта с два!
Соломон сказал: любовь сильна, как смерть.
Это, братец, не Исакий и не «твердь»!
Это то же, но — совсем уже не то...
«Велизарий! Принесите-ка пальто,
Да велите никого не принимать:
Я... уехал... хоронить... старуху мать!
Понимаешь?» —

«Знаем! Сами с головой!
Слава богу, умирает не впервой!»

<1913>

218. РЫЦАРЮ СКОРБИ И ГНЕВА

Мы — дети шутки, дети смеха,
Наивны наши голоса,
Как перепев лесного эха,
Легко плывущий в небеса.
Горячим днем, румяным утром
Мы все выходим на Неву
И украшаем перламутром
Небес пустую синеву;
Тяжелой ночью, между пнями,
Когда не спит одна сова, —
Роняем хрупкими огнями
Неугасимые слова.
Мы вам споем и про наяду,
И про кипучие ключи,
Но в наших песнях много яду,
Но в наших красках есть бичи!
А рыцарь скорби, рыцарь гнева
Нас упрекнуть всегда готов
За прелесть нашего напева,
За легкость звуков и цветов:
Он любит мир, где свечи тают,
Где глухо стонут голоса,
Где над покойником читают
И рвут от боли волоса.
Он равнодушен к чуткой лире,
Он от слезливости ослеп
И видит в целом божьем мире
Одни кресты да черный склеп. . .
Не нападай на нас, дружище!
Раскинь, миляга, головой:
Что хуже: «смех ли на кладбище»
Иль над «живым» надгробный вой?

<1913>

1

Вы часто видали в копеечном цирке,
 В какой-нибудь жалкой и черной дыре, —
 Похожий на черта в стеклянной пробирке,
 Болтается «рыжий» на рваном ковре:
 Изломаны брови, движения грубы,
 Колпак с погрёмушкой доходит до плеч,
 Полоскою крови означены губы,
 Убогий язык, полупьяная речь. . .
 Идет, спотыкается, падает, плачет,
 Моргает остатками редких ресниц,
 Кому-то кивает, кого-то дурачит,
 Встает и опять повергается ниц.
 В тяжелом угаре дешевой махорки
 И в диком дурмане шального вина
 Гогочут верхи полупьяной галерки,
 Тяжелого смеха дробится волна.
 Откуда-то слышатся «охи» и «эхи»;
 Под черным навесом колеблется мрак. . .
 А там, на арене, для чьей-то потехи
 Кривляется «с голоду» жалкий дурак.

2

Вы, рыцари пера на жизненной дороге,
 На знамени своем воздвигнувшие «смех!»
 И ставшие толпой на стоптанном пороге
 У входа в пестрый «храм забавы и потех»!
 Вы, возлюбившие на жизненном экране
 Убогою душой веселый колорит, —
 Подумали ли вы, что «смех» имеет грани,
 И каждая из них «по-своему» горит?
 Когда упрямый луч ложится на рубины,
 Изъятые из недр сизифовым трудом, —
 Алмазом не горят кровавые глубины,
 А рдеют, как вино, окованное льдом;
 Веселый свет небес, упавши между елок
 В темнеющий провал, где высох барский пруд, —

Не в силах превратить бутылочный осколок
Одной своей игрой в граненый изумруд. . .
Не так ли всякий смех таит в себе оттенки?
У одного — лукав и скользок, словно бес,
В другом — его игра пугает, как в застенке,
А в третьем — он звучит, как музыка небес. . .
Вы — те, что щурите презрительные веки,
Пока журнальный лист насилует рука, —
Подумали ли вы об этом «человеке»,
Который на ковре валяет дурака?
Да не прельщает вас дыхание махорки,
И да минует вас «томление души
Для удовольствия заплеванной галерки»,
Купившей ваш позор за грязные гроши!
Да ниспошлет творец в уста вам дух живой,
Да отвратит от зла, направив на благое,
И да поймете вы печальную главой:
Смешить — одно, осмеивать — другое.

<1914>

220. ПЕСНИ ГУДКА

1

Мгла. . . беспросветная мгла
Пала на зыбкие дали, —
Глухо на город легла
Холодом матовой стали.
Там, у заржавленных вод, —
Огненным кружевом вышит —
В серой ограде завод
Серой и пламенем дышит.
В траур оделась труба,
Вьет облака у вершины. . .
Ждут человека-раба
Печи, станки и машины.
Тысячи рук и голов,
Двигаясь тупо, устало,
Станут сейчас у валов
Формы творить для металла.

Злое чудовище — печь
Вспыхнет кровавым пожаром,
Будет неистово жечь
Долгим томительным жаром;
Острыми блестками пыль
Брызнет в испарине вязкой,
Делая серую быль
Огненно-радужной сказкой...
Паром оденется док,
Скрыв вековую заботу

.
Слышишь, товарищ? Гудок!
Время идти на работу.

2

Плавится сталь добела,
Воздух на части расколот...
Злобно скрежещет пила,
Жалобно ухаёт молот;
Мечется пламя в очах,
Руки и ноги устали;
Трудно держать на плечах
Голову, полную стали.
Каждый тяжелый удар,
Каждый пробег вагонеток
Бросят кому-нибудь в дар
Пригоршню звонких монеток:
Это кристаллы труда —
Наша обычная подать
Тем, кто не ходит сюда,
Тем, кто не любит работать.
Наша же доля — гроши:
Лишь бы сберечь наши силы.
Бей молотком и теши —
Изо дня в день, до могилы!
Чу! У трубы паровой,
Полный томленья и муки,
Хриплый отрывистый вой
Душит обычные звуки...

Замер встревоженный люд,
Взоры блуждают уныло;
Это — награда за труд,
Это — кого-то «убило».
Принял житейский поток
Чью-то последнюю битву.

.

Слышишь, товарищ? Гудок!
Шапку долой! На молитву!

8

День. . . наступающий день,
Дали цветами одеты;
Таает прозрачная тень,
В небе играют просветы. . .
Там, у сверкающих вод,
Вымытый солнечным жаром,
Гордо синеет завод,
Еле окутанный паром.
Умерли дыма клубы,
Слившись с лазоревой лавой,
Черное горло трубы
Больше не дышит отравой.
В воздухе «голос» повис —
Бьется волнующим током,
Ширится, падает вниз,
Льется призывным потоком.
Что это? Чудо? Весь док
Вышел на улицу смело.

.

Слышишь, товарищ? Гудок!

.

Сергей Горный — псевдоним Александра Авдеевича Оцупа. Он родился в 1880 году, детство провел в Царском Селе. По образованию — горный инженер (отсюда происхождение его псевдонима). Начал печататься в сатирических изданиях 1906—1907 годов: «Русь», «Свобода и жизнь», «Сегодня», «Сказки», «Момент» и многих других. С. Горный был постоянным сотрудником «Серого волка», где появились его произведения из «Альбома пародий» (некоторые из них были подписаны также псевдонимом А. Авдеев).

В 1911 году вышла первая книга сатирических рассказов Горного.¹ До этого несколько пародий писателя вошли в антологию Авеля (Л. М. Василевского) «Незлюбивые пародии» (СПб., 1908).

Помимо «Сатирикона» и «Нового Сатирикона», С. Горный печатался в следующих изданиях: «Вечер», «Волны», «Межа», «Солнце России», «Журнал журналов», «Свободные мысли» и других. Писателю принадлежат книги: «Почти без улыбки» (СПб., 1914) и «Ржавчина духа» (СПб., 1915).

В 1917 году он работал в екатеринославской газете «Приднепровский край», потом переехал в Киев, откуда бежал в Одессу, спасаясь от петлюровцев. Весной 1919 года служил на Черноморском флоте у Деникина. Вернулся с деникинцами в Екатеринослав, но вскоре попал в плен к махновцам и был ранен. Впоследствии англичане эвакуировали его на остров Кипр, где он провел полтора года.

В 1922 году С. Горный переехал в Берлин. Здесь он редактировал «Свободные мысли» и журнал «Театр и жизнь». В эмиграции написал книги: «Пугачев или Петр душа народа?» (Берлин, 1922), «Янтарный Кипр» (Берлин, 1922), «Санкт-Петербург» (Берлин, 1926), «Всякое бывало» (Берлин, без года) и другие. В 30-х годах, проживая в Париже, сотрудничал в газете «Последние новости» и других периодических изданиях.

Умер С. Горный в 1949 году.

¹ См. об этом в статье Л. Л. «Сергей Горный». — «Возрождение», Париж, 1931, 15 июня.

221. А. РОСЛАВЛЕВ

(„В БАШНЕ“. СБ. СТИХОВ)

Я друг весенних тротуаров.
Мои стихи — пролеток стук...
На мне следы своих ударов
Оставил брюсовский каблук.
Весенней радостью мы пьяны
(Мне узок брюсовский наряд),
Смотрите, стекла «Квисисаны»!..
Смотри, смотри, Апраксин ряд!..
Смотри, как мокры тротуары...
Смотри, смеясь, кричит стена:
«Пилюли Ара!.. Ара!.. Ара!..»
И в глыбе тающей весна,
И в четком воздухе повисли
Твои гудки, автомобиль...
«На башне» брюсовские мысли
Уткнули в небо острый шпиль.

<1908>

222. БЕЗ СЛОВ

Я сказал бы, что вы — дорогая,
Что вы — чистая. Ландыш певучий.
В целомудрии — Фрина нагая.
Мой цветок неразгаданный. Лучший.

Но нельзя. Эти фразы несвежи.
Нынче каждый нам в «тонкости» равен.
Эти фразы, наверное те же,
Козодоевой пишет Прыщавин.

«Вы — как стебель (Прыщавин ей пишет),
В департаменте скучно. Вы — солнце.
Ваш цветок неразгаданный дышит
Мне на Мойке в глухое оконце».

Как вы видите, вам не могу я
Написать ни про свет, ни про небо,
Ни про солнце, что любит, ликуя,
Ни про Леду, про Фрину, про Феба.

Я бы мог написать, что вы святы,
Что вы — ласковый звон колоколен,
Что в вас ладан, что в вас ароматы
Тем, кто слаб, и любим, и безволен.

Но Сережа, мой тихий племянник,
И два старших двоюродных братца,
И с завода дежурный механик —
Все умеют уж так выражаться.

«Вы — как благовест в радостной дрожи.
Вы — как пение строф *Miserere*»¹
(Обозначено так у Сережи
На открытке к какой-то мегере).

Я сказал бы, что — грех вы, пожалуй,
Что в вас — яд, и провалы, и кручи,
Что вы маните розою алой,
Ярко-красной, несорванной, лучшей.

Но нельзя. Это сказано. Поздно.
Эти фразы в Царевококшайске
Говорил сексуально и грозно
Гимназистке гастрольный Зарайский.

¹ Господи, помилуй! (лат.) — *Ред.*

В каждом доме, под каждой периной
Эти письма, брошюры и книги:
«О кушетке и страсти звериной»,
«Массажистки» и «Таинства лиги».

(Оттого-то на задней странице,
Коль посмотришь журнал иль газету:
«После ваших пилюль мне так спится.
Снова вышлите. Колпино. Зету».

Оттого-то среди объявлений
Нарисованы видные денди:
«Если нервны и слабы колени,
Poste-Restante. ¹ Для Горашо Бренди».)

Не могу вам писать ни про радость,
Ни про счастье, про белое тело...
Нынче гадость всё, гадость и гадость...
Всё пропахло насквозь, пропотело...

.....

Потому-то на этой записке
(Не под стать современному веку)
Напишу вам поклон только низкий.
Вам — как женщине. Как Человеку.

223. НАДОЕЛИ ВСЕ ТОНКОСТИ

Надоели все тонкости, яркости, меткости...
Надоели слова о «ступенях агата»,
По которым спускаемся к Женщине, к Редкости,
Что движеньями, -женьями ярко богата...

Боже мой! Надоели все умности, шумности,
Разговоры о «линиях жутких подходов»,

¹ До востребования (франц.). — *Ред.*

Почему нынче блюда все пряные, пряные...
Или умный рокфор с передержанным элем,
Или честер и фиги, бесстыдно медвяные,
И макрели — и той уже нет в naturel'e.¹

Попрошу вас, mesdames, отойдите в сторонку.
 Я в отчаяньи страшен, мои мысли свирепы.
 Закричу я, mesdames, вам голодный вдогонку:
 «Подавайте мне репы, захряпанной репы».

Пусть я буду, пусть буду, пусть буду я тощий,
 Без рокфора, без умных, без тонких наитий,
 Я хочу жить попроще. Попроще. Попроще.
 Не хочу я сучить светозарные нити.

Я с какой-нибудь Феклой уеду на Волгу,
 Фекла нитей не знает. Фекла просто кухарка.
 Целовать ее молодость буду я долго,
 И поверьте, так жарко, упоительно жарко.

Я уверен: у этой прекрасной крестьянки
 Вы могли бы, mesdames, поучиться науке,
 Как без нудной, бердслеевски умной шарманки
 Обвивать вокруг шеи задрожавшие руки.

<1913>

¹ Природе (франц.). -- *Ред.*

Красный — писатель Константин Михайлович Антипов, выступавший также под псевдонимами: Зарницын, Краб, К. Ванюков, Фатин, К. Фенин, К. и другими. Родился 26 декабря 1883 года в Петербурге. Впервые Антипов выступил в сатирических журналах 1905—1906 годов: «Стрелы», «Час полуденный» и других. Впоследствии печатался в «Стрекозе», «Будильнике», «Синем журнале», «Солнце России», «Лукоморье», «Божьей коровке» и других изданиях 10-х годов. Постоянно сотрудничал в «Сатириконе». Н. Энский писал о нем: «Легко владея рифмой, остроумный, веселый, жизнерадостный, он скоро снискал себе широкую популярность...»¹

Антипову принадлежит антология «Молодые немецкие поэты» (СПб., 1910), куда вошли его переводы произведений Демеля, Лилиенкрона, Гофманстала, Ведекинда и других немецких поэтов. В середине 10-х годов Антипов печатался в «Свободном часе» и «Вечернем времени». Во всех номерах «Свободного часа» неизменно появлялось его сатирическое обозрение — «Веник из крапивы».

После Октября поэт в первые же дни перешел на сторону советской власти. Антипов работал заведующим литературным отделом «Бедноты» и «Коммунара», где опубликовал цикл статей — «Веяние социализма в немецкой поэзии». Занимался он также переводами произведений западноевропейских поэтов: Генкеля, Вилле, Рильке и других. 30 мая 1919 года в «Известиях» был опубликован его перевод «Интернационала», отличающийся большой близостью к оригиналу. После закрытия «Коммунара», где часто печатались произведения Антипова, он перешел работать в РОСТА.

В начале декабря 1919 года Антипов поехал в служебную

¹ Н. Энский, К. М. Антипов (Некролог). — «Агит-Роста», 1919, 12 декабря.

командировку за продовольствием для сотрудников РОСТА. Под Уфой он заразился сыпным тифом и умер на станции Раевка. Газета «Агит-Роста» писала в некрологе: «Константин Михайлович был энтузиаст своего дела, идеалист в полном смысле этого слова и человек редкой доброты. Приходившие в редакцию «Коммунара», во время его заведования литературным и поэтическим отделом, всегда получали от покойного нужные разъяснения, советы и указания. Много молодых поэтов обязаны ему напечатанием своих первых литературных попыток». ¹

¹ Н. Энский, К. М. Антипов. — «Агит-Роста», 1919, 12 декабря.

224. ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ
С ПЕРСИДСКОГО

Посадили перса на кол,
Он поквакал и побрякал,
И покорно замолчал,
Постепенно холодея. . .

«Гениальная идея!» —
Шах восторженно вскричал
(Видом стал и бодр и весел):
«Если сделать вместо кресел
В меджилесе частокол —
О, тогда б успокоенье
Наступило, без сомненья,
И упрочился б престол! . . .»

Мигом вести разнеслись
О созыве меджилиса,
И народ от счастья плакал,
Кандидатов проча. . . на кол. . .

<1908>

225. ПЕСЕНКА НЕКОЕЙ ПТИЧКИ

Крылья — белы с черной рябью,
Голос силен и красив.
Ах! — не петь бы песню рабью
На заказанный мотив!

А попробуй звуки взерь я
Зову сердца своего —
Обкарнают живо перья,
Да и голову... того.

Оттого-то мощным клювом
Осторожно я стучу:
Про пустяк всегда спою вам,
А о важном — промолчу.

<1909>

226. ПЕРЕД ЧЕТВЕРТОЙ СЕССИЕЙ

Вновь засядут, засидят
Тьму проектов и законов
И, опасного не тронув,
В позе доблестных Солонов,
Вновь на отдых поспешат!
Сидя сиднем без движенья,
Служат делу обновленья...
Как не крикнуть им порой:
Ради бога, шевелитесь,
А не то вы превратитесь
В всероссийский геморрой!

<1910>

227. ДЕПУТАТ И МИРНАЯ ИДИЛЛИЯ

БАСНЯ

Какой-то Депутат (наверно, октябрист),
Устав от четырех трудоспособных сессий,
Отправился в родные веси.
Он ехал и дрожал как лист,
Зане душою не был чист.

Приехал и засел в избе,
Как трепетный мышонок в мышеловке;
«Пусть будет так, как хочется судьбе, —
Даст в шею иль погладит по головке».

Сидел и ждал,
Но отчего-то
Никто не шел, никто не звал,
Никто не требовал отчета.
И Депутат скользнул за ворота.

Глядит, а возле дома
По колеям расстелена солома,
Телега едет — не стучит,
На облучке Мужик торчит,
Ломает шапку и . . . молчит.

Не слышно лая, бляенья, мычанья,
Как онемели божьи все созданья,
Как самодвиги ходят среди тиши,
И даже малыши
На цыпочках обходят,
Но речи с Депутатом не заводят.

Десятский встретился: «Здорово, старина!»
— «Желаю здравия! Пожаловали в гости?»
— «Скажи мне, почему у вас здесь тишина,
Как на погосте?»

— «Народ теперь любит тишину,
Претит ему шумиха и бунтарство,
И мысль лелеет лишь одну,
Чтоб тишиной упрочить государство. . .

Прислушайтесь: не слышно псов,
Сельчане им намордники надели
И в погреба спустили петухов,
Чтоб глуше пели!»

И Депутат растроган был до слез
Такой идиллией успокоенья. . .

И в первое осеннее сиденье,
Когда о чем-то трактовать пришлось,
Он вставил в словопренье:

«Отбросим всякий страх —
Я убедился на местах
(И чуждо ныне мне сомненье),
Что наш народ прекрасно замирлен:
Он уважает право и закон,
И что вполне дорос он до свободы. . .
Ждать у моря погоды!»
<1911>

228. РЕЦЕПТ СИЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

(НА МОТИВ ИЗ МЕНЬШИКОВА)

Нужен человек, может быть, менее,
чем Столыпин, увлекательного благо-
родства духа, но большей силы.

М. Меньшиков

Мудро Меньшиков изрек:
Нужен сильный человек,
Стойкий, твердый как металл,
Чтобы рвал он и метал,

Чтоб чурался благородства,
Как пустого сумасбродства,
Чтобы чтил до суеверья
Нововременские перья,

Чтоб как молния разил,
Чтоб в передней лебезил,
Чтоб Россию укреплял,
Чтоб окраины озлоблял,

Чтобы нектаром охраны
Врачевал больные раны,
Чтоб по кручам усмиренья
Вел нас в рай успокоенья,

Чтоб совал подножный корм
Вместо пряника реформ,
Чтоб при помощи силков
Уловлял бунтовщиков,

Чтобы был по свойствам духа
Человек большого ... нюха!
Вот какие нужны «чтобы»
Для ответственной особы! ..

<1911>

229. НА ПЕРЕКРЕСТКАХ

На углах больших проспектов
Тьма таинственных субъектов...
Натянув над тротуаром
От пальто и до пальто
Паутину взглядов острых,
Хищники с коварством ярим
Весь поток прохожих пестрый
Сеют, как чрез решето:
Ищут в уличном движеньи,
В смене шапок и штанов
Злых бацилл ниспроверженья
И шатания основ...
На углах больших проспектов
Тьма таинственных субъектов:
Тот торчит с серьёзной миной
Пред аптекарской витриной,
Тот гуляет, с виду хлесткий,
Тот скрывается за дверью,
Тот — за выступом стены...
Ах, недаром перекрестки,
По народному поверью,
Разной нечисти полны... .

<1911>

230. В СТОРОНЕ

Смелые фантазии
В наши дни сбываются, —
Даже в косной Азии
Люди просыпаются.

Начинаются исходы,
Пробиваются народы
Из столетней тишины
Средь тревоги и войны
На широкий путь свободы.

Мы же, кроткие, глазеем
На восточные фантазии,
И... становимся музеем
Доброй старой Азии...

<1911>

231. ПРЕДВЫБОРНЫЙ МОНОЛОГ ХРОНОСА

Старательно обтесываю
Дубину стоеросовую...
И сокровенно думаю:
Она вам будет Думою.
Для долга политического
Войдет, кряхтя и тупая,
Под сень дворца Таврического
И сядет, мудро-глупая;
На «да» бюрократическое
Кивать в ней есть умение,
Зане патриотическое
Присуще затверждение...
Толкнут ее приводами
И стержнями таинственными —
Расправится с свободами
Приемами воинственными,
И все ростки бесчисленные
Сотрет дубина в терево,
Зане она бессмысленное,
Бесчувственное дерево...
Велят громить училища,
Крамолою пропитанные, —
Пойдет, зане в ней силища
Имеется испытанная...
Дубася и постукивая,
Творя успокоение,

Создаст она бамбуковое
В России положение. . .
И пусть там своеволию
Противятся раздавленные,
Она народной волею
De jure¹ ведь поставленная! . .

Такую-то обтесываю
Дубину стоеросовую,
Она, отполированная
И краскою притертая,
Придет к вам запакованная,
С пометкою — «четвертая».

<1912>

232. РЕДАКТОРУ, ЧИТАЮЩЕМУ РУКОПИСИ ЭКСПРОМТ

Ты читаешь. И в осанке
И в лице твоём — бесстрастье,
Ты — что птичка на шарманке,
Вынимающая счастье. . .

<1913>

233. СПИЧ

В этом шумном юбилее
Всех похвал мне та милее,
Что почтенный юбиляр,
Наблюдая ход событий,
Постигая суть открытий,
Силой дьявольских наитий
Так наладил окуляр,
Что за шустрим биоскопом,
Подающим целым скопом

¹ По закону (лат.). — *Ред.*

Маски сел и городов,
Не угнаться даже гончим,
Чутким к запахам следов...
Впрочем... лучше мы закончим...

<1913>,

Иван Козьмич Прутков — псевдоним Бориса Владимировича Жирковича. Родился он в Смоленске в 1888 году. Первые его произведения появились в «Ниве» за 1909 год.

В «Сатириконе» и «Новом Сатириконе» Жиркович воскрешал традиции сатирической поэзии 1860-х годов, создав комическую маску сына знаменитого Козьмы Пруткова. Жиркович использовал жанры басни и литературной пародии для злободневных сатирических разоблачений.

После Октябрьской революции сотрудничал в «Красной газете», «Пушке», «Бегемоте», «Гудке», «Смехаче», «Ревизоре». В 20-х годах выпустил несколько сборников юмористических рассказов и стихотворений: «Взгляд в корень» (Л., 1926), «Всякое такое» (М.—Л., 1926), «Веселая путаница» (Л., 1927), «Для потомства» (Л., 1928) и другие. Жиркович и художник Б. Антоновский создали популярный образ-маску обывателя Евлампия Карпыча Надькина (см. «Приключения Евлампия Карпыча Надькина», М., 1928).

В 30-е годы Жиркович работал в «Крокодиле», писал эстрадные обозрения и скетчи (под псевдонимом Б. Владимиров). Умер он в Волгограде 26 декабря 1943 года.

234. МЕДВЕДЬ

Медведь один, по лесу проходя,
Во рту у Мужика увидел папиросу
И тотчас для решения вопросу
К нему направился. «Скажи-ка не шутя, —
Он молвил Мужику, — как этот сон возможен,
Чтоб был во рту твоём костер разложен?!
Ведь это — чудеса!!»
— «Мой друг, здесь чуда нет! —
Затылок почесав, Мужик ему в ответ. —
Я человек не чародейный,
Не чудеса творю,
А попросту курю. . .»
И подает ему патрон ружейный.
«Вот, если хочешь, закури и сам».
Заржал Медведь и тотчас «папиросу»
Подносит к носу.
Обнюхал, щелкнул по зубам,
Вложил, поджег, три раза кувыркнулся
И. . . растянулся! . .

Смысл басни сей да не пройдет бесследно:
Куренье для здоровья вредно.

<1909>.

Салон ее светлости русской литературы

Карикатура Ре-Ми (Н. Ремизова)

1. А. А. Измайлов. 2. И. И. Ясинский. 3. П. Д. Боборыкин. 4. И. И. Потапенко. 5. П. М. Невежин. 6. Г. И. Чулков. 7. С. М. Городецкий. 8. К. И. Чуковский. 9. В. О. Трахтенберг. 10. А. Рославлев. 11. А. Н. Толстой. 12. Л. Н. Андреев. 13. А. Л. Волынский. 14. А. П. Каменский. 15. Н. Н. Брешко-Брешковский. 16. Б. А. Лазаревский. 17. А. И. Куприн. 18. Скиталец. 19. А. И. Будищев. 20. Ю. Д. Беляев. 21. В. М. Дорошевич. 22. А. Т. Аверченко. 23. Вас. И. Немирович-Данченко. 24. М. А. Кузмин. 25. Тэффи. 26. С. Юшкевич. 27. В. Я. Брюсов. 28. Ал. Ремизов. 29. В. Г. Короленко. 30. О. Дымов. 31. Ф. К. Сологуб. 32. М. Горький. 33. К. Д. Бальмонт. 34. В. В. Розанов. 35. Д. В. Философов. 36. В. И. Иванов. 37. Д. С. Мережковский.

РУССКОЕ БОГОИСКАТЕЛЬСТВО: З. ГИПШУСЬ, Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. ФИЛОСОВОВЪ.

Мережковский: Ну, хорошо... я сейчас занимаюсь для вас богоискательством. А вы лучше сами боговъ—вы моментально займитесь богоборчеством! Стоит ли искать!

235. МУЖИК И ТЕЛЕГА

«Ничто не ново под луной», —
Сказал однажды я, и вдруг передо мной,
Неведомо отколе,
Предстал Мужик в истрепанном камзоле.
Как трость иль гибкая лоза,
Когда пахнёт гроза
Сердитым дуновеньем,
Качался он и, с неким затрудненьем
Взойдя на буерак,
Сказал: «Дурак!
Я пьян, иначе
Смекаю так,
Что ежели телегу я купил, то не иначе
Как *новою* назвать ее должён!»
Сказал — и лег на землю...
Поражен,
Изобразив в лице великое смущенье,
Я возвратился вспять...
Сих слов нравоученье
Легко понять:
Читатель, если хочешь «философом» <ты> стать,
То должен Мужика с телегой вспоминать.

<1909>

236. ВЕШАЛКА

На стоге сена, за сараем,
Насытившись бесцельным лаем,
Лежал дворовый Пес
Барбос.
И се приблизился (откуда, мы не знаем)
Безвестный муж, мудрейший из людей,
И, став меж двух жердей,
От Пса неподалеку,
Сказал ему:
«О ты, чье имя: Пес!
Скажи мне, друг дворовый,
Неужли ж ты настолько глуп,
Что шерсть свою, теплейший свой тулуп

И летом носишь так же, как в суровый
Мороз?!
 Ответствуй на вопрос!»
И се, глаза слегка приоткрывая
И трижды помахав хвостом,
 Ответил Пес:
 «Хоть я рожден скотом,
Но мне понятна истина святая:
 Тулуп я снял бы без труда,
 Да вот беда —
Повесить-то, повесить-то на что же?!»

Читатель! будь в своих сужденьях строже,
Затем, что свойственны ошибки нам порой:
Не лучше ль было, рассудив заране,
С собою вешалку носить в кармане,
Чем шубы не снимать в полдневный зной!!

<1909>

237. ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

 Намедни
Отец Аполлинарий на обедне
 Читал божественную речь
 О том, как в мире зло пресечь.
Лился и час, и два поток словес чудесных...
Он говорил: «Воззрите вы на птиц небесных,
 Не сеют и не жнут,
 И в житницы не собирают —
Лишь тем живут, что им ниспосылают
 Святые небеса...»
 Но тут
Мужик один в потертом армячонке,
 Что возле клироса в сторонке
 Стоял,
 Вздыхнул, затылок почесал
И молвил: «Так-то так, оно примерно...
Двистительно, где ж лучше жизнь найти!
 Да только, господи, прости! —
Собачья это жизнь, ей-богу, верно!..

Не сеют, стало быть, не жнут,
А, почитай, до самой смерти
Навоз клюют!»

На веру не беря, друзья, проверьте
Сей вывод Мужика,
Поистине разительный, —
А я поставлю здесь пока
Знак вопросительный:
?

<1909>

238. ТА ЛИ?!

Звуки плыли, таяли,
Колыхалась талия. . .
Ты шептала: «Тá я ли?!»
Повторяла: «Тá ли я?!»
Не сказал ни слова я,
Лишь качал гитарою. . .
Не соврать же: новая —
Коли стала старою!!

<1910>

239. ОБ ИГЛАХ И ЕЖАХ

БАСНЯ

Однажды швейная Игла,
Которая всю жизнь без передышки шила,
К Игле Адмиралтейской взоры обратила
И речь такую повела:
«Скажи-ка, мать моя, — всё не пойму я толком,
Какой работишкой ты занята?
Строчишь ли по атласу золотом и шелком,
Иль жемчугами шьешь заморские холста?
Поведай нам, несведущим иголкам!»
— «О хамы! — с высоты ответ к ней долетел. —
Судьбою каждому свое дано в удел,
И горе, коль блоха завоюет волком,
А волк — блохою за́ ворот прыгнёт! . . .»

Мораль сих слов читатель сам поймет:
Есть иглы у ежа — но бойся, друг, от скуки
Пытаться ими вышить брюки
(Затем, что переколешь руки!!)

<1910>

240. РЫЦАРСКАЯ ВЕРНОСТЬ

БАЛЛАДА

Узлами кобылам хвосты завязав,
Верхом на хребтах восседая,
Два рыцаря мчались: Ратклиф и Фальстаф,
И с ними их дама — Аглая. . .
Узлами кобылам хвосты завязав,
Скакали Аглая, Ратклиф и Фальстаф.
Они поспешали — не зная куда,
Не помня — зачем и откуда,
И молвила дама: «Увы, господа. . .
Я чую зловещее худо!»
И этой тревоги она не снесла
И тотчас без чувств повалилась с седла. . .
Не знают, что делать, Ратклиф и Фальстаф:
Их обморок дамы тревожит. . .
И первый вздыхает, коней разнуздав,
Второй между тем их треножит.
И оба садятся, и слезы лиют,
И в грудь ударяют, и так вопиют:
«О призрак ужасный неведомых бед,
О тени грядуща волненья!
Какой вы хотите суровый обет
За нашей княжны пробужденье? . . .
Поведайте, много ль ужасных минут
Судили вы нам оставатися тут?»
Меж тем бездыханна, тиха и бледна
Прелестная дама лежала. . .
Над ней молчаливо сияла луна,
И где-то собака визжала. . .
И паки бедняги к судьбе вопиют,
И слезы на труп неподвижный лиют.
А время своею идет чередой,
Минуты в часы вырастают.

То солнце выходит над твердою земной,
То месяц и звезды сияют. . .
И се — к окончанию близится год,
А рыцарям всё неизвестен исход.
Слабеют их силы. . . Фальстаф похудел. . .
Ратклиф от волнения сохнет. . .
И шепчет Фальстаф: «Умереть — наш удел».
И стонет в отчаяньи: «Ох! Нет!». . .
Меж тем от стреноженных верных кобыл
И след их последний навеки простыл. . .
«Умрем же!!!» — рыдая, воскликнул Фальстаф:
И шпагой вспороли желудки. . .
И наземь валяются, кишки растеряв,
И мрут на девятые сутки. . .
Так, верность Аглае до гроба хранив,
Погибли когда-то Фальстаф и Ратклиф. . .

<1911>

241. СКАЗКА О ВОЕВОДЕ ДОСИФЕЕ ПРОЛОГ

Зачинайте, братцы, гусли строити,
Выпивайте, братцы, брагу хмельную.
А и чтоб сказка звончей звенела,
Чтоб в ей быль была,
Виданная да слыханная,
От дедов в наследье даденная,
А и были той — шестьдесят годов.
— А как же ту быль добыти?
Она ведь до пят быльем поросла —
От пят и до самой маковки. . .
Не видать сквозь траву ни эстолько.
— А вы травку прочь вымайте:
Из земли сырой к чертовой матери, —
Пушай одна, вишь, быль стоит,
Без былья ли, былинушки красуется. . .

В славном царстве двадесятом,
Очень пышном и богатом,
Жил с супругою своею
Воевода Досифей.

Сто четыре целых года
Прожил славный воевода,
По числу ли тех годов
Народил себе сынов.
Первый сын звался Кондратом,
А второй, вишь, Каллистратом.
Третий — Пров, четвертый — Нил,
Пятый сыне Феофил.
Сын шестой звался Лукою.
Дальше были: Тит с Кузьмою,
Марк, Васой, Сысой, Менандр,
Павсикакий, Александр,
Ревокат, Анан, Акакий,
Павел, Петр и Павел паки,
Сын Мардарий, сын Калуф,
Феоктист, Андрон, Маруф,
Лев, Прокопий, Симеоне,
Дормидон, Иван, Антоний,
Вновь Иван, еще Иван...
Иоаннов целый стан,
Феофан, Демьян с Касьяном,
Прокл, Терентий с Адрияном...
Сын меньшей звался Федул
И гулять ходил под стул.
Жил маститый воевода,
Всё хирея год от года,
И однажды так жене
Говорит наедине:
«Что ж, Маланьюшка, пора ведь
Нам сей бранный мир оставить...
Сем-ка, кликни сыновей,
Удалых богатырей...»
Собирались тут ребята:
Каллистрат привел Кондрата,
Нила — Пров, Луку — Сысой.
Идут к терему толпой,
Молвят: «Здравствуйте, папаша,
Мы явились — воля ваша...»
«Все ли?»

— «Нет! — воскликнул Тит, —
На горшке Федул сидит...»
Тут поднялся воевода —

Гнил, что старая колода,
Борода висит до пят.
Говорит он: «Каллистрат,
Ты, Кондрат, ты, Пров, ты, Ниле,
Ты, любезный Феофиле, —
Все внемлите: близок час,
Оставляю ныне вас! . . .
Вы ж живите тихомолком,
Не кусай друг друга волком,
Брат за брата стой горой —
Вот завет последний мой.
Все угодья, счетом двести,
Разделите вы по чести,
Дабы всяк, велик ли, мал,
Долю равную забрал».
— «Ка-ак?! — вскричали. — Можно ль этак,
Чтоб старшой и малолеток
Получили равный куш?!
Это, папенька, к чему ж?!»
Между тем, вздохнув трикраты,
Оглядел свои палаты
Досифей в последний раз
И . . . преставился тотчас . . .
«Дети! — молвила Маланья. —
Приложите все старанья,
Чтоб хранить отцов завет . . .» —
И свалилась на паркет . . .
Тут от горя все завыли.
Через три дня хоронили.
Плакал Пров, рыдал Кондрат,
Нил, Гаврила, Каллистрат . . .
А как на дом воротились,
За дележ тотчас сажались.
День сидят, другой сидят —
Пров, Кондрат и Каллистрат,
Феофил, Анан с Лукою,
Павсикакий, Тит с Кузьмою,
Ревокат, Менандр, Калуф,
Феоктист, Демьян, Маруф,
Павел, Мокий, Петр, Порфирий —
Всей семьею: сто четыре . . .
День сидят, другой сидят,

Меж собой галдья галдят.
Чуть лишь день занялся третий,
Повскакали с места дети,
Все вопят: «Тому не быть!»,
И друг друга — ну, тузить! . .
Нила — Пров, Демьян — Кондрата,
Феофиле — Каллистрата,
Тит — Кузьму, Лука — Петра. . .
Лязг зубов и хруст ребра!!!
В день шестой, задравши пятки,
Растянулись без остатка,
Без движенья, без зубов —
Каллистрат, Гаврила, Пров,
Нил, Кондрат, Анан с Лукою,
Павсикакий, Тит с Кузьмою,
Ревокат, Менандр, Калуф,
Феоктист, Касьян, Маруф,
Павел, Петр, Демьян, Порфирий,
Всей семьею: сто четыре.
Лишь меньшей их брат Федул
От сраженья увильнул.

эпилог

Вот, ребяташки, пример вам:
Всяк последний станет первым!
На горшке, глядишь, сидел, —
Ан наследством завладел!!
Тут Федул во храм господень
Собирался в самый тот день,
Говорит дьячку Луке:
«Запиши-ка на листке:
Внявших гласу беса злобну,
Вставших в брань междоусобну
И сложивших животы
Успокой, создатель, ты:
Брата старшего Кондрата,
А второго — Каллистрата. . .»
Тут Федул не мог читать,
Зачинал ревмя рыдать. . .

Тут и мы, братцы, сказку кончали!
Как звончаты гусли в надрыв пришли;
От той ли жалости великой
Все струны на них полопались...
<1911>

212. ФРАНЦУЗСКАЯ БАСНЯ (с дополнением)¹

«Ужель, мой друг, не знаешь, где Париж?!
Так где ж, скажи, квартира наша?
Незнаньем этим ты меня сметишь!»
Мадлена отвечала: «Но, папаша,
Я только Африку учила до сих пор...»
— «Добро! Сейчас расширим кругозор:
Чтоб впредь не ведать затруднений,
Запомни, что Париж — главнейший град на Сене».
— «А Сена где?» — «Во Франции, мой друг».
— «А Франция?» — «La France — небесный
звук!!
Страна прекраснейшая между стран Европы!»
— «Ну, а Европа?» — «(В глушь заводят тропы!
Чем дале — легче тем впросак попасть!)
Европа — на земле; короче, света часть».
— «Ах, так! А где ж земля?» — «Земля, мой друг,
в небесном
Пространстве...» — «А оно?»
Тут, со смущеньем поглядев в окно,
Сказал отец: «Ответить мудрено,
Затем, что говоришь о неизвестном...»
У всякой нации — свой вкус.
И то сказать: папаша был француз,
Воспитан благородно,
И по-французски говорил свободно.
По мне ж, с Мадленой разговор
Окончить было бы, не натрудивши мозга:
Тому подспорьем с давних пор
Нам служит... розга.

<1911>

¹ Из «Le petit français».

243. ИНТИМНОЕ

О том, чего бы я хотел.
Хотел бы я нектар прохладный
Черпать из Стиксовой реки.
Хотел бы я носить чулки
Из тонких нитей Ариадны.
Испечь хотел бы я пирог
Из нежных яблоков раздора,
Хотел бы изобилья *рог*
Узреть на телке, у забора.
Роскошный дом хотел бы я
Сложить из *камня* преткновенья,
И чтоб пред ним, струи лия,
Журчали *волны* вдохновенья,
Чтоб красноречия *фонтан*
Играл брильянтами налево,
А справа высился титан —
Генеалогическое *древо*.
Хотел бы, чтобы ты, дружок,
Прелестна стала, как лилея, —
Тогда б, прелестницу лелея,
Тебя я посадил в горшок.

<1912>

244—245. ИСТИНА ДЛЯ ИСТИННЫХ

1

ЭПИГРАММА

Они «на задних» ходят в мире,
Но я сочувствую скотам...
Итак, друзья, не лучше ль вам —
Как прежде, встать на все четыре?!

<1912>

ЛОВЛЯ РИФМЫ

За рифмой лицемерною в погоне —
 Не сплю, не ем. . .
 В такой беде давно б устали кони,
 Меж тем
 Всё так же прыток я и в вихре бега
 Неутомим, —
 Несусь, лечу, как под гору телега,
 Как тень и дым.
 И мнится — вот, беглянку настигаю:
 Уже пята
 Мелькнула близко. . . Руки простираю,
 Но. . . даль пуста! . . .
 Постой ужю! Крылатая плутовка,
 Придет твой час:
 Тебя за волосы схвачу я ловко, —
 Хоть в первый раз.
 Пусть гибче ты, увертливей миноги, —
 Тебе в плену
 Веревкою повыше пяток ноги
 Стяну.

<1912>

246. НЕВЫПИТОЕ ВИНО, ИЛИ ЗАЧЕМ ТАК ДОЛГО?

БАСНЯ

Оратор некий речь держал,
 В руке ж — вином наполненный бокал.
 Ему внимало с трепетом собранье,
 От жару затаив дыханье.
 Когда ж, во весь поднявшись рост,
 Провозгласил он вдохновенный тост
 И все бокалы поднесли к устам, —
 Вина ни капли не было уж там. . .
 Но как оказия такая приключилась?
 *Покуда речь за часом час струилась —
 Вся влага испарилась.*

Друзья! Вас наперед хочу предостеречь:
Не следуйте печальному примеру —
Читайте «Речь»,
Но только — в меру.

<1913>

247. ПОСТОВОЙ И МЕСЯЦ

БАСНЯ

Сказали мне: «Открой, какое
Различье жить меж Месяцем ночным
И Постовым,
Блюдущим нас в порядке и покое?»
И я отвечивал, раскинувши мозгом:
«Вопрос донныне не решен был мудрецом,
Но грешный аз сие творить дерзаю...
Итак, не токмо разницу я знаю
И в этом и в другом,
Но ведаю и сходство, —
Зане пред вами мысли превосходство
От колыбели мне дано!
Когда округ темно,
То всяк из вас легко приметит,
Что Месяц светит,
Светить же постовому не дано;
Что Месяц светит, но не греет,
Меж тем как Постовой
Всегда лишь *греет*, а не светит (смысл простой —
Его же и осел уразумеет!),
Но надобно и то установить,
Что ежели Постовой впадет в расстройство духа,
То может даже он нежданно *засветить*...

В ухо...»

<1913>

Посв. Бальмонту

1

ВОСТОРЖЕННОЕ

Друзья! Вы зрели ль крокодила,
Когда, блистая чешуей,
На берег мрачный и крутой
Выходит он из глуби Нила?!
Кинжалы — зубы! Пасть — гроза!!
Он весь — как цезарь в колеснице.
И крокодилова слеза
Свисает на его реснице.

2

СТРАСТНОЕ

Белозуба, толстогуба,
Крутобедрa, —
Ты мне нравишься сугубо,
Дева Ходра!
За тобой блуждаю всюду,
Словно тень я...
Ах! зачем в тебе ко блюду
Нет стремленья?!
Полюби меня, о Ходра, —
Вспыхни жаром!
Толстогуба, крутобедрa
Ты недаром!
Буду я, как африканец,
И с тобою
Протанцую мудрый танец
Квиги-бое.
В нос воткну себе браслеты,
Выгну бедра.
Полюби меня за это,
Дева Ходра!!

СДЕРЖАННОЕ

Надоели мне Сахара,
Нил, пантеры, львы, песок...
Крокодилов диких пару
Захватил с собой в мешок.

Взгромоздился на верблюда...
Ходра, милая, прощай!
Удаляюсь я отсюда
Навсегда в родимый край...

Вот и дом. Вхожу уныло,
Всё, что видел, сном зову.
Но... со мною крокодилы
Не во сне, а наяву!

ОДНА ПЕЧАЛЬ СВЕТАЯ

Я телом здесь — душа моя далеко:
У берега нильских вод...
Туда лечу. Туда прелестной око
Меня зовет!
Мой стол украсили немые крокодилы,
Недвижные стоят...
Свечу несет один, другой — чернила,
И оба — мыслей яд...
О Ходра, Ходра!!

<1913>

252. ПУТНИК И ВОРОНА

БАСНЯ

Не вовремя раскрывши рот,
Не оберешься ты хлопот.

Однажды Путник брел из дальнего предела
И так по сторонам зевал,
Что, рот раскрывши, — то и дело
Его закрыть позабывал!

Случилось тут лететь Вороне
(Что тварь сия глупа — давно молва идет!).
К нему направила она полет
И... напрямик попала в рот,
Оттоль — в живот,
И в животе сварилась, как в бульоне.
Читатель-друг! Мораль весьма проста:
Живи, не раскрывая рта,
Дабы не токмо что Ворона не влетела,
Но и тебе чтоб *не влетело*.
<1914>

253. РОЛЬ ПОЭТА ВО ВСЕЛЕННОЙ

Смеюсь —
и мир вокруг смеется.
Пою —
и всё поет кругом.
Задумаюсь —
и дождь прольется.
Заплачу —
в небе грянет гром.
Разгневаюсь —
и взвоют бури,
Вулкан исторгнет пепл и дым.
Смирюсь —
и кроткий свет лазури
Блеснет сиянием живым.
Мечтам отдамся ль —
незабудки
Раскроют венчики, смеясь,
И стрелочник замрет у будки,
В мечтах далече уносясь.
Начну ли речь —
все притаятся,
Окончу —
все кругом вздохнут.
Молчу —
и дураки родятся
Во всей вселенной — там и тут.
<1914>

254. ДРУЖЕСКАЯ БЕСЕДА

Друзья! Идем мы разными путями,
Ваш пыл мне чужд и ропот ваш смешон.
Различие главное меж мной и вами —

Закон.

Меж тем как вы, упорно попирая,
Его хулите — вам же на беду, —
России верный сын, его всегда я
Блюда.

Коль надпись зрю: «Покрашен. Осторожно», —
То стану ль я противу лезть?!

По-вашему ж иначе невозможно,

Как — сесть.

Коль зрю: «Для женщин» — черное на белом,
Пойду ль туда, рассудку поперек?!

Меж тем как вы, не медля, шагом смелым —

Через порог.

Живу спокойно, солнцем упиваюсь,

Читаю о покражах, сплю и ем,

И в словопреньях ваших — други, каюсь —

Я глух и нем.

Судите сами, как могло бы стадо

Пастись, не чуя за собой кнута?

Законный бич — вот верная ограда

Скота.

Судите, как могли бы нас папаши

Блюсти; не упустивши под откос,

Когда бы на обед не стало каши

Хоть из берез?!

В свободомыслии, друзья, зачаток

Всех ваших горестей и всех невзгод,

Зане теленок ласковый двух маток

Сосет.

По-моему, ладьей тот верно правит,

Кто сердца пересиливает боль,

Кто лишь тогда кричит, когда надавят

Мозоль,

Но кто и тут с учтивою улыбкой

Промолвит: «Извините, милый мой:

Я, кажется, вам под ногу ошибкой

Попал ногой! . . .»

Разумному последуйте совету:
Коль ты мужчина, то носи штаны.
Друзья! Вы истину запомнить эту
Должны.

Штаны — эмблема мира и покорства.
Смешон, кто жить надумал без штанов.
Итак, друзья, забудьте вы упорство —
Подрыв основ.

Еще скажу: *галушки есть приятней,*
Чем головой ступени перечесть.
Коль вдуматься, так истины понятней
Несть.

<1914>

255. СВИНЬЯ И ПРЕССА

БАСНЯ

Помойну яму разрывая,
Свинья нашла газетный лист.
«Вот кстати! — думает. — На вид хоть неказист,
Да уж давно сыта я,
Так на досуге почитаю, —
Что пишут нового, о чем гутарит свет.
Чай, речью обо мне полны столбцы газет».
И тот же час свиное рыло
Она к листу оборотила.

Друзья,
Нередко меж людей я примечал такое:
Иной лишь занят тем, что жрет помои,
А всё кричит хвастливо: я да я! —
Точь-в-точь как оная Свинья.

<1914>

Известная под псевдонимом Тэффи писательница Надежда Александровна Бучинская родилась в 1876 году в Петербурге. Образование она получила в одной из петербургских гимназий. «Отец мой, профессор А. В. Лохвицкий, был известным оратором и славился своим остроумием, — говорится в ее автобиографии. — Мать всегда любила поэзию и была хорошо знакома с русской и, в особенности, с европейской литературой».¹

Одно из ранних стихотворений Бучинской, за подписью: «Н. Лохвицкая», появилось в журнале «Север» в августе 1901 года. По признанию самой поэтессы, оно было создано под влиянием Чехова. С этого времени она систематически помещала стихотворения, юмористические рассказы и фельетоны в периодической печати, подписывая их псевдонимом Тэффи (взят из произведений Р. Киплинга).

Вера в торжество справедливости сближала Тэффи с лучшей частью демократической интеллигенции тех лет. Не случайно ее стихотворения печатались в первой большевистской газете «Новая жизнь» (1905). В это время и позднее Тэффи сотрудничала в журналах: «Сигнал», «Зарницы», «Красный смех», «Серый волк», «Столичное утро», «Судьбы народа». Впоследствии несколько ее стихотворных фельетонов появилось в большевистской «Звезде» (в 1911 году), затем в «Руси», «Ниве», «Театре и искусстве», «Беседе», «Баяне». Тэффи работала постоянной фельетонисткой в «Биржевых ведомостях» и в «Русском слове».

В годы реакции творчество Тэффи было направлено главным образом против торжествующего мещанства. В 1910 году она выпустила первую книгу стихов «Семь огней», после нее — множество сборников юмористических рассказов и водевилей, в их числе: «Юмо-

¹ Ф. Фидлер, Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей, М., 1911, с. 203.

ристические рассказы» (тт. 1—2, СПб., 1910—1911), «И стало так» (СПб., 1912), «Карусель» (СПб., 1913), «8 миниатюр» (СПб., 1913), «Дым без огня» (СПб., 1914) и другие. Пьесы и миниатюры Тэффи шли в столичных и провинциальных театрах.

В 1920 году она эмигрировала. За рубежом вышел второй сборник стихов Тэффи — «Passiflora» (Берлин, 1923). В Париже она сотрудничала в газетах «Последние новости» и «Возрождение», где печатались ее «Воспоминания», изданные впоследствии отдельной книгой (Париж, 1931). Из сборников Тэффи, напечатанных в эмиграции, наиболее значительны: «Черный ирис» (Стокгольм, 1921), «Сокровище земли» (Берлин, 1921), «Тихая заводь» (Париж, 1921), «Городок» (Париж, 1927), «Книга Июнь» (Белград, 1931), «Земная радуга» (Нью-Йорк, 1952).

Умерла Тэффи в Париже в 1952 году, приняв незадолго до смерти советское подданство.

256. ПЧЕЛКИ

К. Платонову

Мы бедные пчелки, работницы-пчелки!
И ночью и днем всё мелькают иголки
 В измученных наших руках!
Мы солнца не видим, мы счастья не знаем,
Закончим работу и вновь начинаем
 С покорной тоскою в сердцах.

Был праздник недавно. Чужой. Нас не звали.
Но мы потихоньку туда прибежали
 Взглянуть на веселье других!
Гремели оркестры на пышных эстрадах,
Кружились трутни в богатых нарядах,
 В шитье и камнях дорогих.

Мелькало роскошное платье за платьем...
И каждый стежок в них был нашим проклятьем
 И мукою каждая нить!
Мы долго смотрели без вдоха, без слова...
Такой красоты и веселья такого
 Мы были не в силах простить.

Чем громче лились ликования звуки —
Тем ныли больнее усталые руки,
 И жить становилось невмочь!
Мы видели радость, мы поняли счастье,
Беспечности смех, торжество самовластья...
 И долго не спали в ту ночь!

В ту ночь до рассвета мелькала иголка:
Сшивали мы полосы красного шелка
 Полотнищем длинным, прямым...
Мы сшили кровавое знамя свободы,
Мы будем хранить его долгие годы,
 Но мы не расстанемся с ним!

Всё слушаем мы: не забьет ли тревога!
Не стукнет ли жданный сигнал у порога!
 Нам чужды и жалость и страх!
Мы бедные пчелки, работницы-пчелки,
Мы ждем, и покорно мелькают иголки
 В измученных наших руках...

<1905>

257. ПАТРОНЫ И ПАТРОН

Спрятав лик в пальто бобровое
От крамольников-врагов,
Получивши нечто новое,
Едет Трепов в Петергоф.

Покидая пост диктатора,
Льет он слезы в три реки.
Два шпиона-provокатора
Сушат мокрые платки.

«Ах! Подобного нелепого
Я не ждал себе конца:
Генерал-майора Трепова,
Благодетеля-отца,

Кто порядки образцовые
Ввел словами: «Целься! Пли!» —
В коменданты во дворцовые
Не спросился упекли!

Ведь для них я был Мессиею,
Охранял и строй, и трон,
Был один над всей Россиею
Покровитель и патрон!»

Трепов! Не по доброй воле ли
С места вам пришлось слететь?
Сами вы учить изволили,
Чтоб патронов не жалеть!

<1905>

258

Ты пойдя, моя коровушка, домой,
Ты пойдя, моя непоенная!
За тобой давно следит городской:
Будешь скоро успокоенная!

Запишись скорей ты в партию П. П.
Иль возьми за ум да в «Русскую»;
Коль найдешь друзей в шпионе да в попе,
Не спознаешься с кутузкою.

Если ж нет — тебя сведут в арестный дом,
Изобьют тебя, как гадину,
Назовут тебя крамолы вожаком
И съедят твою говядину!..

<1906>

259

Мой черный карлик целовал мне ножки,
Он был всегда так ловок и так мил!..
Мои браслетки, кольца, серьги, брошки
Он убирал и в сундучке хранил.

Но в черный день печали и тревоги
Мой карлик вдруг поднялся и подрос...
Вотще ему я целовала ноги —
И сам ушел, и сундучок унес!

<1909>

У маменьки своей спросило раз дитя,
 От робости смущаясь и краснея:
 «Скажите мне всю правду, не шутя,
 Отцом иль матерью — кем быть труднее?»

Молчала мать, не зная, что сказать,
 Но гувернантка молвила беспечно:
 «Давно тебе самой пора бы знать,
 Что матерью труднее быть, конечно.

Когда бы ты историю прочла,
 Тебе б ясна была тому причина:
 Ведь папой в Риме женщина была,
 А мамой — ни один мужчина!»

<1910>

261. АЛЕКСАНДРИТ

Лучами обманно-влекущими,
 Лучами небес опьянен,
 Он, грезящий райскими кущами,
 Зеленый и радостный днем,
 Ночью горит
 Александрит,
 Вкованный в перстне моем!

Чрез пламя огней очищающих,
 Отринув надежду и страх,
 Иду я к блаженству сгорающих
 В безогненных черных кострах. . .
 Прóкляты дни,
 Жизни огни. . .
 Солнцем рождаемый прах!

Разрушу я грани запретные
 Последним кровавым мечом. . .

263. МОНАХИНЯ

Вчера сожгли мою сестру,
 Безумную Мари.
Ушли монахини к костру
 Молиться до зари...
Я двери наглухо запру.
 Кто может — отвори!

Еще гудят колокола,
 Но в келье тишина...
Пусть там горячая зола,
 Там, где была она!..
Я свечи черные зажгла,
 Я жду! Я так должна!

Вот кто-то тихо стукнул в дверь,
 Скользнул через порог...
Вот черный, мягкий, гибкий зверь
 К ногам моим прилег...
Скажи, ты мне принес теперь
 Горячий уголек?

Не замолю я черный грех —
 Он страшен и велик!
Но я смеюсь и слышу смех,
 И вижу странный лик...
Что вечность ангельских утех
 Для тех, кто знал твой миг!

Звенят, грозят колокола,
 Гудит глухая медь...
О если б, если б я могла
 Сгорая умереть!
Огненным вихрем взвейся мгла!
 Гореть хочу! Гореть!

<1910>

264. ГУЛЬДА

На кривеньких ножках заморыши-детки!
Вялый одуванчик у пыльного пня!
Я старая птица, ослепшая в клетке!
Я скажу! Я знаю! Слушайте меня!

В сапфировой башне золотого чертога
Королевна Гульда, потупивши взор,
К подножью престола для господа бога
Вышивает счастья рубинный узор.

Ей служат покорно семь черных оленей,
Изумрудным оком поводят, храпят,
Бьют оземь копытом и ждут повелений,
Ждут, куда укажет потупленный взгляд.

Вот взглянет — и мчатся в поля и долины,
К нам, к слепым, к убогим, на горе и страх!
И топчут, и колют, и рдеют рубины —
Капли кроткой крови на длинных рогах. . .

Заморыши-детки! Нас много! Нас много,
Отданных на муки, на смерть и позор,
Чтоб вышила счастья к подножию бога
Королевна Гульда рубинный узор!

<1910>

265. БЕДНЫЙ АЗРА

Каждый день чрез мост Аничков,
Поперек реки Фонтанки,
Шагом медленным проходит
Дева, служащая в банке.

Каждый день на том же месте,
На углу, у лавки книжной,
Чей-то взор она встречает —
Взор горящий и недвижимый.

Деве томно, деве странно,
Деве сладостно сугубо:
Снится ей его фигура
И гороховая шуба.

А весной, когда пробилась
В скверах зелень первой травки,
Дева вдруг остановилась
На углу, у книжной лавки.

«Кто ты? — молвила, — откройся!
Хочешь — я запламенею
И мы вместе по закону
Предадимся Гименею?»

Отвечал он: «Недосуг мне.
Я агент. Служу в охране
И поставлен от начальства,
Чтоб дежурить на Фонтанке».

<1911>

266

Тоска моя, тоска! Я вижу день дождливый,
Болотце меж чахнувших берез,
Где, голову пригнув, смешной и некрасивый,
Застыл журавль под властью долгих грез.
Он грезит розовым сверкающим Египтом,
Где раскаленный зной рубинность в небе льет.
Где к солнцу, высоко над пряным эвкалиптом,
Стремят фламинго огнекрылый взлет.
Тоска моя, тоска! О, будь благословенна
В болотной темноте уродливых темниц,
Осмеянная мной, ты грезишь вдохновенно
О крыльях пламенных солнцерожденных птиц.

<1915>

267. ПОДСОЛНЕЧНИК

Когда Оно ушло и не вернулось днем,
Прекрасное жестокое светило,
Не думая о нем, я в садике моем
Подсолнечник цветущий посадила.

Свети! Свети! — сказала я ему,
Ты — солнышко мое, твоим лучом согрета,
Вновь зацветет во мне ушедшая во тьму
Душа свободного и гордого поэта.

Мы нищие. Для нас ли будет день!
Мы гордые. Для нас ли упования!
И если черная над нами встала тень,
Мы смехом заглушим свои стенанья.

<1915>

268

Мне сегодня как будто одиннадцать лет —
Так мне просто, так пусто, так весело!
На руке у меня из стекляшек браслет,
Я к нему два колечка привесила.
Вы звените, звените, колечки мои,
Тешьте сердце веселой забавою.
Я колечком одним обручилась любви,
А другим повенчалась со славою.
Засмеюсь, разобью свой стеклянный браслет,
Станут кольца мои расколдованы,
И раскатятся прочь, и пусть сгинет их след
Оттого, что душе моей имени нет
И что губы мои не целованы!

1915

269

Он ночью приплывет на черных парусах,
Серебряный корабль с пурпурною каймою,
Но люди не поймут, что он пришел за мною,
И скажут: «Вот луна играет на волнах!»

Как черный серафим три парные крыла,
Он вскинет паруса над звездной тишиною,
Но люди не поймут, что он уплыл со мною,
И скажут: «Вот она сегодня умерла»...

270. ЧЕРНОЕ ЗАПЯСТЬЕ

Меня любила ночь, и на руке моей
Она сомкнула черное запястье...
Когда ж настал мой день — я изменила ей
И стала петь о солнце и о счастье.

Дорога дня пестра и широка —
Но не сорвать мне черное запястье!
Звенит и плачет звездная тоска
В моих словах о солнце и о счастье!

271

Ты меня, мое солнце,
Всё равно не согреешь,
Ты горишь слишком тихо,
Я хочу слишком знойно!

Ты меня, мое сердце,
Всё равно не услышишь,
Ты стучишь слишком звонко,
Я зову слишком робко!

Ты меня, мое счастье,
Всё равно не утетишь,
Ты солжешь слишком нежно,
Я пойму слишком горько!

Ты меня, мой любимый,
Всё равно не полюбишь.
Я горю слишком ярко —
Ты возьмешь слишком просто!

Вот завела я песенку,
А спеть ее — нет сил.
Полез горбун на лесенку
И солнце погасил. . .

По темным переулочкам
Ходил вчера Христос —
Он всех о ком-то спрашивал,
Кому-то что-то нес. . .

В окно взглянуть не смела я —
Увидят, забранят!
Я черноносых, лапчатых
Качаю горбунят. . .

Цветут тюльпаны синие
В лазоревом краю. . .
Там кто-нибудь на дудочке
Доплачет песнь мою!

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании собраны стихотворения наиболее значительных поэтов «Сатирикона», за исключением Саши Черного, произведения которого вышли отдельной книгой в Большой и Малой сериях «Библиотеки поэта» в 1960 и 1962 гг. Стихотворное наследие сатириконцев довольно обширно и крайне неравноценно. Здесь предпринята первая попытка отобрать лучшие их произведения.

Сборник состоит из двух разделов. В первом приведены избранные стихотворения трех наиболее заметных поэтов «Сатирикона» — П. Потемкина, В. Горянского и В. Князева. В другой части книги представлены остальные поэты «Сатирикона». Стихотворения внутри каждого раздела расположены в хронологической последовательности. Деление на тематические циклы, существовавшее в прижизненных изданиях, не соблюдается, так как из каждого поэтического сборника берется лишь небольшое число произведений. Тексты публикуются по последним авторским редакциям, относящимся к периоду издания «Сатирикона» и «Нового Сатирикона». Творчество поэтов после 1918 г. не представлено.

В отступление от традиции в сборнике Потемкина «Смешная любовь» (СПб., 1908) заглавные буквы были употреблены автором так же, как в прозаическом тексте, т. е. только в словах, открывающих новое предложение. Впоследствии, со сборника «Герань» (СПб., 1912), Потемкин отказался от этой особенности и печатал заглавные буквы в начале каждой строки. Несколько стихотворений из «Смешной любви» он сам перепечатал уже по обычной системе, которая последовательно проведена и в настоящем издании.

В примечаниях к стихотворениям указывается первая публикация, затем более поздние, если они содержат в себе разночтения, отличающие их друг от друга; наконец, последняя редакция сатириконских изданий, по которой печатается произведение в настоящем издании. Если стихотворение не подвергалось автором каким-либо смысловым изменениям, в примечаниях дается ссылка лишь на первую публикацию. Оговорены случаи, когда произведения сатириконцев появлялись в печати без подписи или под тем или иным псевдонимом, отличным от основного псевдонима, под которым данный поэт выступал в «Сатириконе».

В примечаниях к стихотворениям В. Князева отмечено, когда дата публикации противоречит авторской дате: в 1919 г., готовя

к печати «Первую книгу стихов», Князев датировал многие стихотворения ошибочно, по памяти.

В угловых скобках указаны даты первых публикаций, но они, как правило, видимо, являются и датами написания большинства стихотворений. Это относится ко всем произведениям, опубликованным в периодических изданиях («Сатириконе», «Новом Сатириконе», «Дне», «Биче» и т. д.). Стихотворения, время написания которых установить не удалось, помещены в конце разделов без дат.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

«В тылу» — Е. Венский, «В тылу», СПб., 1916.

Г — П. Потемкин, «Герань», СПб., 1912.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ДП — В. Князев, «Двуногие без перьев», СПб., 1914.

КЗ — В. Горянский, «Крылом по земле», Пг., 1915.

МД — В. Горянский, «Мои дураки», Пг., 1915.

МК — Евг. Венский, «Мое копыто. Книга великого пасквиля. Литературные шаржи, карикатуры, пародии, памфлет», СПб., 1910.

МК-2 — то же, изд. 2-е, СПб., 1911.

НС — «Новый Сатирикон».

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.

ПК — В. Князев, «Первая книга стихов», Пг., 1919.

С — «Сатирикон».

СЛ — П. Потемкин, «Смешная любовь», СПб., 1908.

СП — В. Князев, «Сатирические песни», СПб., 1910.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

I

П. П. ПОТЕМКИН

1. «Сигналы», 1906, № 1, с. 6, подпись: Андрей Леонидов. Потемкин иронизирует здесь над царским манифестом 17 октября 1905 г. (см. примеч. 129). Перепев известной басни Козьмы Пруtkова «Пастух, молоко и читатель».

2. «Сигналы», 1906, № 1, с. 4. *Дубасов Ф. В. (1845—1912)* — московский генерал-губернатор, жестоко подавивший декабрьское вооруженное восстание 1905 г. *А я так всю Москву спалила.* Здесь обыгрывается распространенное выражение: «От копеечной свечки Москва сгорела».

3. «Сигналы», 1906, № 1, с. 4, подпись: Андрей Леонидов.

4. «Водолаз», 1906, № 4, с. 11.

5. «Золотое руно», 1907, № 1, с. 33. Печ. по СЛ, с. 25, где помещено в разделе «Петербург». В 1906 г. было прислано на конкурс журнала «Золотое руно», который предусматривал раскрытие темы «Дьявол» в философском и художественном аспектах. Постановлением жюри было решено напечатать без премии.

6. СЛ, с. 52, в цикле «На водопады», в разделе «Петербург». Написано во время поездки Потемкина в Олонецкую губернию и на Кивач, в 1907 г. *Троеручица* — богоматерь.

7. СЛ, с. 5, в разделе «Смешная любовь».

8. СЛ, с. 6, в разделе «Смешная любовь».

9—10. СЛ, с. 8—10, в разделе «Смешная любовь». *Пансионерки* — здесь: гимназистки.

11. СЛ, с. 15, в разделе «Петербург». *Татарин* — здесь: старьевщик.

12. СЛ, с. 17, в разделе «Петербург».

13. СЛ, с. 19, в разделе «Петербург».

14. СЛ, с. 24, в разделе «Петербург».

15—19. СЛ, с. 31—37. *Альмавива* — мужской плащ особого покроя. *Сулящим мне одну любовь... Измены нет — она мечта*. Намек на стих З. Гиппиус «Измены нет, любовь — одна» (из стихотворения «Любовь — одна»).

20—22. СЛ, с. 49, в разделе «Новая любовь».

23. С, 1909, № 14, с. 6.

24. С, 1909, № 17, с. 5. Печ. по Г, с. 85, где помещено в разделе «Герань печальная».

25. С, 1910, № 6, с. 4, под загл. «Обыкновенная история», в специальном номере «О пошлости». Печ. по Г, с. 141, где помещено в разделе «Герань в цвету». «*Кафе де Пари*» («Парижское кафе») — в Петербурге. «*Яма*» — повесть А. И. Куприна, где описана жизнь публичного дома.

26. С, 1910, № 11, с. 2. *Квисисана* — ресторан в Петербурге.

27. С, 1910, № 12, с. 4, под загл. «Весенний муж». Печ. по Г, с. 158, где помещено в разделе «Герань в цвету».

28. С, 1910, № 13, с. 2.

29. С, 1910, № 14, с. 5. *Лебязья канавка* — узкий канал возле Летнего сада в Петербурге.

30. С, 1910, № 17, с. 6. *Красная горка* — первое воскресенье после Пасхи; в этот день часто устраивались свадебные обряды. *Старший* — старший дворник.

31. С, 1910, № 21, с. 5. *Парегорик* — лекарство от кашля.

32. С, 1910, № 39, с. 4, под рисунком А. Радакова (см. между с. 80 и 81), в специальном номере, посвященном осмеянию провинции.

33. С, 1910, № 40, с. 6.

34. С, 1910, № 43, с. 3.

35. С, 1910, № 45, с. 8. Печ. по Г, с. 145, где помещено в разделе «Герань в цвету». *Театр «Стиль»* — вероятно, подразумевается театр «Модерн» в Петербурге. *Качуча* — испанский танец. *Ки-ка-пу* — эстрадный танец, модный в начале XX в. *Тальма* — длинная накидка без рукавов. *Ток* — высокий головной убор без полей.

36. С, 1910, № 50, с. 7, в специальном номере, посвященном осмеянию глупости. Печ. по Г, с. 13, где помещено в разделе «Женна герань». В первопечатном тексте стихотворение начиналось строками:

Читатель, не посетуй,
Прости мне по секрету,
Что в номере «о глупости»
 Про глупости
 По глупости
Пишу я только глупости.

Ницше Фридрих (1844—1900) — немецкий писатель и философ-идеалист, взгляды которого отличались крайним индивидуализмом.

37. С, 1911, № 11, с. 7. *Сулея* — фляга, бутылка. *Сарпинка* — тонкая хлопчатобумажная ткань, полосатая или клетчатая.

38. С, 1911, № 15, с. 2.

39. С, 1911, № 17, с. 8. *Румынский оркестр* — музыкальный ансамбль, широко известный в те годы; участниками его были румыны. *Девушка из Риги* — публичная женщина. *Кэк-уок* — модный танец с быстрыми телодвижениями. *Рубинштейн* Антон Григорьевич (1829—1894) — русский композитор и знаменитый пианист-виртуоз. «*Молитва девы*» — музыкальная пьеса сентиментального характера.

40. С, 1911, № 18, с. 5.

41. С, 1911, № 20, с. 5. Печ. по Г, с. 135, где помещено в разделе «Герань в цвету». *Стрелка* — район Петербурга, длинная, узкая часть Васильевского острова.

42. «Солнце России», 1911, № 20, с. 8. Печ. по Г, с. 33, где помещено в разделе «Герань стыдливая». *Эспри* — украшение на женской шляпке.

43. «Солнце России», 1911, № 23, с. 9. Печ. по Г, с. 189, где помещено в разделе «Герань в цвету». *Азям* — долгополый кафтан из сукна или верблюжьей шерсти.

44. С, 1911, № 22, с. 3. *Бонтонно* — по правилам хорошего тона. «Рим» — меблированные комнаты в Петербурге. *Троицын день* — христианский праздник, приходящийся на 50-й день после Пасхи.

45. С, 1911, № 24, с. 6. *Фай* — род шелковой ткани. *Визг трехрядной* — звуки гармонии. «*Халат, халат, халат!*» — возглас старьевщика.

46. С, 1911, № 32, с. 5. *Женя* — Евгения Хованская, актриса театра «Кривое зеркало», первая жена Потемкина. *Муслинденел* — плотный блестящий материал типа сатина. «*Мужчина, угостите пивом!*» По этому обращению узнавали публичную женщину.

47. «Солнце России», 1911, № 34, с. 10. *Атава* — жесткая и сухая трава.

48. С, 1911, № 37, с. 2. *Обабок* — гриб подберезовик.

49. С, 1911, № 38, с. 3. *Жамочки* — грошовые мятные пряники.

50. С, 1911, № 39, с. 8.

51. С, 1911, № 42, с. 5. «*Ранняя*» — обедня в церкви. *Три пуда с лишком елки взято*. По старому обычаю, на похоронах дорогу устилали ветками ели. *Великое Око* — один из символов бога у христиан; изображение ока иногда встречалось в церквях и храмах.

52. С, 1911, № 45, с. 3, в специальном «провокационном» номере. Было включено в список произведений, вызвавших нарекания цензуры (ЦИАЛ, фонд СПб. комитета по делам печати). *Октябрист* — член буржуазно-монархической партии «17 октября», образовавшейся в 1905 г.

53. С, 1911, № 46, с. 5. *Шапокляк* — складной на пружинах цилиндр. «*Вена*» — ресторан среднего класса; *Кюба* — более дорогой; *Донон* — самый шикарный ресторан. *Полишнель* — французское название маски слуги Пульчинеллы в народной итальянской «комедии масок». *Кассандра* (греч. миф.) — дочь троянского царя Приама, зловещая прорицательница. *Боттичелли* Сандро (1441—1510) — итальянский живописец. *Тинторетто* Якобо (1518—1594) — итальянский живописец венецианской школы.

54. С, 1911, № 51, с. 2.

55—58. Всего в цикл входит 15 стихотворений. Первое — С, 1910, № 36, с. 4; второе — С, 1913, № 17, с. 5, под загл. «В анакреонтическом роде»; остальные — Г, с. 60—63, в разделе «Герань мишурная». По свидетельству Б. Лазаревского, написано в 1909 г., о чем говорится в его «Дневнике» от 13 мая 1909 г.: «Вечером Потемкин на «тепи» написал мне стихи. Я люблю его оригинальность, и без ломания она». Дальше приводится стихотворение «Философ и рабыня»

без загл. (ПД). В цикле «Маскарад» запечатлена атмосфера костюмированных вечеров в доме писателя Ф. К. Сологуба, которые устраивала его жена А. Н. Чеботаревская. По свидетельству А. Кондратьева, здесь часто бывал Потемкин («Возрождение», 1928, 9 февраля). *Ванька-Клюшник* — персонаж популярной народной песни.

59—62. Второе — «Солнце России», 1911, № 29, с. 10; остальные — Г, с. 39, 42, 44, в разделе «Герань стыдливая». По мотивам «Китайского болванчика» Потемкин написал впоследствии драматическую миниатюру «Оживший фарфор», которая шла в театре «Летучая мысль». *Дагерротип* — изображение, полученное посредством дагерротипии, старинного способа фотографирования. *Шерл* — драгоценный камень (турмалин), использовавшийся в ювелирных изделиях.

63. С, 1912, № 4, с. 2. «Журнал для всех» — популярный иллюстрированный ежемесячник, издававшийся В. С. Миролубовым. «Грех» — картина немецкого художника Франца Штука.

64. С, 1912, № 20, с. 7. *Шокинг* (англ.) — неловкое положение, скандал. *Мойка* — набережная реки Мойки в Петербурге.

65. С, 1912, № 21, с. 3, в специальном «полицейском» номере. «Перикола» — оперетта Жака Оффенбаха. *Бибель* Август Фердинанд (1840—1913) — руководитель немецкой социал-демократической партии. *Каутский* Карл (1854—1938) — один из лидеров немецкой социал-демократической партии, впоследствии изменивший делу освобождения пролетариата. *Бокль* Генри Томас (1822—1862) — английский историк. «Капитал» — фундаментальное исследование Карла Маркса по политической экономии. *Маркса знал он*. Имеется в виду издатель и книгопродавец А. Ф. Маркс (1838—1904), выпускавший мещанский журнал «Нива».

66. Г, с. 24, в разделе «Герань стыдливая».

67—69. Г, с. 97, в разделе «Герань персидская». *Газелла* — одна из лирических форм восточной поэзии.

70. Г, с. 202, в разделе «Герань в цвету». *Колокольня Ивана Великого* — исторический памятник XVI в. в Московском кремле; постройка его была завершена при Борисе Годунове. *Ре-ми* — псевдоним художника-сатириконца Н. Ремизова (Васильева).

71—72. НС, 1913, № 5, с. 7.

73. С, 1913, № 13, с. 11. *Субретка* — веселая плутоватая горничная, посвященная в секреты госпожи; традиционный персонаж европейской драматургии XVI—XVIII вв. *Вяльцевская «Тройка»* — песня «Тройка» (на слова Н. А. Некрасова) в исполнении популярной эстрадной певицы А. Д. Вяльцевой.

74. НС, 1913, № 14, с. 7.

75. НС, 1914, № 42, с. 11. Здесь речь идет о налете немецких цеппелинов на Париж в начале первой мировой войны.

76. С, 1913, № 19, с. 13, без загл., в цикле «В глуши». Печ. по МД, с. 13.

77. С, 1913, № 19, с. 13, без загл., в цикле «В глуши». Печ. по МД, с. 33. *Станислав* — орден.

78. С, 1913, № 24, с. 10, в цикле «Песни о жене». Печ. по МД, с. 7.

79. С, 1913, № 25, с. 7, под загл. «За книгой», в цикле «Песни о жене». Печ. по МД, с. 29.

80. НС, 1913, № 27, с. 3.

81. НС, 1913, № 28, с. 15, в юбилейном номере, посвященном пятилетию С. *Фома Опискин* — персонаж повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково»; Фома Опискин стал сатирической маской обывателя в политике, которую создал в своих рассказах А. Т. Аверченко. *Тогда бы варенье из вишен или черешен*. В одном из номеров С сообщалось о смерти Фомы Опискина, который якобы умер от аппендицита; причиной смерти была проглоченная вишневая косточка. *Октябрист* — см. прим. 52. *Братья-писатели* и т. д. Иронический перепев строк Некрасова из стихотворения «В больнице» («Братья-писатели, в нашей судьбе Что-то лежит роковое»).

82. НС, 1914, № 1, с. 4. *Прясла* — звенья изгороди. *Супрядки* — посиделки, вечеринка.

83. НС, 1914, № 2, с. 3. *Мажара* — большая, длинная телега. *Херсонесский монастырь* — старинный собор в предместьях Севастополя.

84. НС, 1914, № 3, с. 8, в цикле «Мещанские скорби». *Вержбилович* А. В. (1849—1911) — русский виолончелист. *Фуга* — вид полифонического музыкального произведения, для которого характерны контрапункты — одновременное звучание двух или нескольких самостоятельных мелодий. «*Очи черные*» — популярный «цыганский» романс на слова Е. П. Гребенки.

85. НС, 1914, № 11, с. 7. *Турникет* — вертящаяся крестообразная рогатка, устанавливаемая при входе у пристаней и в др. местах для пропуска публики по очереди.

86. НС, 1914, № 15, с. 11, под загл. «О политике», в цикле «Мещанские скорби». Печ. по МД, с. 41. *Конфуций* (Кун-фу-цзи) (ок. 551—479 до н. э.) — легендарный китайский философ. *Петров ли, Иванов ли на корме сидят*. В первопечатном тексте было: «Горемыкин ли, Коковцев на корме сидят». Горемыкин И. Л. и Коковцев В. Н. — царские министры.

87. НС, 1914, № 26, с. 7.

88. НС, 1914, № 26, с. 4, под загл. «Домовой». *Илья* — христианский праздник Ильи Пророка (20 июля). *Прясло* — здесь: шест. *Кострика* — сорная трава метлика. *Покровщина* — христианский праздник Покрова, отмечаемый 1 октября.

89. НС, 1914, № 43, с. 10. *Запасные* — прошедшие военную службу и вновь призываемые в армию в случае надобности; обычно люди преклонного возраста.

90. НС, 1914, № 45, с. 3, в разделе «Мещанские скорби». «*Родина*» и «*Нива*» — иллюстрированные журналы, популярные в обывательской среде.

91. КЗ, с. 5. *Гладина* — чистая прогалина. *Лава* — дощатые мостки через речку. *На́большая суббота* — канун Пасхи.

92. КЗ, с. 14. *Воинов* Владимир Васильевич — поэт-сатириконец (см. о нем с. 273). *Фелюга* (фелюка) — небольшое парусное судно. *Низовка* — ветер с моря.

93. КЗ, с. 37.

94. КЗ, с. 39.

95. КЗ, с. 43. *Постановные* — красивые, стройные. *Посестра* — подруга, товарка. *С перинам да полушубкам*. Здесь и ниже приводятся диалектные формы творительного падежа в северных говорах. *Окруты* — праздничная женская одежда.

96. КЗ, с. 55. *Загуменье* — задворки, место за гумном. *Волок* — гужевый путь в дремучем лесу. *Ширинка* — узкое полотнище.

97. КЗ, с. 62.

98. КЗ, с. 75, в разделе «В плену каменном». *Лебедев* Иван Владимирович — сотрудник газеты «Вечернее время».

99. КЗ, с. 81. *Зозуля* Ефим Давыдович (1891—1942) — сатирик и беллетрист, работавший секретарем редакции НС; впоследствии — известный советский писатель. В стихотворении Горянский пытался охарактеризовать основные особенности сатириконской поэзии, которая, в его оценке, была своего рода «лавочкой сластей».

100. КЗ, с. 89.

101. КЗ, с. 95.

102. КЗ, с. 101. *Пан* (греч. миф.) — бог лесов, покровитель стад.

103. КЗ, с. 103, в разделе «В плену каменном». *Поет о костре в тумане*. Имеется в виду известный цыганский романс «Мой костер в тумане светит...» (на слова Я. П. Полонского).

104. КЗ, с. 106, в разделе «В плену каменном».

105. КЗ, с. 141, в разделе «Страда великая».

106. МД, с. 5.

107. МД, с. 39.

108. МД, с. 43.

109. НС, 1915, № 10, с. 9, в цикле «Мещанские скорби». *Глиници* — предместье Петербурга. *Паникадило* — церковный светильник. *Флердоранж* — белый цветок померанцевого дерева, украшение свадебного наряда невесты. «*Гряди, гряди, голубица!*» — традиционный возглас священника во время обряда венчания.

110. НС, 1915, № 5, с. 6. *Кивот* — створчатая рама, ящик для икон. «*Красная шапочка*» — народная сказка, известная в обработке Э. Т. А. Гофмана и братьев Гримм.

111. НС, 1915, № 13, с. 2.

112. НС, 1915, № 47, с. 5.

113. НС, 1915, № 50, с. 7. *Классный чин*. Согласно таблицы о рангах, введенной Петром I, все государственные чиновники России разделялись на 14 классов; для получения одного из нижних чинов сдавался экзамен.

114. «Бич», 1916, № 9, с. 13.

115. НС, 1916, № 12, с. 10. Беловой автограф — ГПБ, без даты.

116. НС, 1916, № 14, с. 6.

117. НС, 1916, № 15, с. 2. *Митра* — конусообразный головной убор высшего духовенства.

118. НС, 1916, № 17, с. 8.

119. НС, 1916, № 22, с. 7. *Тропарь* — церковное песнопение.

120. НС, 1916, № 33, с. 5. *Орфей* (греч. миф.) — певец, обладавший волшебным даром приводить в движение скалы и укрощать диких зверей с помощью песен. *Невский — дом девяносто*. Здесь помещалась редакция ежемесячного журнала «Читальня народной школы».

121. НС, 1917, № 2, с. 10. *Марьяж* — свадьба. *Карат* — единица веса драгоценных камней. *Кубелик Ян* (1880—1940) — выдающийся чешский скрипач.

122. «Летопись», 1917, № 5-6, с. 6. Единственное произведение Горянского, опубликованное в горьковском журнале «Летопись», где в том же году появились отрывки из поэмы Маяковского «Война и мир». *Созерцатели йоги* — философы-брахманисты в Индии, призывающие к внутреннему созерцанию и самоусовершенствованию. *Наталь* — провинция в Южно-Африканском Союзе. *Великая пустыня* — Сахара. *Ты разорила рабочий Брюссель*. В самом начале первой мировой войны германская армия овладела столицей Бельгии. *Ковна* — Каунас.

123. НС, 1917, № 16, с. 7.

124. НС, 1917, № 17, с. 11. *Воскрес суций во гробе*. Имеется в виду евангельская притча о воскресении распятого Христа. *Дуван* — место сходки.

125. НС, 1917, № 18, с. 2. *Как в стародревнем Китае*. Порох был изобретен в Китае.

126. НС, 1917, № 39, с. 7, в цикле «Психология творчества». *Часть* — полицейский участок. *Клирос* — возвышение в православной церкви (справа и слева от алтаря), местонахождение певчих. *Раскольников* — герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». *Гарпагон* — скупец, главное действующее лицо комедии Мольера «Скупой».

В. В. КНЯЗЕВ

127. «Поединок», 1906, № 1, с. 6. Написано на музыку Г. Мурденгофа; одна из популярных рабочих песен, часто распевавшаяся на массовках и демонстрациях.

128. «Поединок», 1906, № 1, с. 3.

129. «Овод», 1906, № 6, с. 2. Перепев сатирического стихотворения А. К. Толстого «У приказных ворот собирался народ...» *От октябрьских свобод* и т. д. Имеется в виду царский манифест 17 октября 1905 г., в котором провозглашался созыв законодательной Думы. Однако обещанные в манифесте гражданские свободы оказались фикцией: вслед за ним последовала жестокая расправа с революционной Россией. На обложке журнала, где помещено стихотворение Князева, был изображен Николай II, косящий окровавленной косой народ и демократическую интеллигенцию. *Сотни разных газет получили запрет*. После 1905 г. было прекращено около 2500 поврежденных изданий.

130. С, 1911, № 3, с. 3, с подзаголовком «Гримасы жизни» и посвящением М. П — ой. Печ. по ПК, с. 256.

131. «Стрекоза», 1908, № 1, с. 3, датировано. Подражание стихотворению Беранже «L'habit de cour ou visite à une altesse», широко известному в русском переводе В. С. Курочкина («Новый фрак»). *Юс* — буква церковнославянского алфавита.

132. «Стрекоза», 1908, № 2, с. 7, под загл. «Супруги Машинны». Печ. по СП, с. 4. *Судный день* — по религиозным представлениям, день «страшного суда».

133. С, 1908, № 3, с. 3. Здесь высмеиваются кадеты, члены конституционно-демократической партии, образовавшейся в 1905 г.

134. С, 1908, № 12, с. 15.

135. «Стрекоза», 1908, № 14, с. 4, под загл. «Увы! (Почти некролог)». Печ. по ДП, с. 8. Здесь, как и в цикле «Дикое мясо», высмеиваются черносотенцы. *Русский Союз* — «Союз русского народа», черносотенная организация, созданная в 1905 г. для борьбы с революцией.

136. «Стрекоза», 1908, № 25, с. 7, под загл. «Либерал у зеркала»; С, 1908, № 11, с. 5, с подзаголовком «Из ненаписанных песен Беранже». Печ. по СП, с. 19.

137. С, 1908, № 34, с. 3, с подзаголовком «Из ненаписанных песен Беранже», в специальном номере, посвященном русской прессе; ДП, с. 17, под загл. «Дон-Кихот», в разделе «У позорного столба». Печ. по ПК, с. 76. *Обуховская больница* — благотворительная больница для бедных в Петербурге.

138. С, 1909, № 46, с. 2, в номере, посвященном разоблачению русских черносотенцев; СП, с. 14. Печ. по ПК, с. 97. *Заморянин* — иностранец. *Откупай да руби*. Выступление против усиливающегося проникновения иностранного капитала в русскую промышленность.

139. С, 1909, № 16, с. 3, под загл. «В черные годы»; СП, с. 13, под загл. «В годы лихолетья». Печ. по ПК, с. 12, где входило в цикл «После загубленной революции».

140. С, 1909, № 17, с. 6. Печ. по СП, с. 20. *Князь Павлуша Длиноногий* — видимо, имеется в виду князь П. Д. Долгоруков (1866—1930-е), один из видных деятелей кадетской партии, член II Государственной думы. *Проследите по газетам* и т. д. В начале 1900-х годов, в связи с обсуждением в Думе вопроса о пьянстве, много писали о «вырождении» крестьянства; здесь также можно усмотреть отклик на споры о духовном облике русского народа, разгоревшиеся после статьи М. А. Энгельгардта «Без выхода», напеч. в газете «Свободные мысли» (см. вступ. статью, с. 11).

141. «Будильник», 1909, № 22, с. 3. Печ. по СП, с. 5. Здесь нарисован типический портрет бульварного писателя-порнографиста, наводнившего своими «творениями» литературный рынок после разгрома революции 1905 г. Однако, в известной мере стихотворение направлено и против таких литераторов, как М. Арцыбашев, А. Каменский, Ф. Сологуб и др., которые в те годы восхваляли культ обнаженного тела. *Смердящий*. Этой фамилией Князев, видимо, намекал на связь своего героя с персонажем романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» лаксем Смердяковым. *Упивайтесь смело* и т. д. Намек на циничные тирады героя порнографического романа А. Арцыбашева «Санин» (1907).

142. С, 1909, № 49, с. 3. Направлено против черносотенных партий, называвших себя «истинными русскими сынами отечества». *Измаильские штывки*. Намек на штурм турецкой крепости Измаила русскими войсками под командованием А. В. Суворова в 1790 г.

143. СП, с. 26, датировано. *Сологуб Федор Кузьмич* (1863—1927) — писатель-символист, часто писавший о демонических силах. *В непротивлении подобны будьте льну*. Имеется в виду учение Л. Н. Толстого о «непротивлении злу насилием». *Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1865—1941) — писатель, теоретик символизма, обосновывавший реакционную идею богостроительства и богоискательства.

144—146. Первое — С, 1910, № 23, с. 5, под загл. «Дядя Мазай»; ДП, с. 7, в цикле «Мои приятели». Печ. по ПК, с. 109. Второе — СП, с. 4, под загл. «Партийный человек»; ДП, с. 8, в цикле «Мои приятели». Печ. по ПК, с. 110. Третье — ДП, с. 7, в цикле «Мои приятели».

147. «Солнце России», 1910, № 13, с. 3.

148. С, 1910, № 14, с. 4. Печ. по ДП, с. 116.

149. С, 1910, № 16, с. 3. Печ. по ДП, с. 188. Ироническая характеристика эволюции русского либерализма после 1905 г. *Форель* — очевидно, имеется в виду немецкий ученый, доктор медицины, философии и права Август Форель (1848—1931), книги которого «Половой вопрос», «Половая этика» и др. в то время вызвали шумную реакцию в среде русской буржуазной интеллигенции.

150. «Будильник», 1910, № 47, с. 9, под загл. «Модный нищий»; ДП, с. 45, под загл. «Нищий». Печ. по ПК, с. 14. Герой стихотворения — либеральный интеллигент, «ослепший» после поражения революции 1905 г. и утративший веру в будущее. *Мы бросились в грязный вертеп* и т. д. В годы реакции среди части русского образованного общества имело место увлечение порнографией.

151. «Звезда», 1910, 30 декабря, с цензурной купюрой стихов 9—12. Ошибочно датировано автором 1907 г. Печ. по ПК, с. 27. В сб. ДП, с. 101 после слов «Я вспомнил дни» изъято полторы строки. *Московское восстание* — декабрьское вооруженное восстание в Москве (1905).

152. «Будильник», 1910, № 52, с. 5, под загл. «Перед елкой»; С, 1910, № 52, с. 7, с посвящением А. М. Г<ликбергу>; ДП, с. 108, где было посвящено Саше Черному. Печ. по ПК, с. 268, где ошибочно датировано 1912 г. *О, дайте нам чуда, прекрасного чуда!* Переведен строк из стихотворения Саши Черного «Театр». «*Синяя птица*» — пьеса бельгийского писателя Мориса Метерлинка; образ Синей птицы — символ погони за несбыточным счастьем.

153. С, 1911, № 42, с. 3. Печ. по ПК, с. 7, где помещено в цикле «После задавленной революции».

154. С, 1911, № 45, с. 2, под загл. «Веселая жизнь» (др. ред.). Печ. по ПК, с. 389. *Крамольный плед* — плащ особого покрова, который стал отличительным признаком «вольнодумца». *Линии и роты* — обозначения улиц в некоторых районах Петербурга.

155. С, 1911, № 47, с. 3.

156. С, 1912, № 48, с. 5, подпись: Джо. *Гучков* Александр Иванович (1862—1936) — лидер буржуазно-монархической партии октябристов. «*Совет*» — очевидно, имеется в виду Государственный совет.

157—158. Первое — С, 1910, № 33, с. 6. Второе — С, 1913, № 31, с. 8. Всего в цикле 4 стихотворения. Состав цикла менялся: в ДП он включал стихотворение «По улице шумной и грязной...» и «Ночь ислюю кружу вокруг села...», а первая из «Волчьих песен» в цикл не входила. Печ. по ПК, с. 294. Эпиграф — традиционные слова приветствия, с которыми в Древнем Риме гладиаторы обращались к императору.

159. НС, 1913, № 3, с. 3, подпись: Джо. Эпиграф — из заметки большевистской «Правды», которая в 1913 г. неоднократно освещала события в Гродно. Князев высмеивает здесь гродненского губернатора генерал-майора В. Н. Шебеко, черносотенца и антисемита. Его назначение в Гродненскую губернию было связано с тем, что там действовало «положение об усилении охране в связи с беспорядками».

160. С, 1913, № 29, с. 2, под заглавием «Монстры» и с подзаголовком «Наш паноптикум», подпись: Саве; ПК, с. 47, под загл. «Аркадий Дуров». Печ. по ДП, с. 40, так как этот текст в последующей редакции был значительно смягчен. В ПК ошибочно датировано 1912 г.: стихотворение не могло быть написано раньше 1913 г., когда произошел разрыв между Князевым и А. Аверченко, против которого направлен «Аркадий Лейкин». Саве (лат.) — смотри, будь бдителен. *Лейкин* Н. А. (1841—1906) — писатель-юморист; сравнение с Лейкиным было для Аверченко жесточайшим оскорблением, так как он пытался противопоставить свое творчество развлекательной юмористике 80-х гг., и в частности творчеству Лейкина. *Царил и властвовал ремесленников цех*. Первые произведения Аверченко появились в журнале «Стрекоза», типичном для беззубой юмористики тех лет. *Гарцевал на теще* и т. д. Наиболее избитыми, трафаретными темами в юмористике 1880-х гг. было осмеяние тещи или дачного мужа. «*Аве*» — псевдоним А. Аверченко. *Геродот* (80-е — 30-е годы до н. э.) — греческий историк. «*Волчьи ягоды*» — постоянный раздел в С и НС, где велась полемика с прессой враждебного журнала направления.

161—162. С, 1913, № 38 и 39, с. 2 и 4; первое — под загл. «Мы и они», второе — под загл. «Итоги». Печ. по ПК, с. 16. Написано в связи со спорами о руководящих силах революции, возникшими в результате осмысления опыта революции 1905 г. *Мы и они*. Имеется в виду либеральная интеллигенция и народный лагерь. Во втором стихотворении после ст. 4 в С было:

Мы — были вождями,
Но смыло дождями
Мятежные краски с мятежных знамен...
Мы были могучи,
Но сдвинулись тучи,
Гром грянул... и кончился радужный сон!
Мы были богами в те бурные дни,
Толпой богомольцев — они.

163. С, 1913, № 40, с. 4, под загл. «Родные мотивы». Печ. по ПК, с. 101. *Ведь вы не татары*. Имеются в виду татары эпохи татаро-монгольского ига.

164. С, 1913, № 41, с. 6. Обличение сытого обывателя, трепещущего при одной мысли о революции.

165. ПК, с. 261, датировано. А. Славатинский — журналист, сотрудник газеты «День».

166. ДП, с. 67. *Готтентоты* — одна из народностей Южной Африки; здесь: дикари.

167. ДП, с. 19. Пародия на стихотворение Саши Черного «В деревне». *Пейзане* — крестьяне. *Мозт* — марка шампанского.

168. ДП, с. 188, в составе стихотворения «В защиту веселого смеха». Печ. по ПК, с. 341. Полемически направлено против Леонида Андреева и его пессимизма.

169—171. Первое — «День», 1914, 7 августа. Второе — «День», 1914, 1 августа. Третье — «День», 1914, 4 августа. Печ. по ПК, с. 143, где помещено в разделе «Санкт-Петербург».

172. ПК, с. 194. *Ириновский путь* — ветка железной дороги до станции Ириновка, отходящая от Финляндского вокзала в Петербурге.

173. ПК, с. 120, в цикле «Во дни войны», датировано. Стихотворение свидетельствует о духовном кризисе Князева в годы первой мировой войны; тяготясь работой в газете «День», он все же вынужден был писать по заказу редакции бравурные стихотворения о войне.

174. «День», 1914, 13 октября, под загл. «Шакалы». Печ. по ПК, с. 50. *Сперва издатель чуть не помер*. Имеется в виду издатель С. Л. Проппер, выпускавший газету «Биржевые ведомости». В годы войны стали выходить специальные «военные выпуски» газеты. *Шебуев* Н. Г. (род. 1874) — поэт и беллетрист; в 1905 г. издавал сатирический журнал «Пулемет», запрещенный правительством; в годы реакции выпускал иллюстрированную «Газету Шебуева» и бульварный «Синий журнал».

175. НС, 1915, № 4, с. 5.

176. НС, 1915, № 36, с. 7, подпись: П. П. П. и В. К. Написано в соавторстве с П. П. Потемкиным (см. с. 51—53 наст. издания). *Цензор* Дмитрий Михайлович (1879—1947) — поэт, автор сборников стихов «Крылья Икара» (СПб., 1908), «Легенда будней» (СПб., 1913) и др., сотрудник С.

177. ПК, с. 131, в цикле «Во дни войны», датировано.

178. «День», 1915, 26 мая.

179. ПК, с. 259, датировано. Очевидно, направлено против русского духовенства. *Ламы* — буддийские монахи в Тибете и Монголии. *Шакья-Тубба* — представитель легендарного индийского рода Шакьи (или Сакьи).

180—182. Первое — НС, 1917, № 31, с. 11, под загл. «Молитва доброго буржуя». Второе — там же, с. 2, под загл. «Символ веры». Третье — «Бич», 1916, № 3, с. 11, подпись: Княжевич. Печ. по ПК, с. 80. Автограф «Гимна золоту» — ГПБ. *Требник* — богослужебная книга, в которой собраны молитвы для крестин, венчания, исповеди, панихиды и т. п. *Несть эллина, несть иудея* — цитата из Евангелия.

183. ПК, с. 195. Речь идет о IV Государственной думе, которая была распущена указом царя 26 февраля 1917 г.; не решаясь воспротивиться указу, члены Думы продолжали заседать неофициально. *Терсит* — в «Илиаде» Гомера безобразный и трусливый грек; *Патрокл* — благородный герой того же произведения; здесь имеются в виду члены Думы. *Казовые* — показательные.

184. ПК, с. 136, датировано. *Пал тиран*. Речь идет о свержении царской власти в ходе Февральской революции 1917 г. *Трехлетняя ночь* — первая мировая война.

185. НС, 1917, № 34, с. 2. Одно из последних произведений Князева, напечатанных в НС.

II

А. БУХОВ

186. С, 1912, № 46, с. 8.

187. НС, 1913, № 9, с. 3. Обращено к А. Т. Аверченко, см. о нем с. 5.

188. С, 1913, № 19, с. 10. Написано по случаю открытия художественной выставки «Бубновый валет» в Петербурге, состоявшегося 4 апреля 1913 г. (см. «Вечернее время», 1913, 4 апреля).

189. НС, 1914, № 17, с. 5, в номере, посвященном 25-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826—1889).

190. НС, 1915, № 27, с. 5. *Бодлер* Шарль (1821—1867) — французский поэт-модернист. *Ницше* — см. прим. 36. *Мерзость запустения* — выражение Салтыкова-Щедрина.

П а р о д и и

191. МК, с. 110, в разделе «Эротика российская от В. К. Тредиаковского, Пушкина и продчих до дне сего (Эпоха скорпионно-златорунная)». *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт-символист. Здесь пародируются мотивы стихотворений Бальмонта из сборников «Будем как Солнце» (М., 1903) и «Только любовь. Семицветник» (М., 1903), где немалое место занимает эротическая лирика. Венский сознательно воспроизводит назойливые созвучия, характерные для лирики Бальмонта.

192. МК, с. 17, в разделе «Беллетристика». *Андрей Белый* — Бугаев Борис Николаевич (1880—1934), поэт-символист. В начале пародии Венский высмеивает пристрастие Белого к членению слов и звуковой игре. «*Руно*» — символистский журнал «Золотое руно» (1906—1909). *Антоша* — Антон Крайний, псевдоним писательницы Зинаиды Гиппиус (см. прим. 195). *Старую калошей*. Намек на статью А. Белого «Штемпелеванная калоша». «*Мысль*» — журнал «Русская мысль» (1880—1918). *Кидался ананасом* — намек на строки из стихотворения А. Белого «На город» («В небеса запустил ананасом»). «*Симфонии*» — произведения А. Белого оригинального жанра («Северная симфония», «Драматическая симфония», «Возврат», «Кубок метелей»). «*Пепел*» и «*Урна*» — сборники стихотворений А. Белого, вышедшие в 1909 г.

193. МК, с. 110, в разделе «Эротика российская от В. К. Тредиаковского, Пушкина и продчих до дне сего (Эпоха скорпионно-златорунная)». Печ. по МК-2, с. 93. Венский высмеивает пристрастие А. Белого (см. о нем прим. 192) к игре однокорневыми словами и увлечение ассонансами. *Альков, веселый льков* — пародийное подражание строкам из стихотворения А. Белого «Прости» (1908):

Покров, угрюмый кров —
Покров угрюмой ночи —
Потоком томной тьмы
Селенья смысл, замыл.

194. МК, с. 109, в разделе «Эротика... (Эпоха скорпионно-златорунная)». *При лазоревой луне* и т. д. Пародируются строки из стихотворения Брюсова «Творчество»: «Всходит месяц обнаженный при лазоревой луне». *Сологуб* — см. прим. 143. *Каменский* А. П. (1877—1941) — беллетрист, автор нашумевших порнографических рассказов «Леда», «Четыре» и др. *Сергеев-Ценский* Сергей Николаевич (1876—1958) — писатель, в 1910-е годы близкий к символистским кругам. *За любовь мою с козой*. Пародийный перифраз строк из стихотворения Брюсова «In hac lacrimarum valle» («Мы натешимся с козой, Где лужайку сжали стены»). «*Вена*» — модный петербургский ресторан, который часто посещали писатели; отсюда псевдоним Е. О. Пяткина — Венский.

195. МК, с. 111, в разделе «Эротика... (Эпоха стиля Модерн)» Печ. по МК-2, с. 91. *Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945) —

писательница и критик школы символистов. *И я такая липкая*. Пародийный намек на строки «И я такая добрая, влюблюсь, так присосусь» из стихотворения Гиппиус «Большая» (1908). *Стихами загрызу*. Пародийный намек на стихотворение «Большая»: «Буду грызть, пока хочу». *Чего хочу — не ведаю* и т. д. Намек на мотивы стихотворений Гиппиус «Песня», «Снежные хлопья», «Как все». *Леда*. Имеется в виду героиня повести А. Каменского «Леда» (см. прим. 194).

196. МК, с. 37, в разделе «Беллетристика». Пародия на стихи Аполлона Аполлоновича Коринфского (1868—1937), автора псевдонимных поэтических сборников «Волга» (М., 1903), «Бывальщина. Картины Поволжья» (СПб., 1899). В годы реакции Коринфский прикнул к крайним правым. *Пуришкевич* Владимир Митрофанович (1870—1920) — один из вождей черносотенцев, главарь погромного «Союза Михаила Архангела». «*Союзник*» — член черносотенного «Союза русского народа».

197. МК, с. 36, в разделе «Беллетристика». *Кузмин* Михаил Алексеевич (1875—1936) — поэт, беллетрист, драматург. *Кабинеты, биллиарды, уборные* — пародийный намек на строку из стихотворения Кузмина «В театре»: «Переходы, коридоры, уборные». *Репортеры игрово-ольдорные*. Имеется в виду писатель и журналист О. Л. д'Ор (И. Л. Оршер), сотрудник «Сатирикона». *Ходотов* Николай Николаевич (1878—1932) — актер и драматург. «*Куранты*» — сборник музыкальных миниатюр Кузмина «Куранты любви». *Женя Венский* — Евгений Венский (см. с. 252). *Персифляж* — от персифлировать, вышучивать, иронизировать над кем-либо.

198. МК, с. 39, в разделе «Беллетристика». *Льдов* — Розенблюм Константин Николаевич (1862 — после 1935), поэт, автор нескольких романов. Пародия на стихотворения Льдова: «Я не могу смотреть с улыбкою презренья. . .», «Я на старинный лад пою. . .» и др. *Городецкий* Сергей Митрофанович (род. 1884) — поэт, автор сборников «Ярь», «Перун», «Русь», «Ива» и др.

199. МК, с. 40, в разделе «Беллетристика». Печ. по МК-2, с. 34. *Минский* — Виленкин Николай Максимович (1855—1937), поэт-символист, философ и критик. Венский пародирует его философские стихи (см., например, «Метемпсихоз», «Danse macabre», «Ospedaletti», «Бессмертные» и др.). *Спиноза* Барух (1632—1677) — голландский философ. *Панпсихизм* — идеалистическое воззрение, согласно которому все в мире одушевлено. *Мэон* — частица. *Эвдемонизм* — направление в этике, последователи которого утверждали, что источник нравственности — естественное стремление человека к счастью и довольству. *Перцепция* — восприятие, непосредственное отражение действительности органами чувств. *Трансцендентный* — согласно идеалистической философии, предельно отвлеченный, недоступный опытному познанию. *Имманентный* — внутренне присущий какому-либо явлению. *Брандмауэр* — пожарная стена. *Кант* Иммануил (1724—1804) — немецкий философ-идеалист. *Детерминизм* — философское учение о всеобщей объективной закономерности и причинной обусловленности всех явлений в природе и обществе. *Бэкон* Фрэнсис (1561—1626) —

английский философ. *Юм Давид* (1711—1776) — английский философ и психолог. *Синкретизм* — здесь: слитное единство.

200. МК, с. 42, в разделе «Беллетристика». *Потемкин* Петр Петрович — поэт-сатириконец (см. о нем с. 51). *Папироска моя не курится*. См. стих. Потемкина «Ночью» (с. 61). «*Давыдка*» и «*Белград*» — петербургские трактиры. *Ты ли меня, я ли тебя отдубашу*. Пародийный намек на строки из стихотворения Потемкина «Дьявол» (с. 55). *Пропади ты с глаз моих!* — см. стих. Потемкина «Пьяница» (с. 58).

201. МК, с. 48, в разделе «Беллетристика». *Рукавишников* Иван Сергеевич (1877—1930) — писатель-символист. «*Копейка*» — «Газета-копейка», типичный орган бульварной прессы.

202. МК, с. 122, в разделе «Взгляд и нечто»; МК-2, с. 102, без загл., без эпитафии и со след. введением: «Академия Наук присудила премии Вере Рудич и В. Шуфу (из «Нового времени»), почему-то позабыв о Куприне, Горьком, Андрееве, Чирикове, Венском. И своим увенчанием неизвестных и маленьких людей дала повод Вл. Гордину и П. Зайкину ворчать на пристрастие каких-то берлинских судей. Евг. Венский и тут явился выразителем общих писательских дум». В МК-2 пародия использована в качестве составной части целостного раздела «*Рго domo sua*» («О делах домашних»). В переделанном виде, под загл. «Князь Дундук», «Темнота египетская» была напеч. в НС, 1915, № 45, с. 6, с др. эпитафией: «Пушкинская премия в 500 руб. присуждена Академией наук в этом <1915> году поэту В. Мазуркевичу». У Венского получилось в сущности новое стихотворение с другим сатирическим объектом и соответствующими изменениями. Печ. текст МК. В пародии использован ритмический рисунок и фразеология сатирического стихотворения А. К. Толстого «У приказных ворот собирался народ...». Эпитафия — видоизмененные строки «Эпиграммы» Пушкина на вице-президента Академии наук М. А. Дондукова-Корсакова. *Франс* Анатолий (1844—1924) — французский писатель. *Рудич* В. И. (род. 1872) — бездарная поэтесса; печаталась в реакционной газете «Новое время». *Шуф* В. А. (1865—1913) — бездарный поэт, сотрудник «Петербургского листка» и «Нового времени». *Бальмонт* — см. прим. 191. *Мережковский* — см. прим. 143. *Измайлов* А. А. (1873—1921) — поэт-пародист и литературный критик. *Зоил* — придирчивый, несправедливый критик. *Геральды* (герольды) — истолкователи гербов; здесь — критики, литературные судьи. *Ай! Хенвальд* — Ю. И. Айхенвальд (1872—1928) — литературный критик-импрессионист. Пушкинские премии были присуждены Рудич, Шуфу и Айхенвальду.

203. НС, 1914, № 43, с. 6. Название — пародийная переделка заглавия некрасовской поэмы «Орина — мать солдатская». В стихотворении высмеиваются псевдопатриоты нерусского происхождения с иностранными фамилиями и титулами. *Морская* — улица в Петербурге. «*Панорама*» («Всемирная панорама») и «*Огонек*» — иллюстрированные журналы, публиковавшие фотографии «героев тыла».

204. «В тылу», с. 11, в разделе «С клыками», где высмеивались «герои тыла», делавшие из войны источник дешевой сенсации. В на-

звании стихотворения пародийно использовано имя французской национальной героини Жанны д'Арк. *Большая Караванная* — улица в Петербурге. «*Парк*» — «Луна-парк», летний парк с увеселительными заведениями, театром и аттракционами.

205. НС, 1915, № 3, с. 3.

206. НС, 1915, № 36, с. 7. «Круговорот» — одно из любимых стихотворений Маяковского, которое он часто цитировал (см. «Литературный критик», 1934, № 4, с. 120). «*Аквариум*» — театр типа кабаре в Петербурге. «*Жак и гусь его*», «*Марья Лусьева*» — названия спектаклей. *Франц* — имя австрийского императора, см. прим. 209. «*Вена*» — см. прим. 194. *Гамбринус* — по-видимому, какое-то шаржированное изображение легендарного фламандского короля, который считался изобретателем пива.

207. НС, 1915, № 41, с. 7. *Вильгельм Кровавый* — германский император Вильгельм II (1859—1918). *Плимутский* — из Плимута, крупного военного и торгового порта в Великобритании. *В Летнем* — в петербургском Летнем саду.

208. «В тылу», с. 24. *Субретка* — см. прим. 73. «*Реформа*» — журнал мод. *Варя Панина* — популярная эстрадная артистка.

209. «В тылу», с. 49, в разделе «Средние». *Вильгельм* — см. прим. 207. *Энвер-бей* — Энвер-паша (1881—1922), главнокомандующий турецкой армией в период первой мировой войны. *Франц* — австрийский император Франц-Иосиф (1848—1916). «*Минутка*» — газета, выходившая в 1908 г.; здесь, очевидно, условное название газеты. *Талаат-паша* Мехмед (1874—1921) — турецкий политический деятель. В конце стихотворения приведены начальные слова итальянской поговорки «*Si non e vero, e ben trovato*» (хоть и неправда, да похоже на правду).

210. «В тылу», с. 66, в разделе «Трафить надо». Пародия на шовинистические стихотворения Ф. К. Сологуба (см. прим. 143), напечатанные в его сборнике «Война» (1915). *Бзура* — струнный инструмент крымских татар. *Прежде чем весна откроет* и т. д. — строфа из стихотворения Сологуба «Утешение Бельгии». *Вильгельм II* — см. прим. 207. *Мокроступ* — калоша.

211. «В тылу», с. 55, в разделе «Средние». *Нирвана* — в буддийской религии — состояние наивысшего блаженства. *Мустанг* — дикая лошадь в американских прериях.

212. «В тылу», с. 70, в разделе «Трафить надо». Пародия на стихи Игоря Северянина (Игоря Васильевича Лотарева (1887—1941) — поэта-эгофутуриста. «*Ралле*» — парфюмерная фирма. *Люблю пройтись я с горняшкойю*. Намек на строку из стихотворения И. Северянина «Еще не значит»: «Пройтись по Морской с шатенками»; *Морская* — см. прим. 203. *Горняшка* — здесь: горничная. «*Торжок*» — чайная. *Бодлер Шарль* (1821—1867) и *Верлен Поль* (1844—1896) — французские поэты. *Что предо мной Берлин падет*. Имеется в виду стихотворение Северянина «Мой ответ», в котором он писал:

Друзья! Но если в день убийственный
Падет последний исполнин,
Тогда, ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин.

213. «В тылу», с. 72, в разделе «Графить надо». *Агнивцев* Николай Яковлевич (1882—1932) — поэт. В годы первой мировой войны выпустил сборник стихотворений «Под звон мечей», в котором с угнетающей легкостью расправлялся с темой войны. Венский пародирует стихотворения Агнивцева «Рота, вперед!», «Песня бельгийского барабанщика» и др. «Я убит... Убит в живот» — пародийная реминисценция из стихотворения Агнивцева «Рота, вперед!»:

Падаю, падаю?! Боже,
Чья это кровь так течет?!
Пусть я убит... Ну так что же?
Рота, вперед!

Ки-про-ко — латинский оборот речи (*qui pro quo*) во французском произношении, но переданный русскими буквами, означает: «кто про что».

214. «В тылу», с. 93, в разделе «Графить надо». Пародия на бравадные псевдоказацкие песни, которые в годы войны создавали многие русские поэты (В. Воинов, Ф. Сологуб, А. Рославлев и др.). «*Георгий*» — царский орден, присваивавшийся за военные заслуги. *По-крючковски, по Кузьме*, Козьма Крючков — казак-герой, первый георгиевский кавалер. *Гогенцоллерны* — династия германских императоров, к которой принадлежал и Вильгельм II (см. прим. 207).

В. ВОПНОВ

215. С, 1911, № 20, с. 2. *Съели марковские мыши октябристский катехизис*. Намек на резкое поправление правительственного курса; в годы столыпинской реакции вместо конституционных монархистов — октябристов — в Думе стали главенствовать черносотенцы. III Дума, открывшаяся в 1907 г., была по составу черносотенной. Марков Н. Е. (род. 1876) — один из руководителей черносотенцев; катехизис — краткое изложение православного вероучения в вопросах и ответах; здесь — политическая программа октябристов. *Пахнет порохом в Китае*. Намек на события китайской буржуазной революции 1911 г. *Прогрессивные гучковцы* — октябристы, см. прим. 52. Гучков А. И. (1862—1936) — лидер партии октябристов.

216. С, 1912, № 51, с. 10. Направлено против философии «непротivления злу насилieм», проповедовавшейся толстовцами. *Приход Мессии*. Имеется в виду легенда о втором пришествии Христа на Землю.

217. С, 1913, № 11, с. 10. *Твердь Исакия* — купол Исаакиевского собора в Петербурге. *Туше* — особая манера игры на фортепьяно, легкое прикосновение к клавишам. *Соломон* (X век до н. э.) — древнееврейский царь; по преданию, автор множества произведений, в частности сборников поучений и афоризмов.

218. НС, 1913, № 28, с. 3.

219. НС, 1914, № 4, с. 2. *Сизифов труд* — нескончаемая и безрезультатная работа (по имени легендарного древнегреческого царя Сизифа, которого боги осудили вечно вкатывать на гору тяжелый камень, тут же скатывающийся вниз).

220. НС, 1914, № 5, с. 2.

СЕРГЕЙ ГОРНЫЙ

221. «Серый волк», 1908, № 4, с. 48, подпись: С. Г. *Рославлев* Александр Степанович (1883—1920) — поэт, эпигон символизма, автор сборников «Красные песни» (Ялта, 1906), «В башне» (СПб., 1907), «Карусель» (СПб., 1910) и др. В С и НС постоянно помещал сказки, стилизованные под народные. *Квисисана* — см. прим. 26. *Апраксин ряд* — торговые ряды в Петербурге. *Пилюли Ара* — общеукрепляющее лекарство; в то время неустанно рекламировалось прессой. «*В башне*» — название сборника стихов Рославлева, отмеченного сильным влиянием В. Я. Брюсова.

222. С, 1913, № 16, с. 6. *Фрина* — гетера в Древних Афинах, отличавшаяся необыкновенной красотой. *Леда* — жена спартанского царя Тиндарея, пленившая Зевса. *Miserere* — название католического гимна, начинающегося этим словом.

223. НС, 1913, № 23, с. 7. *Бердслей* Обри Винсент (1872—1898) — английский мастер графики и рисовальщик. *Ропс* Фелисьен (1833—1898) — бельгийский гравер и живописец. *Триродов* — герой декадентской трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда». «*Ночи безумные*» — популярный цыганский романс. *Эль* — густое светлое пиво. *Честер* — сорт сыра. *Макрель* — рыба скумбрия.

КРАСНЫЙ

224. С, 1908, № 31, с. 2. В стихотворении, под видом разоблачения персидского шаха, дается сатира на русское правительство, расправившееся с социал-демократической фракцией во II Государственной думе: восемнадцать человек были сосланы на каторгу, а десять на поселение. *Меджлис* — парламент в арабских странах.

225. С, 1909, № 26, с. 2.

226. С, 1910, № 41, с. 7. Речь идет об очередной сессии III Государственной думы (1907—1912), которая по своему составу была черносотенно-октябристской. *Солон* (ок. 638 — ок. 559 до н. э.) — политический деятель и законодатель Древних Афин.

227. С, 1911, № 26, с. 5. *Октябрист* — см. прим. 52. В III Государственной думе октябристско-правое большинство соперничало с право-кадетским; председателями этой Думы были октябристы Н. А. Хомяков и А. И. Гучков. *Устав от четырех трудоспособных сессий*. III Дума заседала на пяти сессиях. *Веси* — деревни. *Десят-*

ский — служитель земской полиции. *Народ теперь любит тишину.* Намек на кровавое столыпинское «успокоение» России. *Первое осеннее сиденье* — осенняя сессия Думы.

228. С, 1911, № 38, с. 2. Написано вслед за убийством П. А. Столыпина, когда снова возник вопрос о кандидатуре на пост премьер-министра. Направлено против крайних правых, органом которых была газета «Новое время», а одним из лидеров — М. О. Меншиков (1859—1918). *Нововременские перья.* Имеются в виду писания реакционных публицистов (А. С. Суворина, М. О. Меншикова, А. А. Столыпина и др.) в газете «Новое время». *Чтоб окраины озлоблял.* При П. А. Столыпине усилилось притеснение нерусских национальностей, входивших в состав Российской империи; от этой политики особенно пострадали народы западных окраин государства — Польши, Прибалтики, Финляндии. *Вел нас в рай успокоенья.* Намек на слова из программного заявления П. А. Столыпина, который, вступая на пост премьер-министра, провозгласил: «Сначала успокоение, потом реформы». Под «успокоением» подразумевалась палаческая расправа с революционными силами страны.

229. С, 1911, № 45, с. 7, в специальном номере, посвященном «провокачеству». Было включено в список произведений, неугодных цензуре (ЦГИАЛ, ф. СПб. комитета по делам печати). *Таинственные субъекты* — агенты царской охранки.

230. С, 1911, № 46, с. 3. *Даже в косной Азии люди просыпаются.* Намек на персидскую, турецкую и китайскую буржуазные революции, происшедшие в 1911 г. *Начинаются исходы,* т. е. передвижение народов, наподобие описанного в Библии «исхода» евреев из Египта.

231. С, 1912, № 39, с. 7. Речь идет о выборах в IV Государственную думу, происходивших в ноябре 1912 г. *Хронос* (греч. миф.) — божество, олицетворяющее время. *Таврический дворец* — место заседания Государственной думы в Петербурге. *Терево* — неологизм от глагола «тереть». *Четвертая* — т. е. IV Государственная дума.

232. С, 1913, № 10, с. 8.

233. НС, 1913, № 28, с. 14, в юбилейном номере, посвященном пятилетию С. Силой *дьявольских наитий.* Речь идет о разнообразных приемах иносказания в сатирической поэзии и прозе. *Биоскоп* — киноаппарат. *Не узнаться даже гончим.* Намек на царскую цензуру, от которой часто страдал журнал.

ИВАН КОЗЬМИЧ ПРУТКОВ

234. С, 1909, № 24, с. 9.

235. С, 1909, № 25, с. 4. Здесь иронически обыгрываются споры о народном самосознании, которые велись в литературе после поражения революции 1905 г.

236. С, 1909, № 30, с. 10.

237. С, 1909, № 31, с. 7. По-видимому, направлено против придворной камарильи.
238. С, 1910, № 28, с. 5. По свидетельству Л. Ю. Брик, это стихотворение любил цитировать В. Маяковский (см. «В. Маяковский в воспоминаниях современников», М., 1963, с. 337).
239. С, 1910, № 32, с. 6. *Адмиралтейская игла* — шпиль на здании Адмиралтейства в Петербурге.
240. С, 1911, № 30, с. 2. Пародия на средневековую балладу, которую пытались воскресить акмеисты, в частности Н. Гумилев.
241. С, 1911, № 47, с. 8. Пародия на сказки А. Рославлева, печатавшиеся в С и вышедшие отдельным изданием в 1909 г. (см. прим. 221).
242. С, 1911, № 50, с. 5. «*Le petit français*» — французский ежепедельник; ссылка на него фиктивная.
243. С, 1912, № 38, с. 3. Здесь обыгрываются идиомы и устойчивые словосочетания. *Стиксова река* (греч. миф.) — река подземного царства, обиталище душ умерших. *Ариадна* (греч. миф.) — дочь критского царя Миноса; она дала своему возлюбленному Тезею клубок очень тонких ниток, который вывел его из лабиринта, где обитало чудовище Минотавр.
- 244—245. С, 1912, № 45, с. 10, в цикле «Из записной книжки». В эпиграмме высмеиваются черносотенцы, называвшие себя «истинно русскими» патриотами.
246. С, 1913, № 9, с. 7. Здесь высмеивается думская игра кадетов в законодательство. «*Речь*» — петербургская газета (1906—1918), центральный орган буржуазной партии кадетов.
247. НС, 1913, № 3, с. 2.
- 248—251. НС, 1913, № 27, с. 5. Здесь пародируются стихотворения Бальмонта (см. прим. 191), написанные им вскоре после поездки в Египет и вошедшие в его сборник «Край Озириса» (1913). *Цезарь* — царь.
252. НС, 1914, № 13, с. 5.
253. НС, 1914, № 13, с. 12.
254. НС, 1914, № 22, с. 6. По-видимому, обращено к сатириконтцам.
255. НС, 1914, № 24, с. 8.

ТЭФИ

256. «Новая жизнь», 1905, 28 октября, без посвящения. Печ. по сб. «Семь огней», СПб., 1910, с. 57. «Новая жизнь» — первая легальная газета большевиков, выходившая под непосредственным руководством В. И. Ленина с 27 октября по 3 декабря 1905 г.

257. «Новая жизнь», 1905, 1 ноября. *Патрон* — имеется в виду всеильный петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов (1855—1906), который в годы первой русской революции был фактическим диктатором России. Облеченный неограниченной властью, он сзирепо расправлялся с революционерами, отдав приказ: «Патронов не жалеть, холостых залпов не давать». *Едет Трепов в Петергоф*. В конце 1905 г. под давлением общественности Трепов был снят с поста генерал-губернатора и назначен комендантом Петергофского дворца. *Мессия* — здесь: спаситель, вождь.

258. «Красный смех», 1906, № 4, с. 7, из цикла «Современные русские песни». *ПП* — партия «правого порядка», реакционно-охранительная партия. «*Русская*» — черносотенная партия «Союз русского народа».

259. С, 1909, № 18, с. 3.

260. С, 1910, № 5, с. 3. *Ведь папой в Риме женщина была*. Имеется в виду скандальная история об Иоанне-папессе, рассказанная в средневековых хрониках. По преданию, после смерти Льва IV на папский престол в 855 г. взошла женщина под именем Иоанна. Она правила два года, и тайна ее оставалась нераскрытой, пока однажды во время торжественной процессии она не разрешилась от бремени, после чего тут же умерла.

261. «Семь огней», СПб., 1910, с. 27. *Александрит* — полудрагоценный многоцветный камень (фиолетовый, голубой, зеленый).

262. «Семь огней», с. 14.

263. «Семь огней», с. 37.

264. «Семь огней», с. 65.

265. С, 1911, № 24, с. 5. *Азра* — образ мученика любви в книге Стендаля «О любви» и в стихотворении Г. Гейне «Азр»; Тэффи, очевидно, имела в виду произведение немецкого поэта. *Гороховая шуба*. «Гороховое пальто» — распространенная кличка полицейского агента.

266. «Журнал журналов», 1915, № 14, с. 17.

267. «Журнал журналов», 1915, № 14, с. 18.

268. «Журнал журналов», 1915, № 14, с. 18. Циклу стихов Тэффи здесь предпослана статья А. Бухова.

269. «Русские новости», 1962, 9 октября.

270—272. Тэффи, «*Passiflora*», Берлин, 1923, с. 33, 19 и 14. Эти стихотворения, по всей видимости, относятся к дореволюционному периоду литературной деятельности Тэффи.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между с. 76 и 77.* П. П. Потемкин. Снимок, выделенный из фотографии группы писателей (середина 1900-х гг.). Музей Института русской литературы АН СССР.

2. *На обороте:* «Провинция». Рисунок — иллюстрация А. Радакова к стихотворению П. П. Потемкина «Влюбленный парикмахер» («Сатирикон», 1910, № 39, с. 4). Текст см. на с. 76—77.

3. *Между с. 124 и 125.* В. И. Горянский (Иванов). Снимок, воспроизведенный с вырезки из неизвестного журнала. Музей Института русской литературы АН СССР.

4. *На обороте:* «Домовой». Рисунок — иллюстрация А. Радакова к «Сказке о Домовом» В. Горянского («Новый Сатирикон», 1914, № 26, с. 4). Текст см. на с. 136—141.

5. *Между с. 204 и 205.* «Русский гражданин». Карикатуры Ре-ми (Н. Ремизова) на обложке журнала («Сатирикон», 1908, № 6). Пояснение карикатуры см. во вступ. статье, с. 16.

6. *На обороте:* «Правильная точка зрения». Карикатура А. Юнгера («Сатирикон», 1911, № 29, с. 4).

7. *Между с. 268 и 269.* А. С. Бухов, Тэффи (Н. А. Бучинская), Евг. Венский (Е. О. Пяткин), Красный (К. М. Антипов). Воспроизведено с фотографий Музея Института русской литературы АН СССР. Фото Бухова — из Рукописного отдела Института мировой литературы им. М. Горького. На фотографии Евг. Венского (с датой: 6.IV.1913), снятого с группой литераторов, надпись рукой Венского:

«С душою чисто геттингенской
Стоит средь них Евг. Венский».

8. *На обороте:* «Мраморный статуя Евг. Венского, извлеченный при раскопках в Мессине». Шарж В. Н. Насоновского, напечатанный в сборнике Евг. Венского «Мое копыто» (СПб., 1910, с. 6).

9. *Между с. 300 и 301.* «Салон ее светлости русской литературы». Карикатура Ре-ми (Н. Ремизова). Хромо-литография. Отдельное издание, Пг., 1914.

10. *На обороте:* «Русское богоискательство». Карикатура Ре-ми (Н. Ремизова). («Сатирикон», 1910, № 2, с. 7).

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов о «Сатириконе». Предисловие Г. Е. Рыклина . . .	5
Поэты-сатириконцы. Вступительная статья Л. А. Евстигнеевой . . .	8

I

П. П. ПОТЕМКИН

<i>Биографическая справка</i>	51
1. Свобода, Сожаление и Читатель	54
2. Дубасов и Свечка	54
3. Пешка, Король и Ферязь. <i>Шахматная басня</i>	54
4. «Тускло светит язык нагоревшей свечи...»	55
5. Дьявол	55
6. «В окошке с тюлевой шторой...»	56
7. «Жили-были два горбуна...»	57
8. Пьяница :	58
9—10. Гимназическое	
1. «Синявка Зоська...»	59
2. «Третьеклассник Григорьев Павел...»	60
11. У ворот	60
12. Ночью	61
13. На дворе	61
14. «Я шел один по тротуару...»	62
15—19. Парикмахерская кукла	
Он	
1. «Я напудрен, напомажен...»	62
2. «Недавно в моем окне...»	63
Она	
3. «Этой ночью кот мяукал...»	64
4. «Я пришел к моей царице-кукле...»	64
5. «Я каждый вечер в час обычный...»	65
20—22. Жестяные любовники	
1. «Как легка наша лодка...»	66
2. «Море солнцем залито...»	66
3. «Я нашел кусочек жести...»	66
23. Леля	67
24. Весна	68
25. Обыкновенно	69
26. Секретарь профессора	70
27. Муж	71
28. У дворца	72
29. Лебязья канавка	73
30. Жених	74
31. Соседство	75
32. Влюбленный парикмахер	76
33. На бал	77
34. Песня	78
35. Семейство	79
36. Да или нет	80

37. Базар	81
38. Пасхальные карусели	83
39. Тапер	84
40. Мщение. <i>Баллада</i>	85
41. Лихач	86
42. Двойник	87
43. Пасха в Томске	88
44. Мирное житие	90
45. Жара	91
46. Ошибка	92
47. По грибы	93
48. «Не форси, форсун паршивый»	94
49. Слобода	96
50. Мальчонка	97
51. У ранней	98
52. Честь	99
53. Театр	100
54. Консерваторка	102
55—58. <И з ц и к л а «М а с к а р а д»>	
1. Паша и Кармен	103
2. Философ и рабыня	103
3. Бандит и две гишпанки. <i>Басня</i>	104
4. Ванька-Ключник и египтянка	104
59—62. К о м н а т а	
1. Лампа	105
2. Китайский болванчик	106
3. Портрет красавицы тетки	107
4. Обойный цветочек	108
63. Вдова	109
64. Почитатель основ	110
65. Идиллия	111
66. «Я люблю и пою про весну, про весну...»	112
67—69. Т р и г а з е л л ы	
1. «Не ходи, мой друг, к соседке, не ходи...»	112
2. «Зреют нивы знойным солнцем...»	113
3. «Месяц на небе потух поутру...»	113
70. На колокольне Ивана Великого	114
71—72. <И з ц и к л а «П а р и ж с к и е з е р к а л а»>	
1. «И я сидел в кафе, и я смотрел на вас...»	115
2. «Зеркала, зеркала, зеркала...»	116
73. Дуняша	116
74. Молчалники	118
75. Комета	119

В. П. ГОРЯНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	121
76. Предусмотрительный	124
77. Будьте сдержанны!	124
78. Симметрия	125
79. Свободомыслящий	126
80. Маленькая поэма	127

81. Памяти Фомы Олискина	128
82. Паранька Щербатая. Сказка	129
83. Импровизация	130
84. Тоня-изменница	131
85. Серенада	133
86. Политик	134
87. Деловой	135
88. Сказка о домовом	136
89. Запасные	141
90. Сознательный читатель	142
91. Разлив	143
92. Крутьки	144
93. О здравии	145
94. Настроения богов	147
95. Машенька	147
96. Перед Рождеством	148
97. Примета	149
98. Молитва улицы	150
99. Лавочка сластей	151
100. Весна	153
101. Март	153
102. Мой сатир	154
103. Цветы на камне	156
104. На дворе	157
105. Часовня	158
106. Лебедь	160
107. Будущий банкир	161
108. Канарсйка	161
109. Дурная примета	162
110. Вы любите ли сказки?	164
111. Липа	165
112. Живописец Пчелкин	167
113. На улице	168
114. Наводнение	169
115. Тревога	171
116. Точильщик	173
117. Преображенная любовь	174
118. На весенних подмостках	175
119. Весенняя прокатная контора	176
120. Необычайная история (<i>Орфей на Невском</i>)	178
121. Концерт банкира	180
122. Извещение о том, что было	184
123. В путешествии	187
124. Вселенское	188
125. Зачем разрешил?	190
126. Нечто об авторских перевоплощениях	192

В. В. КНЯЗЕВ

<i>Биографическая справка</i>	194
127. Народный марш	199
128. «Вперед, творец живого слова!..»	200

129.	«Коли вспомнишь подчас...»	200
130.	Смешная история	201
131.	Бедняк	202
132.	Супруги Митины	202
133.	О ка-детках. <i>Детская песенка</i>	203
134.	Признание модерниста	203
135.	Павел	204
136.	Либерал перед зеркалом	204
137.	Дурак	205
138.	Патриот-губошлеп	205
139.	«О чем писать?.. А тем так много...»	206
140.	С натуры	207
141.	Господин Смердящий	207
142.	Патриот своего отечества	208
143.	Господин всероссийский обыватель наших дней	209
144—146.	Дикое мясо. <i>Портретная галерея</i>	
	1. Дядя Сарай	210
	2. Казимир	211
	3. Вавила	211
147.	«Блещет солнце золотое...»	211
148.	«Мы — дети веселого смеха...»	212
149.	Колокольный звон	212
150.	Слепой	214
151.	«Вчера не мог заснуть я до рассвета...»	215
152.	Елка	215
153.	Реквием	216
154.	Недремное око	217
155.	Портретная галерея «Сатирикона»	218
156.	А. И. Гучкову	218
157—158.	<Из цикла «Волчьи песни»>	
	1. «Привет победителям жизни!..»	218
	2. Колыбельная	219
159.	В чем дело?	220
160.	Аркадий Лейкин	220
161—162.	Мы и они	
	1. «Скоро стукнет восемь лет...»	222
	2. «Мы были вожжами в те бурные дни...»	223
163.	Пути и перепутья. <i>Случаи из интеллигентской практики</i>	224
164.	Со сторожевой вышки	225
165.	Газетный невольник	226
166.	Национальный гимн готтентотов	227
167.	У пейзажиста	228
168.	«Слава тем, кто рано понял...»	229
169—171.	<Из цикла «Проклятый город»>	
	1. «...И стоят на болоте...»	229
	2. «В Питере два миллиона...»	230
	3. «Дети каменной неволи...»	231
172.	<Из цикла «По Петрограду»>. Большая Охта	231
173.	«Я могучею войною...»	232
174.	Паразиты войны	233
175.	Песня из подвала	234
176.	Дмитрию Цензору (<i>Дружеская шалость</i>)	235

177. Каинова печать	235
178. Защитные строчки	236
179. В Тибете	237
180—182. Требник капиталиста	
1. Соборная молитва	238
2. Верую	238
3. Скрижали Завета	239
183. Живой труп. 4-я Государственная дума	240
184. Наследство	241
185. Нищим духом	242

II

А. С. БУХОВ

<i>Биографическая справка</i>	245
186. Что я написал бы, если бы он умер	246
187. Письмо к редактору	247
188. Трагедия кубизма. <i>Критическое стихотворение</i>	248
189. Вспомните! <i>Юбилейное</i>	249
190. Приятный собеседник. <i>Набросок желчью</i>	250

ЕВГЕНИЙ ВЕНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	252
---	-----

П а р о д и и

191. К. Бальмонт	253
192. А. Белый («Я в «Ру»- я -«не» творю...»)	253
193. А. Белый («Альков, веселый льков...»)	254
194. В. Брюсов («Я взойду с рассветом дня...»)	255
195. З. Гиппиус («...И я такая липкая...»)	255
196. Аполлон Коринфский («Уж ты гой еси, мой дремучий бор!...»)	256
197. М. Кузмин («Кабинеты, биллиарды, уборные...»)	256
198. К. Льдов. <i>Стилистические выкрутасы</i>	256
199. Н. М. Минский («Я интеллектом в царстве грезы...»)	257
200. П. Потемкин («Папироска моя не курится...»)	258
201. И. Рукавишников. <i>Дерньер кри космографии</i>	259
202. Темнота египетская	259
203. Графиня — мать солдатская	260
204. Марь Иванна д'Арк	262
205. Трафить надо	263
206. Круговорот	264
207. Война и богема	265
208. Разные	266
209. В кафе	268
210. Ф. Сологуб (<i>Из книги «Жарь, Кузьмич! Слопают!»</i>)	269
211. Обыватель	270
212. И. Северянин («Стихи певучи, как баранина...»)	271
213. Ник. Агнивцев («Бомба слева, бомба справа...»)	271
214. Казачья песня	272

В. В. ВОИНОВ

<i>Биографическая справка</i>	273
215. Эхо	274
216. Моралист и суетная толпа	275
217. «Настроения»	276
218. Рыцарю скорби и гнева	278
219. Смех	279
220. Песни гудка	280

СЕРГЕЙ ГОРНЫЙ

<i>Биографическая справка</i>	283
221. А. Рославлев («В башне». Сб. стихов)	284
222. Без слов	284
223. Надоели все тонкости	286

КРАСНЫЙ

<i>Биографическая справка</i>	289
224. От частного к общему. <i>С персидского</i>	291
225. Песенка некоей птички	291
226. Перед четвертой сессией	292
227. Депутат и мирная идиоллия. <i>Басня</i>	292
228. Рецепт сильного человека. <i>На мотив из Меньшикова</i>	294
229. На перекрестках	295
230. В стороне	295
231. Предвыборный монолог Хроноса	296
232. Редактору, читающему рукописи. <i>Экспромт</i>	297
233. Спич	297

ИВАН КОЗЬМИЧ ПРУТКОВ

<i>Биографическая справка</i>	299
234. Медведь	300
235. Мужик и телега	301
236. Вешалка	301
237. Птицы небесные	302
238. Та ли? !	303
239. Об иглах и ежах. <i>Басня</i>	303
240. Рыцарская верность. <i>Баллада</i>	304
241. Сказка о воеводе Досифее	305
242. Французская басня (<i>С дополнением</i>)	309
243. Интимное	310
244—245. Истина для истинных	
1. Эпиграмма	310
2. Ловля рифмы	311
246. Невыпитое вино, или Зачем так долго? <i>Басня</i>	311
247. Постовой и месяц. <i>Басня</i>	312

248—251. Африканские впечатления (Если бы я там был)	
1. Восторженное	313
2. Страстное	313
3. Сдержанное	314
4. Одна печаль светлая	314
252. Путник и ворона. <i>Басня</i>	314
253. Роль поэта во вселенной	315
254. Дружеская беседа	316
255. Свинья и пресса. <i>Басня</i>	317

Тэффи

<i>Биографическая справка</i>	318
256. Пчелки	320
257. Патроны и патрон	321
258. «Ты пойдй, моя коровушка, домой...»	322
259. «Мой черный карлик целовал мне ножки...»	322
260. «У маменьки своей спросило раз дитя...»	323
261. Александрит	323
262. Marionетки	324
263. Монахиня	325
264. Гульда	326
265. Бедный Азра	326
266. «Тоска моя, тоска! Я вижу день дождливый...»	327
267. Подсолнечник	328
268. «Мне сегодня как будто одиннадцать лет...»	328
269. «Он ночью приплывет на черных парусах...»	328
270. Черное запястье	329
271. «Ты меня, мое солнце...»	329
272. «Вот завела я песенку...»	330
Примечания	331
К иллюстрациям	357

ПОЭТЫ «САТИРИКОНА»

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 364 стр. Тем. план вып. 1966 г., № 419

Редактор В. С. Киселев

Художник И. С. Серов. Худож. редактор А. Ф. Третьякова
Техн. редактор В. Г. Комм. Корректор Ф. Н. Авручина

Сдано в набор 7/XII 1965 г. Подписано в печать 16/V 1966 г. М 34440. Бумага 84×108^{1/2}. № 1. Печ. л. 11³/₈ + 5 вкл. (19,64). Уч.-изд. л. 17,81. Тираж 25 000 экз. Зак. № 1932. Цена 75 коп.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3